

Г.Ф.Петров

КРОНШТАДТ

Есть на земле
маленькие города,
имена которых
известны всему миру.

Они отмечены
далеко не на всех картах,
но всегда живут
в памяти людей.
Таков Кронштадт.

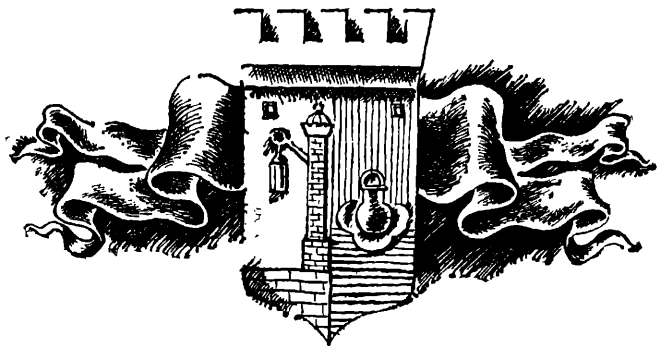
Г.Ф. Петров

КРОНШТАДТ

ОЧЕРК ИСТОРИИ ГОРОДА

Лениздат · 1985

Рецензенты — заведующий отделом пропаганды и агитации
Кронштадтского РК КПСС О. Г. АВДЕЕВ, заведующий отделом ор-
ганизационной, научно-исследовательской и методической работы
ЦГАВМФ СССР И. А. ЛИВШИЦ.

Слава города не зависит от его размеров.

Есть на земле маленькие города, имена которых известны всему миру. Они отмечены далеко не на всех картах, но всегда живут в памяти людей.

Таков Кронштадт.

Он вырос на клочке суши в восточной части Финского залива. Остров Котлин — площадью всего около 15 квадратных километров. Город на нем можно обойти часа за два. По сравнению с великим соседом — Ленинградом — капля в море! Но кто скажет так о Кронштакте? Его называют городом морской славы, правофланговым революции, огненным щитом Ленинграда, часовым Родины, орлиным гнездом богатырей. Все эти поэтические и почетные титулы принадлежат маленькому городу по большому праву.

Слава его росла и крепла веками. В ней переплелись яркие имена, незабываемые события. И гром сражений, отдававшийся эхом во всем мире. И неслышный бег могучей мысли. И самоотверженность борцов за свободу, отдавших свои жизни во имя грядущего

счастья людей. И выраставшие из глухого брожения бури народных волнений.

Рычрет, Риссерт, Реттусари, Кеттусари — под разными именами упоминался остров Котлин в истории. Откуда произошло его нынешнее, закрепившееся навсегда название, доподлинно неизвестно. Ведь родилось оно в незапамятные времена — это подтверждают старинные карты. Существует и легенда, объясняющая название острова. Когда к его берегу впервые подошла яхта Петра I в сопровождении галиота, солдаты шведского сторожевого отряда, завидев русские корабли, бросились в лодки и скрылись. Бегство их было столь поспешным, говорит легенда, что на неприятельском привале остался гореть костер, на котором в котле варилась еда. Первый историк Балтийского флота Н. А. Бестужев, изложивший это предание, отнесся к нему с доверием. «По сему происшествию,— писал он,— остров назван Котлиным».

Как бы то ни было, изображение легендарного котла вместе с маяком и зубчатой крепостной стеной стало частью кронштадтского герба.

Котлинская слава гораздо древнее кронштадтской. Задолго до того, как эти понятия слились в одно, русские воины отстаивали остров от врагов. Не раз здесь свистели пули, звенели мечи.

Трудной была судьба Ижорской земли, что простиралась по топким берегам Невы и Финского залива. Издревле владел этой землей вместе с несчетными островами господин Великий Новгород. Но рвали ее на части немецкие псы-рыцари, опустошали войска шведских и польских королей, стараясь отсечь Новгородскую Русь от моря. Века и войны, войны... Победы Александра Невского. Неудачи Ивана III. Сначала успех, а потом поражение Ивана Грозного в его борьбе с Ливонией. И особенно сильный удар в 1617 году, в царствование Михаила Федоровича, вынужденного

по Столбовскому договору отказаться «за себя и за потомство» от Ижорской земли. Русское государство оказалось отрезанным от балтийского побережья.

Но русские не смирились с тяжелой утратой, с тем, что их старые владения стали Ингерманландией. Снова и снова пытались они вернуть земли «наших дедич и отчич», в том числе и низменный островок, поросший густым сосновым лесом, что лежал на самом удобном корабельном пути из Балтийского моря в Неву. В 1656 году воевода Потемкин ходил «за свейский рубеж на Варяжское море» с тысячным отрядом кормщиков и донских казаков. У Котлина русская гребная флотилия разбила отряд шведских судов и захватила богатые трофеи: «Полукорабль (галеру.— Г. П.) взяли и немецких людей побили и наряд (пушки.— Г. П.) и знамена поимали». Тогда Котлин снова стал русским владением, но лишь на короткое время. Только в начале XVIII века, при Петре I, Котлин вместе со всей Ижорской землей навсегда избавился от иноземных поработителей.

С тех пор больше никогда ни один вражеский солдат не располагался по-домашнему на котлинской земле. Они попадали сюда только пленными. О гранит и бетон укреплений Кронштакта, об огневую мощь его орудий, о героизм его защитников вдребезги разбились захватнические планы шведских королей, англо-французской коалиции времени Крымской войны, Антанты и фашизма.

Кронштакт побеждал не только у своих стен, но и далеко от них. Отсюда корабли с русскими военно-морскими флагами на мачтах уходили сражаться в Балтийское, Средиземное и Черное моря. В безудержной отваге абордажных схваток, в грохоте орудий, в пламени и дыму кронштадтцы добывали громкие победы при Ревеле, Выборге, Гангуте, Чесме, Афоне, Наварине.

Не меньшую славу принесли Кронштагту кругосветные плавания, открывшие просвещенному человечеству новые земли, давшие людям новые богатства знаний. Как правило, эти плавания начинались и заканчивались у берегов Котлина.

Кронштагт — это блестящие страницы истории русского дока, парохода, подводной лодки, мины, торпеды, телеграфа. Кронштагт — всемирно известная родина радио. Здесь проверялись и осуществлялись на протяжении веков новаторские идеи в области фортификации, боевого использования артиллерии, морской тактики. Здесь получили подготовку тысячи специалистов русского и Советского Военно-Морского Флота. На Котлине служили талантливые ученые и инженеры. Их исследования и открытия выходят за рамки чисто военного применения и не потеряли теоретического и практического значения до сих пор.

Не только моряками славен Кронштагт, но и рабочими — строителями, корабелями, портовиками. Они возвели на топкой почве мощные укрепления и прекрасный город, создали поразительные по масштабам и совершенству гидротехнические сооружения, дали жизнь многим кораблям. С первых лет своего существования Кронштагтский Пароходный, а ныне ордена Ленина Морской завод стал одним из лучших судоремонтных предприятий страны.

Огромную роль сыграл Кронштагт, как и весь Балтийский флот, в Великой Октябрьской социалистической революции.

Еще со времени зарождения большевистской партии В. И. Ленин пристально следил за тем, как живет, что чувствует, о чем думает многотысячная матросская и солдатская масса на Котлине. Прекрасно понимал, предвидел, какую роль может и должна сыграть эта сила в грядущих революционных боях. Радовался проникновению газеты «Искра» в казармы и

корабельные кубрики. Был убежден: от этой искры разгорится сильное пламя на флоте и котлинском берегу. Вигел издалека первые языки этого пламени — искровские кружки.

На десятках страниц ленинских трудов упоминается Кронштадт. И не просто упоминается. В статьях, речах, телеграммах, письмах Владимир Ильич указывал, что эту мощную морскую крепость необходимо сделать опорным пунктом революции. На протяжении по крайней мере двух десятилетий все главное, чем жил Кронштадт, находилось в поле зрения вождя. Его влияние на матросскую, солдатскую и рабочую массу города неоценимо. Ленин посылал на работу в Кронштадт верных своих учеников, в 1917 году часто встречался с руководителями Кронштадтского комитета РСДРП(б) и Совета, лично руководил их деятельностью, знал очень многих активистов партийной организации.

Кронштадтцы, чье революционное мужество выковывалось в огне восстаний против царского строя, стали героями Великого Октября, прославились в битвах гражданской войны. Беспредельно преданные партии большевиков, они не щадили жизни ради победы Советской республики, во имя народного счастья.

Незабываем подвиг Кронштадта в годы Великой Отечественной войны. Город-крепость стал в ту грозную пору надежным щитом Ленинграда. Его доблестные сыны и дочери били врага на суше, на море, под водой и в воздухе. Осыпаемый снарядами и бомбами, в пламени пожаров, в холоде и голоде 900-дневной блокады Кронштадт героически выдержал все испытания и внес весомый вклад в историческую победу советского народа над германским фашизмом.

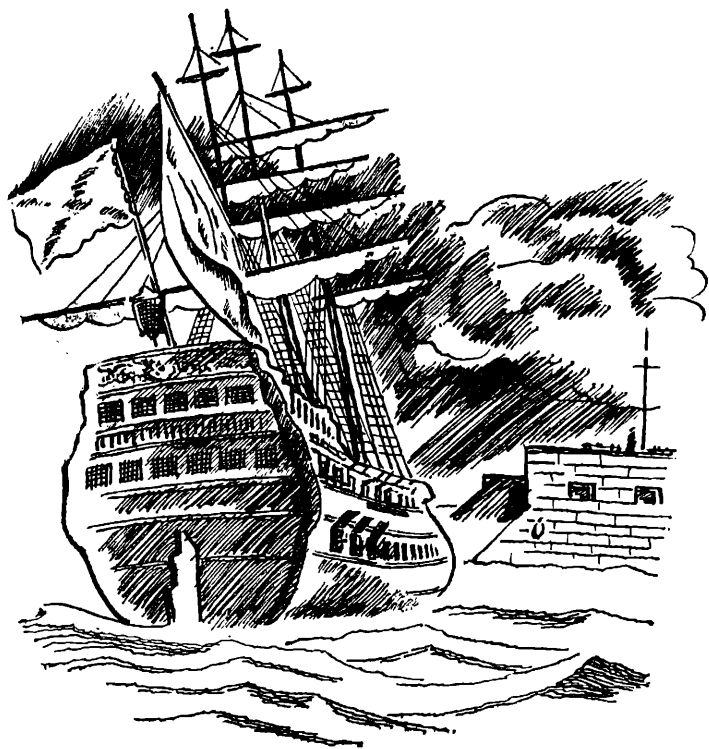
Наравне с воинами жители города привыкли чувствовать себя бойцами. С первых лет существования Кронштадта каждый взрослый мужчина знал свое ме-

сто на крепостной стене, в боевых порядках защитников города. И если звучал сигнал тревоги, если к берегам Котлина приходил враг, кронштадтцы сражались с ним все, независимо от того, носили они воинские мундиры или гражданское платье. Но не только ратный, а и обычный труд кронштадтцев на своих рабочих местах стал во время блокады боевым подвигом, достойным вечной славы.

Сегодня Кронштадт — все та же морская твердыня. Шагает по историческим камням молодое крепкое племя нынешних балтийцев. Вьются по ветру ленточки бескозырок. Стоят в гаванях и на рейдах современные корабли. Мастерски действуют на занятиях и учениях советские моряки, наследники немеркнувшей славы.

Кронштадт — самостоятельный, давно сложившийся город и одновременно административный район Ленинграда. Революционная, боевая, трудовая история Кронштадта, его прошлое, настоящее и будущее неотделимы от жизни великого города на Неве. В успехах ленинградцев, в их свершениях во имя могущества и процветания Родины, во имя счастья советского народа есть немалая доля труда кронштадтцев.

Даже никогда не бывавшие в Кронштадте люди любят этот город, с уважением и гордостью произносят его имя. А те, кому довелось хотя бы ненадолго приехать сюда, уносят с собой яркие воспоминания и добрую память. Многие заключено в дорогом для нас слове — Кронштадт.

**РУССКАЯ
КРЕПОСТЬ
НА БАЛТИКЕ**

Осенью 1703 года Петр I по пути к Петербургу испытывал на Ладожском озере построенный в Лодейном Поле фрегат «Штандарт».

Хмурая Ладога зыбила серые тяжелые волны. Сентябрь, золотой месяц среднерусских лесов и полей, здесь, на севере, обернулся суровым преддизьем. Утром на палубе серебрились иголки инея. Матросы отогревали дыханием коченеющие пальцы. А Петр, обычно стремительный, все медлил. Заставлял фрегат выписывать петли, распоряжался менять галсы, убирать и ставить паруса. Радовался: зело хорош корабль! И уже потому мил он сердцу, что имя его имеет особый смысл. До сих пор двуглавый орел на царском штандарте держал в клювах и когтях карты трех морей, омывавших берега России. Теперь же «в тот образ четвертое море присовокуплено» — Балтийское. Без него не жить.

Вот они — отвоеванные невские берега. Топкие, неказистые, но дороже райских палестин. На них обопрется Россия, чтобы могучим прыжком догнать изумленную Европу. Полтораста лет спустя Карл Маркс в «Тайной дипломатии XVIII века» скажет о непреложной исторической правоте дела Петра I: «Ни одна великая нация никогда не существовала и не могла существовать в таком отдаленном от моря положении, в каком первоначально находилось государство Петра Великого, никогда ни одна нация не мирилась с тем, чтобы ее морские побережья в устьях рек были от нее оторваны; Россия не могла оставить устья Невы, этого естественного выхода для продукции Северной Рос-

сий, в руках шведов... Петр I завладел всем тем, что было абсолютно необходимо для естественного развития его страны».

Борьба за устье Невы, за Прибалтику потребовала от русского народа огромных усилий и жертв. Затяжной, кровопролитной оказалась война с грозным противником — Швецией. Она шла уже четвертый год, а конца не было видно. Войска шведского короля Карла XII, которыми командовал генерал Майдель, осенью 1703 года грозили молодой, заложенной 16 мая и спешно строившейся крепости Санкт-Петербург. Они наступали со стороны реки Сестры, а на взморье белели паруса эскадры вице-адмирала Нумерса.

Сил для решительного сражения на море еще не доставало, и Петр не торопился. Лишь ранние льдины Ладоги заставили его взять курс на Санкт-Петербург. В пути 4 октября встретился конный гонец. Губернатор А. Д. Меншиков сообщал долгожданную новость: шведская эскадра, убоявшись холодов, ушла.

Не мешкая, Петр направился в Финский залив. Ему во что бы то ни стало нужно было найти подходящее место для постройки крепости, которая защитит Петербург от набегов вражеского флота.

Тонкие, неокрепшие льдины, шурша, толкались в борт царской яхты. То в подзорную трубу, то простым глазом Петр осматривал залив, остров Котлин, давно облюбленный для этой цели еще по карте. Он лежал возле самого фарватера. Казалось, сама природа предназначила ему роль щита, прикрывающего устье Невы.

Правда, поставленные на острове орудия не будут своим огнем перекрывать весь фарватер. Враг может пройти. Значит, пушки надо установить... на воде! Петр ноющими от стужи руками перебирал мокрый линь, сам измерял глубину. И нашел, точно выбрал ме-

сто для форта — на отмели, примерно в версте от южного берега Котлина, по другую сторону фарватера, в самом узком его месте.

Вскоре дела позвали царя в Воронеж. Но и там он думал о Балтике, о защите Петербурга: начертил и прислал Меншикову проект будущей цитадели с приказанием строить ее немедленно.

Едва на заливе окреп лед, солдаты полков Толбухина и Островского начали из толстых бревен рубить ряжи — огромные ящики. Их наполняли камнями и опускали в воду, на глубину 3 метра 35 сантиметров. На ряжи уложили помост, на него поставили срубы, их покрыли бревенчатым накатом. На этом прочном фундаменте возвели десятигранную трехъярусную мажорскую башню в деревянном каркасе. Она завершалась шатровой крышей со смотровой площадкой, теремком-фонариком и флагштоком. Все сооружение от ординара до верха флагштока получилось высотой 36,57 метра.

Строительством руководил Меншиков. Работали всю зиму. Материалы приходилось возить на санях по льду из Петербурга. Возле полыньи солдат обдавало обжигающими брызгами. Заледеневшие шинели гремели, словно жестяные. Мороз перехватывал дыхание, свирепый ветер валил с ног. Есть было нечего. За зиму пало 8 тысяч лошадей. Люди ценились дешевле, их смертей не считали.

Форт создавался с «великой поспешностью» и в глубокой тайне, чтобы не проведали шведы. Поэтому точная дата его закладки неизвестна. Зато ввод в строй 7 (18) мая 1704 года ознаменовался пышными и шумными торжествами. Эта дата считается днем рождения Кронштадта, поскольку форт стал первым звеном создания крепости и города на Котлине.

Первое русское береговое укрепление на Балтике называли Кроншлосс — Коронный ключ. Он мог вме-

стить 70 орудий и трехтысячный гарнизон — весьма серьезную силу для отпора неприятелю. Правда, сначала его вооружили лишь четырнадцатью шестифунтовыми орудиями. Но и тогда вражеский флот уже не мог беспрепятственно подойти к Петербургу, а вынужден был вступать в бой за 25 верст от него. Выбор места оказался настолько удачным, что более полутора столетий форт оставался важнейшим пунктом обороны Котлина и утратил значение только с появлением дальнобойной и нарезной артиллерии.

Современники и единомышленники Петра прекрасно понимали значение первого русского форта на Балтийском море. Его называли «Чудо-делом». В память об этой постройке была выбита медаль. Ее золотой и бронзовый варианты дошли до наших дней. Только на этой медали и сохранилось первое название крепости. Вскоре ее стали именовать несколько иначе: Кроншлот — Коронный замок.

Первым гарнизоном Кроншлота стал полк Тимофея Трейдена, а его командир — первым комендантом форта. Ему и дал Петр знаменитую инструкцию: «Содержать сию ситадель, с Божиею помощью, аще случится, хотя до последнего человека». Интересно и продолжение инструкции: «Если неприятель захочет пробиться мимо ея (цитадели.— Г. П.), стрелять, когда подойдет ближе. Стрельбою не спешить: по выстрелянии последней пушки, первая была бы паки готова, и ядер даром не тратить...»

Петр добивался, чтобы оборона форта была не только мужественной, но и умелой. С таким расчетом укреплялся и остров. На нем создали земляную батарею напротив Кроншлота. Впоследствии ее стали называть Старой и Андреевской. Таким образом, Южный фарватер простреливался перекрестным огнем. Северный же фарватер, извилистый и каменистый, моряки долгое время считали непроходимым.

Укрепления, возведенные на Котлине к весне 1704 года, были сооружены по последнему слову инженерного искусства. Строили и защищали их полки Толбухина и Островского. Эти люди и приняли первый бой.

9 июля 1704 года, говорится в донесении Трейдена полковнику Роману Брюсу, коменданту Санкт-Петербурга, «пришло к Котлину острову неприятельских судов с 30, да при них мелких не малое число...» Это была эскадра вице-адмирала де Пру. Ровно месяц простояла она у Котлина, ничего не добившись. Шведы попытались высадить десант, но были отбиты. Затем двое суток они обстреливали крепость. Однако попасть в маленький форт издали им не удалось, а подойти ближе враг не решался, опасаясь плотного огня русских.

Было ясно: враг на этом не остановится. Оборону Котлина и Кроншлота следовало усилить. Эту задачу Петр поручил вице-адмиралу Крюйсу. 22 мая 1705 года Крюйс вывел флот из Петербурга и принялся укреплять Котлин. Своему сыну Ивану он поручил «взметать» батарею на мысу южного берега, Толбухину — на западе, на косе. Эти батареи вошли в историю под именами Ивановская и Толбухинская. Кроме того, Крюйс распорядился закрыть фарватер плавучими рогатками. Свою эскадру — 6 линейных кораблей, 5 фрегатов, 12 бригантин и отряд галер — он расположил под прикрытием батарей с таким расчетом, чтобы они могли поддерживать друг друга огнем.

До сих пор самонадеянный Карл XII не придавал большого значения тому, что у русских появился на Балтике морской форпост. Но после прошлогодней неудачи ему пришлось принимать решительные меры. И вот 4 июня в Финском заливе появилась мощная эскадра: семь линейных кораблей, шесть фрегатов и вспомогательные суда.

Вражеские фрегаты подошли к самым рогаткам, но не выдержали яростного обстрела и вернулись к остальной эскадре, стоявшей на якорях на безопасном расстоянии. Затем линейные корабли и боты под командованием контр-адмирала Спарре устремились к косе. Однако высадить десант шведы так и не могли: огонь Толбухинской батареи заставил их отступить.

Тихим солнечным утром следующего дня весь шведский флот открыл огонь по русским судам и батареям. Но солдаты полков Толбухина и Островского укрылись в окопах и не несли урона. Канонада длилась три часа. Облака порохового дыма заволкли место сражения. Вдруг защитники Котлина увидели, что шведы спускают шлюпки. Под прикрытием артиллерии они снова решили высадить десант на косу — наиболее уязвимое, как им казалось, место. Туча шлюпок и ботов шла к берегу. Вот уже более сотни рослых усатых grenадеров побежали по мелководу с ружьями наперевес. Но пушки Толбухинской батареи и солдаты открыли такую стрельбу, что атака захлебнулась. Grenадеры в панике бросились назад. Они лезли в шлюпки, расталкивая друг друга, опрокидывая легкие суденышки. В этот день было убито и потонуло около 300 шведских солдат и офицеров, многие попали в плен.

Озлобленные неудачей шведы на следующий день открыли бешеный артиллерийский огонь. Они имели превосходство не только в числе орудий, но и в их калибре. Ядра русских шестифунтовых пушек плюхались в воду, не достигая цели, крупных орудий было мало. Шведские же бомбардирские корабли, стоя в глубине своих боевых порядков, хоть и редко, все-таки заставляли поволноваться защитников крепости. Одна бомба упала на палубу галеры «Святой Петр», но не взорвалась. Другая угодила в форт и «разорвалась таково, что весь Кроншлот затрясся», — писал Крюйс. Однако и в этом бою шведы не добились успеха. Им

пришлось на несколько дней оставить попытки овладеть фортом и островом.

Пользуясь затишьем, русские принялись укреплять оборону. Шведы выявили ее недостатки: мелкий калибр орудий, слабая артиллерийская защита косы, полное отсутствие укреплений на северном берегу. На косу неприятель уже дважды пытался высадить десант, а Северный фарватер усиленно промерял. Этот урок русским пошел впрок. Защитники Котлина, получив из Петербурга большие пушки, мортиры и гаубицы, установили их именно в тех местах, к которым примеривались шведы. В частности, поставили вторую Толбухинскую батарею, способную вести огонь и по Южному и по Северному фарватерам.

А когда 10 и 14 июня противник возобновил активные действия, «ему добрый ответ чинили». В артиллерийских дуэлях русские пушкари все чаще выходили победителями. Шведы латали свои продырявленные корабли, а русские опять умело пользовались затишьем. Получив подкрепление, балтийские моряки 21 июня сами пошли на галерах в атаку. Враг предпочел не принимать боя.

Однако через три недели, 14 июля, защитники крепости вновь увидели перед собой королевский флот — двадцать четыре вымпела. Корабли подошли к острову, насколько позволяла глубина, и полукрутом охватили косу с юга, запада и севера. Пять часов подряд длилась неумолкающая канонада. Но солдаты хорошо укрылись в траншеях, а молодая русская артиллерия продемонстрировала свое полное превосходство над шведской: ядро, пущенное с батареи Толбухина, ударило прямо в ватерлинию адмиральского корабля.

Около полудня к северному берегу косы ринулся десант — более полутора тысяч солдат. На мели атакующие попрыгали из шлюпок в воду, но неожиданно глубина увеличилась. Командующий флотом адми-

рал Анкаршерн, ломая пальцы, наблюдал, как захлебываются и тонут его солдаты. Тех же, кому удалось выбраться на берег, встретил шквал ядер, картечи и пуль. В тот день шведы потеряли убитыми и утонувшими около тысячи человек. Сдались в плен три капитана, четыре поручика и около 60 рядовых.

Это была последняя угроза Котлину в Северной войне. На печальном для себя опыте шведы убедились в неприступности крепости.

Тем временем война продолжалась и Крюйс усиливал оборону Котлина. В конце 1705 года началось строительство долговременных сооружений. На косе возвели крепость святого Александра Невского, или Александр-шанц: четыре бастиона, вооруженные сорока пушками.

Росли укрепления. Рос флот. В 1708 году на котлинском рейде состоялась торжественная церемония: Федор Матвеевич Апраксин был удостоен звания генерал-адмирала. На мачте флагманского корабля впервые взвился флаг высшего командира военного флота России.

Одновременно велась планомерная подготовка широкого наступления по обоим берегам Финского залива. На Котлине был сформирован 13-тысячный осадный корпус. 15 марта 1710 года он под командованием Апраксина выступил с острова в поход, за шесть дней прошел по льду залива 130 километров и блокировал Выборг. 30 апреля Петр повел за собой морские силы — 9 фрегатов, 8 шняв и 250 гребных судов. С огромным трудом и риском пробивались они через ледяные поля. Этот поход — героическая страница истории отечественного флота. В нем русские моряки продемонстрировали прекрасную выучку, волю к победе и мужество, а корабли — прочность.

13 июня гарнизон Выборга капитулировал. Затем сдались русским Ревель, Пернов, Рига, укрепления Мо-

снзундских островов. В результате удачных операций у флота появились новые базы. Но главной оставался Петербург. У берегов Котлина каждое лето стояли корабли, чтобы в случае необходимости встретить и отразить неприятеля. Осенью они уходили на зимовку в Петербург, так как своей гавани Котлин не имел. Ее строительство началось в ноябре 1709 года.

Эта важнейшая и труднейшая работа растянулась на несколько лет. Сооружали гавань солдаты и пленные. Дело шло медленно. Чтобы ускорить строительство, в 1712 году появился указ — выслать на Котлин по три тысячи работных людей от всех губерний. Однако губернаторы не спешили выполнять указ. В огромной России стало не хватать мастеровых — всюду строились города, крепости, заводы, верфи, корабли. Корнелий Крюйс, ответственный за создание гавани, жаловался Ф. М. Апраксину, что в его распоряжении всего 1200 работных людей. «Ежели у меня к 25-му числу будет 2000, то буду работать,— писал Крюйс во гневе,—а ежели нет, то брошу и буду знать только свое адмиральство».

Строительство на Котлине тормозилось и из-за нехватки материалов. Рабочие добывали на северном берегу залива камень для стенки гавани, глину для брустверов — на южном. Солдаты гарнизона зимой пилили и тесали бревна на материке, а летом готовые срубы переправляли на остров и ставили казармы.

У Петра давно зрели грандиозные планы строительства на Котлине. Затяжная Северная война не давала возможности их осуществить. После Полтавской победы, когда Швеции был нанесен сокрушительный удар, Котлин вновь оказался в центре внимания.

В 1712 году, когда основную часть острова еще покрывал лес, Петр уверенно говорил, что на Котлине встанет большой город. Об этих планах поведал в письме своему правительству голландский посланник

Ван-дер-Гульд: «Государь рассказывал нам свои предположения на счет постройки города на острове Ритчарде. Город этот будет населен только торговыми людьми, все строения предполагаются каменные. Город украсится набережными и мостами вроде амстердамских. План так обширен, что на исполнение его потребуется много времени».

Посланник ошибся в одном: город на Котлине должен был стать не только купеческим, а многословным, как любой другой. Ибо еще 16 января того же 1712 года Петр повелел «объявить шляхетским тысячи домам, купетским лучшим пятистам, средним пяти же стам, рукомерленным всяких дел тысячи домам (из которых половина те, которые заводы имеют, яко кожевенники и проч.), что им жить на Котлине острове по окончании сей войны, и даны им будут дворы готовые за их деньги, а шляхетству дворы и земли под деревни (последние без денег), и кой час будет, даст бог, мир, тотчас будут переведены и для того сказывают заранее, чтоб никто неведением не отговаривался... и сей выбор людей надлежит без поманки выбрать под потеряннем живота, чести и пожитков, кто недостойных в сей перевод напишет».

В августе сенат уже составил список 1212 именитых дворян и бояр — будущих котлинских жителей. Правда, до переселения было еще далеко: шла война.

1714 год ознаменовался Гангутской победой. Она отодвинула войну к шведским берегам. Для Котлина настало время сделаться не только военным, но и торговым портом. В 1714 году наконец вошла в строй котлинская гавань, первое русское гидротехническое сооружение на Балтике. Однако больших восторгов окончание строительства не вызвало. Еще раньше стало ясно: гавань, вмещающая всего 40 судов, мала даже для военного флота, не говоря о торговом, и не смо-

жет играть той важной роли в жизни государства, которая ей предназначалась.

Вот почему еще за год до завершения работ началось создание новых просторных гаваней. Позже они получили названия Военной, Лесной, Средней и Купеческой. Для их строительства царь повелел выслать на Котлин из пяти губерний 31 с половиной тысячу рабочих людей. Петр хотел закончить гигантское сооружение в немыслимо короткий срок — год. Для ближайшего присмотра за работами, которыми руководил капитан Э. Лейн, приказал прибыть на Котлин всем губернаторам: азовскому, архангелогородскому, казанскому, московскому и нижегородскому. Этого не делалось даже при строительстве столицы.

И все же ход работ не удовлетворял Петра. Он передал их сенатору М. М. Самарину и приказал: «Ведать и надсматривать дело гаванное, чтоб, кроме болверков, сей зимы кончено, в чем неусыпно радеть и делать и понуждать, чтоб конечно было сделано, несмотря ни на кого делать прямо под потеряннем живота».

Одновременно реконструировался Кроншлот. Он получил форму вытянутого пятиугольника, чтобы усилить огневую оборону фарватера. Увеличивалось вооружение котлинских батарей. Шведы, хоть и не осмеливались больше нападать на Котлин, все же обладали еще достаточной силой и держали его защитников в постоянном напряжении. Поэтому Петр лично проверял боевую готовность крепости. В 1718 году он дал коменданту Котлина бригадиру Порошину историческую инструкцию «О должности его и будущим по нем комендантам в Кроншлоте и прочих крепостях на острове Котлине». Она имела не только практическое, но и военно-теоретическое значение. Петр писал:

«...В крепостях иметь непрестанную великую осто-

рожность, ибо приморские крепости вельми разность имеют с теми, которые на сухом пути, ибо на сухом пути стоящие крепости всегда заранее могут о неприятельском приходе ведать, понеже довольно времени требует войску маршировать, а на море так без известно есть, как человеку о своей смерти, ибо получа ветер способный, без всякого ведения может внезапно придти и все свое намерение исполнить, когда не готовым застанет; того ради непрестанно готовым быть, особливо чтоб батареи в добром смотрении были».

Весной 1720 года Петр вновь придирчиво осматривал укрепления Котлина и остался ими очень доволен. Ощетинившиеся стволами орудий батареи, многочисленные мачты покачивающихся на волне кораблей говорили ясно: русские утвердились здесь навсегда. Важность этого стратегического пункта подчеркнута в приказании царя контр-адмиралу П. И. Сиверсу, отданном 18 мая: «Оборону флота и сего места держать до последней силы и живота, яко наиглавнейшее дело».

Гигантская работа по реконструкции Кроншлота и сооружению гаваней была проделана удивительно быстро. И хотя для завершения строительства потребовалось еще несколько лет, котлинский порт уже существовал. В 1719 году в него из разных стран Европы пришло около ста торговых судов. Быстро рос свой флот, военный и коммерческий. Все это радовало и одновременно заботило. Корабли необходимо было чинить на Котлине. И здесь же строить новые. А для этого необходимы доки, эллинги, мастерские.

Еще перестраивался Кроншлот, еще даже не начинали выводить стенку Средней гавани, еще только закладывались первые каменные дома на Котлине, как Петр объявил о новом, невиданном, ни с чем не сравнимом строительстве. Он задумал такое, от чего закружились головы даже у видавших виды его помощни-

ков. Решил разрезать остров поперек каналом. Восточнее в том же направлении провести второй. Перпендикулярно — третий, от западной оконечности острова. И, наконец, четвертый — на 220 саженой севернее третьего. На западе он должен был достигнуть моря, а на востоке — соединиться со вторым каналом. По ним свободно должны были проходить самые большие корабли.

В 1719 году начали копать первый канал с бассейном и доками. Работа шла круглый год. Ее вели 3 тысячи человек, присланных из разных губерний. Строительством руководили сенатор М. М. Самарин, затем адмирал П. И. Сиверс. Канал, доки, эллинги действовали уже в 1724 году, когда за один-два месяца были одновременно отремонтированы девять линейных кораблей и фрегатов. Но строительство продолжалось еще много лет.

В доке, сооруженном по идее Петра I на Котлинс, могли стать на ремонт одновременно более 10 судов, как нигде в мире. И как нигде в мире, для осушения дока был изобретен гениально простой способ. Вырыли большой и глубокий бассейн. Соединили его с доком. Устроили шлюзы. Когда в док вводили судно и требовалось обнажить его днище, открывали шлюзы. Вода за несколько часов самотеком уходила в бассейн. А за время ремонта воду выливали из бассейна с помощью ветряных мельниц, которые приводили в действие тогдашние маломощные помпы. 20 метров в ширину и свыше 300 метров в длину — таковы размеры дока-канала. Эти размеры поражали моряков и инженеров всего мира. Реконструированный, усовершенствованный, но в основе — тот же самый, Петровский док успешно служит и сегодня. Это величественное сооружение стало памятником новаторской мысли русского народа, его трудолюбию и богатырскому размаху.

К тому времени на Котлине возводились не только оборонительные и гидротехнические сооружения да временное жилье для гарнизона и рабочих людей. На острове поднимался город. Как и Петербург, он строился регулярным, с прямыми широкими улицами, образованными ровными рядами однотипных домов. Генеральный план застройки Котлина разрабатывался несколько лет. Царь утвердил его в 1721 году. К созданию проекта причастны «фортификационного и палатного дела мастер» Д. Фонтана, известные зодчие Ж.-Б. Леблон, Н. Микетти, И. Браунштейн.

Парадный фасад города формировали первые каменные дома, так называемые губернские, вставшие вдоль будущих набережных. Они строились по указу Петра от 10 марта 1714 года всеми губерниями России. Эти здания возводились по единому образцу — трехэтажными, на погребах, под черепичной кровлей, с двумя одинаковыми фасадами, каждый из которых прорезали дверь, ворота и 19 окон. Ради экономии кирпича постройки ставили вплотную, чтобы одна стена была общей для двух домов. Всего было построено 24 таких здания. Они предназначались лучшим людям города: офицерам, купцам и знатым мастеровым. Фактически же их получили только избранные. В сохранившемся списке раздачи новостроек значатся адмиралы, князья, графы, капитаны, ближайшие помощники царя. Там же отвели помещения для школы и аптеки, а в нижних этажах домов, расположенных «скобой» возле канала, находились лавки.

Сдержанную архитектуру губернских домов затмил Итальянский дворец князя А. Д. Меншикова — самое большое и пышное жилое здание в России первой четверти XVIII века. Он значительно превосходил размерами и убранством меншиковский дворец на Васильевском острове. Это трехэтажное здание «покоем» с открытыми аркадами вдоль боковых фасадов было де-

корировано пилястрами, портиками, сдвоенными колоннами. Особенно наряден был центральный фасад, обращенный к морской набережной. Его украшали треугольный фронтон, бельведер, балюстрада с вазами и статуями.

Гораздо скромнее, по своему вкусу, устроил себе жилье Петр I. В 1705 году там, где теперь шумит листвою Летний сад, в восточной его части, царю срубили домик — почти такой же, как в Петербурге, только меньше: одноэтажный, деревянный, на каменном фундаменте, крытый тесом, с кухней, пекарней и ледником. Дом окружал фруктовый сад. В 1722 году на месте Петровского парка, у самой воды, был возведен царский дворец. Его поставили на ряжах, выложили из кирпича три этажа, увенчали крутую крышу высоким шпилем.

Рос, украшался город на Котлине. Теперь строить его можно было без опаски. 30 августа (10 сентября) 1721 года закончилась наконец Северная война, продолжавшаяся два десятилетия. По Ништадтскому мирному договору России были возвращены отторгнутые захватчиками земли и отошло побережье Балтики от Выборга до Риги. Россия вступила на мировую арену великой державой, равноправной участницей европейской политики, международных экономических связей.

Однако ее усиление пришлось не по вкусу многим правительствам. Англия стремилась сколотить антирусскую коалицию, ее старания встречали сочувствие при дворах Австрии, Саксонии, Ганновера и других стран. Поэтому Петру I приходилось укреплять военную мощь государства.

Уже после заключения Ништадтского договора, в конце 1721 года, на Котлине началось строительство нового форта — Цитадель. Его возвели у самого фарватера, впереди береговой Ивановской батареи.

Важное военно-политическое значение имел праздник в честь «дедушки русского флота» — того маленького ботика, на котором Петр еще юношей учился плаванию на реке Яузе и Измайловском подмосковном пруду. 11 августа 1723 года ботик торжественно прошел из котлинской гавани на рейд мимо всего выросшего и возмужавшего Балтийского флота. Корабли салютовали ему громом пушек. На веслах сидели славнейшие адмиралы, а рулем правил сам Петр. На церемонии присутствовали послы, с уважением смотрели на морскую мощь Российского государства. Именно в этом впечатлении состоял главный смысл праздника.

В том же 1723 году на Котлине была заложена центральная крепость. Делалось это тоже чрезвычайно торжественно, с расчетом на международный резонанс. 3 октября огромная флотилия с именитыми жителями столицы, иностранными послами и высокими гостями прибыла в котлинскую гавань. Проливной холодный дождь заставил перенести церемонию. Но он все лил, ветер усиливался. Потеряв терпение, Петр решил больше не откладывать столь важное дело.

7 октября в первом часу дня три пушечных выстрела с Кроншлота возвестили сбор. Вымокшие до нитки священники отслужили торжественный молебен. Петр взял три куска дерна и положил их туда, где должна подняться крепостная стена. То же сделала императрица. Затем и придворные, пачкая голландские кружева, положили по дернине. Снова грянули выстрелы с Кроншлота. Под их гром все участники закладки пили вино, смешавшееся с дождевой водой. Так отмечено было рождение крепости, название которой объявили здесь же: Кронштадт — Коронный город.

До конца жизни Петр не ослаблял внимания к Кронштадту. 2 января 1724 года, значится в Поденной записке, «Его величество поутру был в своей комнате и чертил чертежи Кронштадта». В течение года он по-

сетил Котлин пять раз. В последний его приезд, 3 октября, флот вошел в гавань и начал разгружаться.

Петр долго не мог оторвать глаз от любимого детища. Вот каким он стал — недавно еще безлюдный, пустынный, мрачный остров Котлин. За двадцать лет на нем словно из-под земли вырос город. И не просто город. Могучая морская крепость. Прекрасный порт. Центр международной торговли. Образец применения воинской и строительной науки. Разве не чудо? Иначе и не скажешь — чудо-дело!

ЗИГЗАГИ

28 января 1725 года Петр I умер, не успев назначить преемника. Вспыхнула ожесточенная борьба за власть между группировками знати. В придворных интригах решались не только судьбы престола. Будущее государства было поставлено на карту. Идти ли России по пути, намеченному Петром, или вернуться вспять?

Воцарение Екатерины I внушало надежды, что все пойдет как при Петре. Внешне так и выглядело, но власть царицы-иноземки оказалась непрочной. Екатерина часто бывала в Кронштадте, подчеркивала, что воля Петра для нее священна, однако свои заверения не подкрепляла делом.

В 1725 году возникла опасность войны с Англией. В Кронштадт отправился граф Апраксин, чтобы срочно подготовить укрепления к обороне. Однако он нашел крепость «в великой неисправности» — ее не отремонтировали после первого большого наводнения в 1724 году.

Дальше пошло еще хуже. После смерти Екатерины I на престол вступил Петр II. Под влиянием старой боярской аристократии он открыто объявил себя противником преобразований Петра I. Столицей снова стала Москва. Петербург хирел. Вельможи, дворяне, куп-

цы покидали его вслед за двором. Петр II говорил, что «гулять по морю, как дедушка», не намерен. Строительство на Котлине замерло, рабочие разбежались. Мало изменилось положение и при императрице Анне Иоанновне, которая безраздельно доверила государственные дела временщикам из немцев Бирону, Миниху и Остерману.

В 30—40-е годы XVIII века кронштадтские деревянные и земляные укрепления должны были одеться в камень. Однако этого не произошло. Канал разрушался быстрее, чем строился, из-за невнимания правительства и технической безграмотности руководителей этой стройки, адмиралов и сенаторов, принужденных по царской прихоти заниматься не своим делом.

Наконец, в 1739 году главным командиром конторы кронштадтских строений был назначен образованный и опытный инженер Иоганн Людвиг фон Люберас. Он исправил повреждения дока-канала и с успехом продолжил начатое. У Любераса появились дельные помощники. Среди них выделялся инженер-капитан Илларион Матвеевич Голенищев-Кутузов, впоследствии генерал и сенатор, отец великого полководца.

В строительстве канала выдающуюся роль сыграл Андрей Константинович Нартов — виртуоз токарного дела, механик-изобретатель. Он вместе с Петром I далеко за полночь засиживался в токарне над чертежами дока-канала и его механизмов, но тогда решить все сложные технические задачи не успел. Вернулся к ним лишь в 1747 году. Нартов прибыл в Кронштадт вместе с двумя сенаторами, чтобы ускорить строительство. Под его руководством изготовили и применили на практике многие замечательные приспособления, облегчающие труд людей. Самое важное изобретение Нартова — три пары двойных шлюзовых ворот, главный механизм дока-канала. Эти ворота надежно перекрывали воду, были прочны, легки в управлении и

прослужили многие десятилетия. В конструкции главного механизма канала Нартов впервые в России использовал латунь, построил машину для шлифовки и сверления камня, грузовой транспортер, предложил свой метод сопряжения деревянных брусьев и много других новшеств. Выдающийся ученый и изобретатель, член Петербургской академии наук работал в Кронштадте как высший технический эксперт. Существование Петровского канала во многом обязано его таланту.

Наконец многострадальное строительство пришло к благополучному концу. 30 июля 1752 года состоялось торжественное открытие замечательного сооружения общей длиной от устья до конца бассейна 2 километра 240 метров. По этому случаю в Кронштадт прибыла вся петербургская знать, иностранные послы, ученые и писатели, адмиралы, инженеры из многих европейских государств. К этому дню на дамбе канала построили деревянные обелиски с надписями: «Дело являет, каков был труд», «Чего не победит Россия мужеством?».

Царица повернула рукоять, ворота шлюза открылись, и в канал под грохот орудийного салюта хлынула вода. На церемонии было объявлено, что каналу присваивается имя Петра Великого.

1 августа 1752 года в док вошел первый корабль.

Строитель канала Люберас, завершив главное дело жизни, через неделю умер. В Кронштадт прибыл генерал-майор Ганнибал, чтобы вместе с Голенищевым-Кутузовым разобрать бумаги, касающиеся строительства на Котлине. Одна из самых ярких личностей эпохи Абрам Петрович Ганнибал, «арап Петра Великого», прадед гениального русского поэта, далеко не впервые оказался на этом острове. Сначала он сопровождал царя как его камердинер, секретарь и библиотекарь, а с 1724 года, после возвращения из Парижа, где Ган-

нибал обучался инженерному искусству, он время от времени работал на Котлине, участвовал в сооружении укреплений. Однако после смерти царя его любимец имел несчастье прогневить всемогущего князя Меншикова и под охраной отправился в Сибирь, где, впрочем, продолжал работать. Возвратившись в 1755 году в столицу, он был назначен главным командиром «устроения канала и доков» в Кронштадте, а через четыре года произведен в генерал-аншефы с одновременным назначением директором Ладожских каналов и комиссии Кронштадтских и Рогервикских строений. Вплоть до ухода в отставку в 1762 году Ганнибал руководил всеми фортификационными и гидротехническими работами на Котлине. Петровский док-канал он довел до совершенства.

Блестящие специалисты, изумительные знатоки своего дела работали в Кронштадте. Их усилиями, их талантами обновлялась и совершенствовалась крепость. Но лишь на короткое время она становилась грозной для врага. Недальновидность и безответственность царей, министров и чиновников сводили на нет усилия инженеров и рабочих, уничтожали результаты исполинского труда народа.

Частые войны с сильными морскими державами время от времени заставляли царское правительство беспокоиться о боеспособности Кронштадтской крепости. Правда, ее орудиям долго не приходилось открывать огня по врагу: корабли противника не рисковали подходить к Котлину на расстояние пушечного выстрела. А балтийские, в том числе кронштадтские, моряки не раз мужественно сражались в родных водах и далеко от них.

Во время русско-турецкой войны 1787—1791 годов Кронштадтская эскадра готовилась к походу в Средиземное море на поддержку молодому Черноморскому флоту. В этот момент шведы, подстрекаемые Англией,

нарушили мир. Король Густав III летом 1788 года во главе 38-тысячной армии осадил Нейшлот. На Балтике появился сильный флот под командованием брата короля Карла Зюдерманландского. Он намеревался напасть на русских у Кронштадта, а затем с помощью десанта овладеть Петербургом.

Кронштадтская эскадра, к счастью, не успела отправиться в поход: высланный в разведку фрегат «Мстиславец» вовремя принес весть о появлении врага. Главный командир Кронштадтского порта адмирал Самуил Грейг встретил шведов 6 июля у острова Гогланд. Бой продолжался пять часов. Силы противников были примерно равными. Обе стороны потеряли по одному линейному кораблю. Но на рассвете шведы поспешно ушли, отказавшись от главной цели — нападения на Петербург.

Весной 1790 года шведы снова решили попытаться счастья в Кронштадте: Карл Зюдерманландский хотел неожиданным ударом помешать соединению Ревельской и Кронштадтской эскадр и рассчитывал разбить их поодиночке.

Эскадра, которую вел главный командир Кронштадтского порта вице-адмирал Александр Иванович Круз, сменивший на этом посту умершего Грейга, состояла из 31 судна, вооруженного 1760 орудиями. У шведов было 35 судов и 1830 орудий. Русская эскадра только вышла из гавани и еще не была готова к встрече с неприятелем. Однако выбора не было: позади кронштадтских моряков находилась столица. Около 4 часов утра 23 мая 1790 года началось Красногорское сражение. Петербург услышал близкий гул трех с половиной тысяч орудий — настолько сильный, что в зданиях на набережных Невы «окна были в постоянном содрогании».

Сражение при Красной Горке с перерывами продолжалось до 9 утра 24 мая. Ни одной из сторон не

удалось разгромить противника. Но победу торжествовали русские: они устояли перед более сильным врагом, защитили Кронштадт и Петербург, вынудили противника уйти к Выборгу и соединились с Ревельской эскадрой. Вскоре шведы подписали мирный договор, выгодный для России.

Война, развязанная Густавом III, заставила царское правительство спешно приводить в порядок укрепления Кронштадта, второпях строить новые батареи и редуты. Однако работы бросили сразу же, как только в них отпала острая нужда. А в 1801 году император Павел I вопреки здравому смыслу распорядился скрыть все укрепления Толбухиной косы, вместо того чтобы их усилить. Немало труда стоило сравнять с землей оборонительные сооружения, которые создавались и совершенствовались целое столетие. Это происходило в самый неподходящий момент: Россия фактически находилась в состоянии войны с Англией. Эскадра адмирала Нельсона подошла к Ревелю, готовилась двинуться на Кронштадт. Конфликт предотвратила смерть Павла I.

В 1806 году укрепления на Котлине осмотрел лучший тогда в России военный инженер К. И. Опперман. Он предложил проект усиления сухопутной обороны острова. По его рекомендациям привели в порядок Александр-шанц, который не успели уничтожить исполнители нелепого приказа Павла I, построили новый редут, усилили вооружение крепости, в значительной мере устаревшее. Из 473 орудий 177 оказались полностью негодными. Одновременно инженер-генералу П. К. Сухтелену поручили составить проект каменной крепости. Однако спохватились слишком поздно: война с Англией заставила срочно строить деревянные батареи на Северном и Южном фарватерах, затопить старые суда, чтобы преградить путь вражеским кораблям.

Английский флот не отважился углубляться в Финский залив, а после заключения мира между Россией и Швецией в сентябре 1809 года ушел из Балтики. И снова Кронштадт оказался надолго забытым. «Крепость существовала, но на нее уже некогда да и незачем было обращать внимание. Об ее гарнизоне... упоминалось только тогда, когда надо было взять куда-нибудь людей», — писал дореволюционный историк Кронштадта А. В. Шелов.

Со времен Петра II Кронштадт не приходил в такое запустение. Большинство укреплений оставались деревянными и земляными, как в год их основания. Но то, что было грозным в начале XVIII века, стало жалким в начале XIX. После стольких лет полного забвения Кронштадтская крепость стояла на грани разрушения.

Прогрессивные военные специалисты в 1823 году вступились за судьбу славной крепости. Сначала Опперман, затем целый комитет под его председательством разрабатывали меры спасения и модернизации Кронштадта. Однако не этому комитету принадлежало в России последнее слово. Правительство откладывало решение, пока не разразилось несчастье.

Сильный юго-западный ветер, начавшийся в ночь на 7 ноября 1824 года, к утру превратился в бурю. Началось небывалое наводнение. Последствия его на маленьком низменном Котлине были страшными. Вода поднялась на 3 метра 71 сантиметр выше ординара и затопила почти весь остров, кроме небольшой нагорной части. Частные дома были разрушены или унесены. Крепостные сооружения, гораздо более прочные, тоже не устояли. Наводнение уничтожило Петровскую, Ивановскую и другие батареи. Земляной вал на большом протяжении размыло до основания. Сильно пострадали форты Кроншлот, Цитадель, все укрепления на косе. «Сила ветра и волнения так была ужасна,—

говорится в записке неизвестного свидетеля бедствия,— что на крепостях опрокидывало и бросало в воду орудия с лафетами, имевшие по 170 пуд весу...» Сорвало и унесло в море мосты через крепостной ров, караульные дома и будки, артиллерийские платформы.

Буря нанесла тяжелый удар и флоту. Из стоявших в гаванях и на рейдах 94 судов удержались на якорях только 12. Главный командир Кронштадтского порта доносил начальнику Морского штаба, что на мель брошены 18 линейных кораблей, 9 фрегатов, 9 бригов, 5 шлюпов, 2 шхуны, 7 транспортов, корвет и катер. Затонули или получили серьезные повреждения и многие торговые суда.

На Котлине погибло около ста жителей города и несколько военных — в основном часовых, оставшихся на своих постах.

Так за один день стихия уничтожила почти все укрепления, создававшиеся 120 лет. Уцелевшие военные постройки нуждались в срочной поддержке. После осмотра всех 372 зданий морского ведомства комиссия во главе с Опперманом пришла к выводу, что 255 из них требуют капитального ремонта, 31 годится лишь на слом «по совершенной ветхости». Строить надо было заново и с учетом последнего слова военной науки.

Начали с главной ограды крепости. Лучшие фортификаторы России сообща быстро доработали проект, начатый еще в 1806 году под руководством Сухтелева. Строительство всех укреплений и сооружений вел военный инженер В. И. Маслов. Оно продолжалось с 1825 по 1840 год. Центральная крепостная ограда с оборонительными стенками, башнями и полубашнями, казармами, где вместо окон устроили бойницы для ружейной стрельбы, с восстановленными Петровским рвом и валом опоясала весь город.

Одновременно по самостоятельным проектам возводились форты и батареи, служебные, производствен-

ные, учебные, торговые, жилые здания. Всю эту работу направлял правительственный Комитет об устройстве Кронштадта, в который входили директор строительного департамента по морской части Л. Л. Карбоньер, генерал К. И. Опперман, вице-адмирал Ф. В. Моллер, другие крупные военачальники и военные инженеры. Комитет руководил разработкой генерального плана развития Кронштадта, который был утвержден в 1829 году. Непосредственно осуществлял его Кронштадтский строительный комитет под председательством главного командира порта адмирала Г. А. Сарычева. Ему подчинялась Инженерная команда по морской строительной части.

Котлин превратился в строительную площадку. На ней четверть века трудился весь гарнизон крепости с помощью сотен вольнонаемных рабочих. Но и этих сил не хватало. В 1829 году по распоряжению царя сформировали несколько арестантских рот из «порочнейших нижних чинов» армии и флота. Они выполняли самые тяжелые работы.

Талантами передовых инженеров и архитекторов, напряженными усилиями тысяч землекопов, каменщиков, плотников, оружейников укрепления Кронштадта преобразились, оделись в гранит. Новые форты, особенно Александр и Павел, составлявшие первую линию обороны Южного фарватера, батареи Князь Меншиков в Купеческой гавани и Николаевская в Кроншлоте представляли собой внушительную силу, имели достаточно мощное вооружение, отличались добротностью постройки.

Однако важные меры оказались половинчатыми. Как и раньше, осталась незащищенной коса, где высились только земляные верки и безоружный Александр-шанц. Другим опасным направлением был Северный фарватер. Там на котлинском берегу громоздились лишь развалины прежних батарей. Почти треть

из 1226 орудий Кронштадта состояла из устаревших пушек малого калибра.

Несмотря на многие недоделки и просчеты, к середине XIX века Кронштадтская крепость стала значительно мощнее, могла остановить врага на подступах к Петербургу. А Балтийский флот устарел.

В то время просторы морей уже бороздило множество торговых и военных пароходов. Появились они и в России. Первый пароход «Елизавета» спущен на воду в 1815 году, первый вооруженный пароход «Ижора» — в 1826 году, еще через десять лет — колесный пароходофрегат «Богатырь». Но от первых судов далеко до флота. Постройка пароходов, начавшаяся в России с опозданием, шла очень медленно, отставание все увеличивалось.

Особое значение имело изобретение в 1836 году гребного винта. Оно, писал Ф. Энгельс, «повело к полному революционизированию морской войны...». Россия одновременно с Англией построила первый военный винтовой корабль — фрегат «Архимед». Но на второй год своего существования он потерпел крушение. Как ни доказывали новаторы русского флота, что это случайность, что крушения терпят и парусные суда, — их не хотели слушать.

Варварски необразованные в области военной техники царедворцы не позаботились даже о введении преподавания парового дела в Морском кадетском корпусе — офицеры, выходившие из его стен, по-прежнему оставались «парусниками». К 1853 году военный флот Англии и Франции наполовину состоял из винтовых кораблей, а в России в основном оставался парусным.

Осенью 1853 года грянула Крымская война. Ее основные сражения протекали у черноморских берегов, на славной земле Севастополя. Но борьба шла и в Закавказье, на Белом море, на Камчатке, на Балтике. Тре-

важные события разворачивались в Финском заливе, возле самого Кронштадта.

Императорский двор, собравшийся храбро воевать с одной Турцией, растерялся, когда выяснилось, что на ее стороне выступают Англия и Франция. Русский посланник в Копенгагене сообщал, что с открытием навигации на Кронштадт двинется огромная англо-французская эскадра. Ее командующий адмирал Непир похвастается взять Ревель и Свеаборг, а Кронштадт сжечь.

Вот тут-то посыпались высочайшие повеления. Крепость объявили на осадном положении. Военным губернатором назначили дряхлого старика инженер-генерала Дена. Императрица Александра Федоровна «с чистой и теплой молитвой» прислала четыре иконы... Во всей этой суматохе было отдано чрезвычайно дельное распоряжение: срочно изготовить гальваноударные пиротехнические мины. Работой занялись офицеры саперного батальона под руководством изобретателя нового оборонительного оружия академика Б. С. Якоби.

Объединенные силы англо-французских флотов еще только готовились выступить в поход, а во всем мире уже комментировали возможности сторон, подсчитывали и сравнивали их силы. Пристально следили за развитием Крымской войны Карл Маркс и Фридрих Энгельс. В то время они активно сотрудничали в прогрессивной американской газете «Нью-Йорк дейли трибюн» и других органах печати. Основоположники научного коммунизма великолепно разбирались в военных проблемах и дали глубокий анализ важнейших событий, вскрыли социальную, экономическую, политическую подоплеку причин и исхода войны. Ситуацию на Балтике наиболее подробно рассмотрел Энгельс в работах «Европейская война», «Кронштадтская крепость», других статьях и письмах. В. И. Ленин называл

Энгельса великим знатоком военного дела. Оценка положения в Финском заливе — яркий тому пример.

Энгельс подчеркивал исключительно важное значение Кронштадта для судеб русской столицы и всей империи: «Кронштадт — ключ к успеху для любого нападения на Россию с моря в районе Балтики. Захватите Кронштадт, и Санкт-Петербург у ваших ног, русский флот перестал существовать, а Россия низведена до положения, которое она занимала до Петра Великого». Однако, отмечал Энгельс, овладеть Кронштадтом очень трудно: «Этот ключ к России окружен двойной и тройной броней, ошетилившейся почти тысячей орудий». Он писал, что «крепость занимает очень сильную позицию. Фарватер, ведущий к рейду, едва может пропустить два военных судна, идущие рядом, последние при этом вынуждены подставить свои борты под огонь батарей, расположенных не только на главном острове, но и на небольших скалах, на отмелях и прилегающих островках». Тем не менее, детально разбирая достоинства и недостатки укреплений Кронштадта, Энгельс пришел к выводу, что англо-французский винтовой флот, вооруженный тяжелыми орудиями, стреляющими разрывными бомбами, способен разрушить гранитные стены крепости и взять ее, если командование не остановится перед неизбежными жертвами.

Правильность этого вывода подтверждают мнения русских специалистов. Так, адмирал И. А. Шестаков с горечью и болью доказывал уязвимость обороны Кронштадта, особенно со стороны Северного фарватера. Если бы неприятель сумел там пройти, он оказался бы в тылу крепости и мог беспрепятственно напасть на Петербург.

14 июня авангард англо-французской эскадры появился в виду Кронштадта. Чарлз Непир привел 80 кораблей, в основном паровых, с 3652 орудиями. К тому времени адмирал Петр Рикорд расставил на Малом рей-

де, в гаванях и на Северном фарватере две дивизии Балтийского флота. В оборону Котлина включили даже гребные канонерские лодки с их давно устаревшими орудиями. Все равно противник значительно превосходил оборонявшихся мощью огня. К тому же лишённые маневра парусники представляли собой удобные мишени для дальнбойной артиллерии новейших кораблей.

Жители Петербурга и защитники Кронштадта напряженно ждали вражеской атаки. Но Непир промерял фарватер, искал в обороне уязвимые места, а решительных действий не предпринимал. Заманчивый для атакующих Северный фарватер оказался перекрытым двумя рядами подводных мин, и союзники остановились перед этой неожиданной преградой. Их попытки выманить русские корабли из-под прикрытия береговых батарей успеха не имели: Рикорд отчетливо понимал, что в морском бою обречен на поражение, и твердо стоял на артиллерийских позициях.

Легкомысленная столичная публика приняла осторожность неприятеля за трусость. Тревога быстро сменилась веселым, насмешливым настроением. Знатные петербуржцы, довольные новым развлечением, большими компаниями выезжали за Ораниенбаум поглазеть на «хвастунов и трусов». Поэт и дипломат Ф. И. Тютчев писал: «Оба флота стоят перед Кронштадтом... Петербургская публика смотрит на них, как на очень интересное зрелище». Защитники Котлина распевали задорную песенку:

Берегись, хвастун Непир!
Вздор язык твой мелет.
Ведь за это бомбардир
Прямо в глаз прицелит.

Однако особых поводов для радости не было. Передовые офицеры тяжело переживали последствия недальновидной, преступной политики правительства, в

результате которой флоту «пришлось прибегнуть к самоубийству, как в Севастополе, или сносить унижение бездействия... как в Кронштадте».

Впрочем, англо-французский флот находился не в лучшем положении. В этом эпизоде Крымской войны обе стороны выглядели плачевно. Убедившись, что Кронштадта ему не одолеть, Непир 17 июня увел эскадру в море и занялся откровенным разбоем — захватывал купеческие суда, рыбацьи лодки, грабил небольшие города. Осенью эскадра покинула Балтику. Карл Маркс иронизировал над бесславным походом Непира: «Сэр Чарли преспокойно возвратился из Кронштадта без потерь убитыми и ранеными, кроме нескольких храбрых моряков, унесенных холерой».

После ухода неприятельской эскадры Кронштадт стали усиленно укреплять. Наглядный пример, продемонстрированный сильнейшими морскими державами, наконец убедил царское правительство в необходимости строить паровой флот. Разумеется, времени для сооружения больших военных кораблей уже не оставалось. Поэтому нашли единственно правильное решение: создать флотилию канонерских лодок. Работу поручили большому энтузиасту парового флота, опытному моряку И. А. Шестакову, будущему адмиралу и управляющему морским министерством. Нашелся и разворотливый предприниматель, впоследствии знаменитый промышленник Н. И. Путилов. Он взялся за изготовление судовых механизмов. 11 декабря 1854 года в Кронштадте заложили шесть канонерок: «Комар», «Ерш», «Шмель», «Щука», «Пчела» и «Оса». Весной их спустили на воду.

15 мая 1855 года горизонт покрылся клубами дыма. К Кронштадту шел неприятельский флот. На этот раз вице-адмирал Дондас, ставший командующим объединенной эскадрой вместо Непира, привел более ста кораблей с 2500 орудиями и с 20-тысячным десантом.

Англо-французская армада бросила якоря у Красной Горки и, как в прошлом году, принялась за промеры фарватера и рекогносцировку. Но теперь навстречу подходившим к Котлину кораблям выступили паровые канонерки. Неприятель не принял боя и отошел. Командующий французской эскадрой адмирал Пено писал своему правительству: «Паровые канонерки... совершенно изменили наше положение».

Но самым главным препятствием для могучего флота оказались маленькие коварные мины. Их возле Кронштадта было выставлено около 2000. При первой же попытке подойти к крепости подорвался флагманский корабль «Мерлин». За ним последовали пароходы «Фарфляй», «Вальгур» и «Бульдог». Выловив в Финском заливе более 70 «адских машинок», английские и французские моряки не решились перейти к активным действиям. Первое в истории применение минного оружия принесло русским большой успех. Наконец, 15 августа англо-французская эскадра окончательно скрылась из виду защитников крепости.

В марте 1856 года Крымская война закончилась. В ней, захватнической с обеих сторон, царизм потерпел жестокое поражение. «Крымская война показала гнилость и бессилие крепостной России», — писал В. И. Ленин. Правительство в целях самосохранения вынуждено было пойти на отмену крепостного права, на реформы в различных областях жизни, в том числе — в военной. Эти реформы, разумеется, не преобразовали основ армии и флота самодержавной империи, но все же носили прогрессивный характер.

Был отменен крепостнический рекрутский набор и введена всеобщая воинская повинность: срок действительной службы — 25 лет — сократили: на флоте до 7, а в армии — до 6 лет; ввели новые принципы организации вооруженных сил, сократили разбухший аппарат канцелярии; улучшили систему обучения офице-

ров, создали школы специалистов «нижних чинов»; начали строить сильный паровой и броненосный флот, развивать отечественную судостроительную базу; изменили обмундирование, сделали его более удобным и практичным.

В 1862 году все парусные линейные корабли, корветы и фрегаты были исключены из списков. Годом раньше на Балтике появился первый русский броненосный корабль — канонерская лодка «Опыт». К 1870 году Балтийский флот имел уже 23 броненосных корабля.

Эта достаточно грозная сила была в высокой степени боеспособна. Впервые за многие годы Кронштадтская эскадра отличалась прекрасной выучкой, слаженными действиями. Огромная заслуга в этом превращении принадлежит адмиралу Григорию Ивановичу Бутакову, горячему энтузиасту парового флота, крупному военному теоретику, опытному командиру, талантливому воспитателю моряков. Задолго до Крымской войны он по собственной инициативе занялся глубоким изучением устройства и мореходных качеств новых судов. Бутаков впервые в истории одержал победу в бою двух пароходов: 5 ноября 1853 года, командуя пароходофрегатом «Владимир», он обнаружил у Босфора турецкий военный пароход «Перваз-Бахри», искусно провел артиллерийский бой и захватил противника в плен.

С 1860 года Бутаков служил в Кронштадте и разрабатывал тактику парового броненосного флота. В 1863 году вышел в свет капитальный труд адмирала «Новые основания пароходной тактики». Теоретические выводы Г. И. Бутаков успешно применял на практике. В 1867—1875 годах он командовал эскадрой броненосных кораблей и сделал ее образцом для флотов всего мира. Поучиться у Бутакова приезжали мно-

гие иностранные адмиралы. Кронштадтскую эскадру в тот период называли «умственной лабораторией флота».

Технический прогресс в военном деле потребовал и перестройки укреплений на Котлине. С 1896 года форты начали одеваться в железобетон. Огромный объем работ лег тяжелым грузом на плечи гарнизона крепости и флотских экипажей. При полном отсутствии техники и опыта инженеров нашелся лишь один способ укладки бетона: по мягкой массе, взявшись за плечи, часами ходили матросы, пока материал не затвердел. Форты вооружили новейшими скорострельными крупнокалиберными пушками. Все укрепления, расположенные вдоль берега, соединил железнодорожный путь.

Необходимость ремонтировать броненосные корабли заставила построить в Кронштадте четыре больших дока: Николаевский, Константиновский, Александровский и Алексеевский. Последний из них стал крупнейшим в мире.

Военная реформа принесла большую пользу Кронштадту, его гарнизону, укреплениям, артиллерии, порту, всему Балтийскому флоту. Но период подъема жизненных сил страны был недолог. Он вскоре сменился продолжительным этапом застоя и, по определению В. И. Ленина, «разнузданной, невероятно бессмысленной и зверской реакции», политикой «контрреформ». Экономическая и техническая отсталость, гнилость самодержавного строя неизбежно вели к упадку русской армии и флота, а вместе с ними и Кронштадтской крепости. Ее история, изобилующая взлетами и падениями, совершала новый зигзаг: в канун XX века и 200-летия существования Кронштадт, ключ к России, щит столицы, снова оказался в слабых и равнодушных руках...

Давно известно: русским, попавшим на чужбину, присуще, как никому другому, острое чувство тоски по Родине. Хорошо понятны переживания знаменитого писателя и историка Н. М. Карамзина, когда после долгих странствий по Европе он ступил на родную землю Котлина: «Берег! Отечество! Благословляю вас!.. Вы знаете, что трудно найти город хуже Кронштадта, но мне он мил! Здешний трактир можно назвать гостиницею нищих, но мне в нем весело!»

Эти слова, заключающие «Письма русского путешественника», могли бы носить более радужный оттенок, если бы на Котлине воплотились петровские планы в их полном объеме. Но в 1790 году, когда Карамзин с волнением всматривался в облик Кронштадта, он не увидел ни сети каналов, ни гранитных набережных, ни каменных гаваней. Из всех предположений основателя Кронштадта полностью осуществилось лишь одно: четкая, прямоугольная, как в Петербурге, планировка. По составленным заранее чертежам архитекторы прорубали улицы, отводили участки для строительства.

Долгое время город не был единым целым. На юго-западе, возле порта, строились лавки, каменные дома, селились купцы, офицеры и прочая «чистая» публика. Здесь исторически складывался официальный центр Кронштадта — Купеческая часть. На востоке, так называемой Горе, образовалась матросская слобода, своеобразное пролетарское предместье. Купеческую и морскую части разделял густой лес, через который в одиночку ходить было рискованно: нападали лихие люди, чинили разбой и грабежи.

Очевидцы и историки неизменно отмечали неприглядность города. Иностранец Этьен Дюмон писал в дневнике: «При первом моем путешествии, в середи-

не июля 1785 года, улицы были не вымощены; везде стояла грязь по колено; отовсюду неслись смрад и вонь. Действительно, это был самый грязный и отвратительный въезд, какой только можно себе представить». Холодный взгляд Дюмона, не согретый, как у Карамзина, сыновьей любовью, точнее передает условия, в которых жили кронштадтцы до конца XVIII века.

Но вот в 1805 году автор путевых заметок К. П. Шаликов отмечает отрадные перемены: «Русский путешественник, который сказал, что трудно найти города хуже Кронштадта, теперь бы не узнал его: вместо страшной грязи везде гладкая мостовая, теперь можно сказать о нем, что трудно найти города суше Кронштадта...» Это, пожалуй, первый по времени лестный отзыв о благоустроенности города. Однако его автор сильно поторопился с восторгами. По уже отмеченной закономерности короткие периоды расцвета Кронштадта сменялись продолжительными периодами упадка. Вот пример. Журнал «Морской сборник» в 1861 году нарисовал отталкивающую картину запущенного, грязного города, а через четыре года писал: «Вообще Кронштадт изменился к лучшему».

Так он и менялся, то к лучшему, то к худшему, на протяжении двух веков. А по существу город русской морской славы во времена самодержавия всегда находился в плачевном состоянии. Его развитие шло очень медленно и далеко отставало от степени благоустройства других городов России.

Причин такого положения много. Не последнюю роль среди них играли две великие стихии — вода и огонь. Они постоянно вносили свои страшные коррективы в жизнь кронштадтцев.

За двести лет на Котлин обрушилось 13 больших наводнений. Самым губительным было наводнение 1824 года. В 1859—1882 годах в Кронштадте построили

прочные, массивные гранитные стенки. Но они не могли служить надежной защитой от высокой воды.

Пожары на Котлине случались несравненно чаще, чем наводнения. Только за полвека, с 1860 по 1912 год, Кронштадт горел 298 раз. Самый большой пожар произошел 20 ноября 1874 года. Шестая часть города превратилась в дымящийся черный пустырь. Штормовой ветер разбрасывал искры повсюду. В тот день Кронштадт потерял 119 жилых построек, Гостинный двор и другие лавки. В 1903 году город горел 35 раз.

И все-таки живучим оказался Кронштадт. Снова и снова возрождался он из пепла. При этом неизгладимым оставался его морской дух. Дома, построенные здешними мастерами, могли возникнуть только в портовом городе: вместо лестниц ставили в них трапы, обшитые медью, даже заборы устраивали из корабельных бортов.

Из-за частых пожаров и наводнений до нашего времени дошло очень мало зданий Петровской эпохи. К ним относится Итальянский дворец. Однако в середине XIX века его преобразовали в военно-учебный комплекс, изменив объемы, фасады, планировку, интерьеры дворца до неузнаваемости. Лучше сохранились шесть уцелевших «губернских домов», что стоят вдоль Июльской улицы. Лишь фасады их в начале прошлого столетия решили переделать: сбили и заштукатурили архитектурные детали, выделили небольшим выступом центральную часть каждого дома. Напоминает о далекой поре зарождения города на Котлине и здание Голландской кухни. Здесь многие десятилетия готовили еду для команд торговых судов, так как на деревянных парусниках, стоявших в гаванях, разводить огонь строго запрещалось. Став в 1913 году городской электростанцией, постройка претерпела существенные изменения.

Несколько раз менял свой облик и дворец Б.-К. Миниха — фаворита императрицы Анны Иоанновны, губернатора Ингерманландии, Карелии и Финляндии, президента военной коллегии. Первоначально отмеченный чертами раннего русского барокко, он в конце концов превратился в часть типичного для николаевского времени административно-казарменного городка. Но это здание памятно тем, что в нем в разное время квартировали или работали многие выдающиеся деятели военно-морского флота: адмиралы И. П. Пущин, Г. А. Сарычев, Ф. Ф. Беллинсгаузен, Ф. П. Литке, С. О. Макаров.

После смерти Петра I несколько десятилетий государственное строительство в Кронштадте почти не велось, если не считать дока-канала. Оживилось оно благодаря... пожару. 13 мая 1783 года вспыхнуло здание петербургского Адмиралтейства. Екатерина II решила удалить опасного соседа от Зимнего дворца, перевести Адмиралтейство в Кронштадт. Через два года был утвержден «Генеральный план для строения Адмиралтейства в Кронштадте, сочиненный адмиралом Грейгом». Он сыграл важную роль в развитии города.

Боевой адмирал С. К. Грейг вряд ли обладал способностью профессионально выполнить сложный проект планировки. Вероятно, считают исследователи, его идеи воплотил в чертежи архитектор М. Н. Ветошников. Он работал в Комиссии адмиралтейского строения в Кронштадте в 1784—1791 годах и оставил на Котлине заметный след.

Петербургское Адмиралтейство осталось в столице. А в Кронштадте возникло так называемое Доковое. Его строительством одно время ведал великий русский зодчий В. И. Баженов. По его проектам возведены сохранившиеся до наших дней Лесной сарай и Сухарный завод. Даже над такими сооружениями сугубо утилитарного назначения Баженов работал с большим

напряжением творческих сил. Он представил на рассмотрение пять вариантов планировки Сухарного завода, усовершенствовал конструкцию хлебопекарных печей, а каменный сарай для хранения дубовых бревен решил сделать «образцовым и единственным в своем роде», внес много технологических новшеств.

Участие Баженова в застройке Кронштадта не случайно: он в 1793—1799 годах служил главным архитектором Адмиралтейства. Этот пост в разное время занимали многие выдающиеся зодчие: И. К. Корсбов, С. И. Чевакинский, Ч. Камерон, А. Д. Захаров и другие. Всему миру известны прекрасные здания, созданные ими в Петербурге. Однако особенности города-крепости на Котлине диктовали этим ярким талантам свои условия. Не роскошные дворцы и особняки, не причудливые парковые ансамбли и грандиозные общественные центры пришлось проектировать лучшим архитекторам России для суровой морской твердыни, а укрепления, казармы, заводы, склады, изредка — церкви. И если цари и аристократы не скупились на украшение своих парадных резиденций, то по поводу строительства в Кронштадте правительство требовало: «Чтоб для сокращения излишних издержек уважена была единственно прочность таковых строений, коим и должно быть простыми, чуждыми всякого украшения...» Это указание относится непосредственно к облику Адмиралтейства. Но таким же был характер требований и к другим зданиям на Котлине: прочность, простота.

И все-таки нужды развития города и порта, значение Кронштадта в жизни государства заставили правительство всерьез заняться его строительством и благоустройством. В 1810 году преобразился Толбухин маяк, существовавший на Котлинской косе с 1719 года в виде деревянной башни. Вместо нее на маленьком каменистом острове в 2,8 мили от западной оконечно-

сти Котлина возвели круглую каменную башню. Автор ее проекта — Андреян Захаров, создатель одного из шедевров русского ампира — здания Главного Адмиралтейства в Петербурге. В 1827 году по проекту И. Ф. Лукини построили таможню. Позже она пострадала от пожара и восстановлена в измененном виде.

В тот же период после наводнения 1824 года, как уже говорилось, широко развернулось сооружение укреплений Кронштадта. Они соответствовали не только военно-инженерным требованиям, но и принципам архитектуры классицизма. В их облике использовались элементы дорического ордера. Наибольшей выразительностью отличались крепостные ворота и входы в форты. В целом крепостной архитектуре присущи приемы и формы, придававшие постройкам величественную строгость. В том же духе в 1836 году выполнено здание Морского артиллерийского арсенала. Его проект составил главный архитектор строительного департамента при морском министерстве И. Г. Гомзин.

Развернув большое строительство на Котлине, царское правительство заботилось прежде всего о нуждах крепости, военно-морского флота и государственных учреждений. Условия жизни горожан его интересовали мало. Казна не хотела тратить денег даже на самое необходимое для кронштадтцев. Поэтому многие здания возводили за счет местных жителей. Купцам пришлось раскошелиться на постройку главных торговых центров: Рыбных рядов (1830-е годы, автор неизвестен) и Гостиного двора (постройка того же времени по проекту инженер-полковника В. И. Маслова). Оба здания впоследствии изменены, Гостиный двор сильно пострадал во время пожара 1874 года. Тем не менее они сохранили определяющие черты позднего русского классицизма. В оформлении их фасадов использованы элементы дорического ордера.

Купеческое общество вместе с городской думой

финансировали и строительство здания «градских присутственных мест». Его фасады проектировал один из лучших зодчих того времени Александр Павлович Брюллов. Первый вариант кронштадтское купечество забраковало из-за дороговизны. Брюллову пришлось упростить свои решения, сделать их более строгими и лаконичными. Но и в таком виде здание городской думы (ныне районный Совет народных депутатов, проспект Ленина, 36) считается одним из лучших образцов общественных зданий для небольших городов России 1830-х годов. Впечатляют и его интерьеры, выполненные Э. Х. Анертом.

Досадный для потомков инцидент с переделкой проекта этого здания не был капризом кронштадтцев. Им действительно оказалось не по силам потратить на постройку 220 тысяч рублей вместо 150 тысяч, полученных в виде ссуды из Заемного банка с рассрочкой на 25 лет. Местный бюджет был поистине нищенским. Любой захолустный городишко имел гораздо больше средств. Подавляющее большинство населения Котлина принадлежало к военному сословию, освобожденному от городских податей. Поэтому даже небольшие траты ставили жителей острова в тяжелое положение.

По тогдашним порядкам город нанимал помещения для полиции за свой счет. Когда в Кронштадте в 1812 году учреждалось полицмейстерство, выяснилось, что для найма помещений требуется 15 тысяч рублей ежегодно. Эта цифра привела кронштадтцев в ужас. Они написали военному губернатору, что столько денег «по малочисленности кронштадтского общества и бедному состоянию граждан собрать без приведения их в крайнее изнеможение нет возможности...».

В самом деле, в 1812 году в Кронштадте насчитывалось 822 дома и 9193 жителя. Из них лишь 355 душ податного населения: 205 купцов, 122 мещанина и 28 «цеховых». И с них кроме обычных налогов каждый

год взимали еще 6 тысяч рублей на различные повинности. Но жалоба кронштадтцев не возымела действия. Их еще и оштрафовали за невыполнение царского повеления. А полицейских в городе-крепости год от года становилось больше, и оклады им постепенно увеличивали. В 1906 году на полицию и относящуюся к ней пожарную команду приходилось 36,8 процента городского бюджета вместо 14 по норме. А в 1909 году правительство, напуганное восстаниями, усилило кронштадтскую полицию и довело численность городских до 180. По общей же норме — один городской на 400 «обывателей» — полагалось 127. Но Кронштадт попал в особое положение...

Население города постепенно увеличивалось. Этому способствовал рост промышленности. В первое время на Котлине существовали лишь небольшие кирпичный и пивоваренный заводишки да полукустарные портовые мастерские. К этим мастерским с открытием Петровского дока-канала добавились новые, более крупные. Они вошли в Доковое Адмиралтейство. В 1786 году открылся казенный канатный завод. Число «мастеровых» и «цеховых» людей стало возрастать.

В мае 1789 года в Кронштадте был построен казенный чугунолитейный завод. В то время шла война со Швецией, требовалось запастись боеприпасами на случай отражения неприятеля. Решили изготавливать их на месте. Сырья хватало в избытке: в крепости накопилось огромное количество чугуна в виде устаревших орудий и прочего лома. Установили плавильную печь и копер, который разбивал отжившие свой век пушки. Строил завод и заведовал им известный шотландский инженер Чарлз Гаскойн, приглашенный в Россию для реорганизации литейного производства. Завод выпускал дробь, гранаты, называвшиеся тогда гренадами (отсюда и гренадеры — метатели гранат), ядра, зажигательные снаряды — брандскугели. Работали на заводе

десять «художников» литья англичан и 190 русских, в основном крепостных, присланных из Петрозаводска. На Котлине это предприятие просуществовало недолго. В 1801 году его перевели за Нарвскую заставу. Там он стоит и поныне — гигант отечественной промышленности, бывший Путиловский, ныне прославленный Кировский завод.

Балтийские моряки давно ощущали настоятельную потребность иметь при главной базе флота достаточно оснащенное «ремонтное заведение». В 1846 году инженер-генерал-майор В. П. Лебедев и архитектор А. С. Кудинов составили проект завода, в котором учли опыт английских, голландских, французских судостроителей. Пока возводили корпуса, все яснее становилось, что век парусников кончается. Пришлось на ходу менять проект, оборудовать предприятие технической, предназначенной для ремонта паровых судов.

4 марта 1858 года состоялось торжественное открытие Пароходного завода. Его рабочие собирали и устанавливали на судах двигатели и механизмы, ремонтировали корабли, осматривали их перед каждой навигацией и после нее. Таким образом, в каждом судне, построенном на петербургских верфях, была немалая доля труда кронштадтцев, а корабли Балтийского флота дважды в год проходили через их умелые руки.

В кронштадтских военных портовых мастерских до 1860 года работали 11 ластовых экипажей — около 10 тысяч человек. После отмены рекрутчины их заменили 4 тысячи вольнонаемных. Эта количественная разница объясняется просто: половину матросов офицеры использовали как бесплатную прислугу — лакеями, няньками, поварами, кучерами...

Еще с петровских времен кипучей жизнью жил Кронштадтский торговый порт, точнее — аванпорт Петербурга. С увеличением размеров морских судов мелководье невыходных фарватеров стало для них серьезной

преградой. Приходилось разгружаться в Кронштадте и лихтерами перевозить товары в столицу. Но Каботажная гавань Кронштадта тоже не могла принимать пароходы из-за мелководья, а в Купеческой одновременно помещалось не более 30 крупных судов. Разгрузка велась крайне медленно — не имелось нужного оборудования. В разгар навигации на рейде скапливалось в ожидании очереди в среднем 26 пароходов. Необходимость перегрузки требовала содержать огромный лихтерный флот. Накладные расходы увеличивались. Провоз товаров от Кронштадта до Петербурга стоил столько же, сколько до Лондона или даже до портов Америки. Нагруженный тихоходный лихтер из-за опасности наткнуться на мели и камни продвигался только днем. Петербург получал иностранные грузы из Кронштадта через 12—17 суток.

Ускорить и удешевить доставку грузов можно было только с помощью канала, способного пропускать океанские суда. Но правительство все судило и рядило, выслушивало противоречивые мнения и не могло прийти к определенному выводу. Разрубить гордиев узел решил Н. И. Путилов. Он был кровно заинтересован в канале, так как Путиловский завод нуждался в развитии морских перевозок. Промышленный магнат начал строить канал длиной 32 километра, не дожидаясь правительственных гарантий. Он вскоре обанкротился и умер. Но начатое им дело довели до конца.

Строительство Морского канала, одного из лучших гидротехнических сооружений в России, продолжалось с 1872 по 1883 год. С вводом его в строй, с оборудованием в 1885 году Петербургского порта на Гутуевском острове, особенно после его реконструкции в 1912—1913 годах, Кронштадт окончательно потерял значение центра морской торговли. Пять тысяч сезонных рабочих лишились заработка, а город — трети доходов.

В 1891 году в Кронштадт была переведена порто-

вая швальня — швейная фабрика. Она выполняла военные заказы, изготавливала обмундирование для флота. Возникли и другие предприятия.

Так в Кронштадте постепенно сложился довольно большой отряд рабочего класса. Росло количество чиновников, торговцев, служащих. Кронштадт стал настоящим городом и мог бы развиваться, как все остальные города. Но сообщение со столицей, до которой рукой подать, было делом исключительно сложным.

В течение ста лет казенные суда, а зимой — буера возили только почту. Пассажирам приходилось добираться на частных лодках. Лишь со 2 мая 1806 года наладилось регулярное сообщение: гребные боты ходили от Синего моста в столице до Итальянского пруда в Кронштадте. Однако боты и лодки «вольных перевозчиков» часто тонули, их сносило ветром к Ораниенбауму, а в непогоду они иногда неделями не выходили из гавани. Да и немногие кронштадтцы стремились в Петербург, справедливо не доверяя транспорту. В начале эпохи парового флота положение не изменилось. Путешествия на первых пароходах были не менее опасны.

В 1815 году шотландец Чарлз Берд получил от царского правительства разрешение на постройку «пироскафов», как тогда называли пароходы, и основал в Петербурге завод. 3 ноября того же года расторопный промышленник уже спустил на воду первое русское паровое судно «Елизавета». На другой же день оно совершило рейс от Петербурга до Кронштадта и обратно. Его появление вызвало среди обитателей острова настоящий фурор. Чуть ли не весь город столпился у стенки Купеческой гавани, чтобы увидеть «чудо века».

Вслед за «Елизаветой» появились другие такие же пароходы, и Берд открыл регулярное пассажирско-то-

варное сообщение между столицей и Кронштадтом. По расписанию пароходы ходили два раза в сутки и двигались в один конец четыре часа. Эти жалкие суденышки не имели элементарных удобств.

К середине XIX столетия стали строить более надежные и комфортабельные суда. Летнее сообщение между Кронштадтом, Петербургом и Ораниенбаумом более или менее налажилось. Но зимняя дорога на Котлин оставалась такой же, как при Петре I. Едва лед на заливе становился крепким, по нему прокладывали санный путь, ограждали его вехами. Через полыньи перекидывали деревянные мосты с перилами. Но все равно в пургу и темень люди часто тонули, замерзали, сбивались с пути. В 60-х годах прошлого века пришлось расставить на трассе будки с часовыми, которые во время метели звонили в колокола. Установили на сваях дорожный кабак, где можно было обогреться.

Один за другим возникали и лопались проекты усовершенствования этой трудной и опасной дороги. Одно время хотели пустить упряжки с оленями, потом — дилижансы. Ничего не получилось. В январе 1881 года проложили по льду железную дорогу, но через несколько дней западный ветер сдвинул лед вместе с рельсами. В 1868 году была построена железная дорога до Ораниенбаума. Стали ездить по ней, а 6—7 километров через залив ходили пешком или брали извозчика.

В период ледохода и ледостава Котлин был совершенно отрезан от мира. Газета «Кронштадтский вестник» верно отметила: «Кронштадт периодически по два раза в год подвергается осадному положению, налагаемому на него природою». Это осложняло жизнь горожан, особенно пролетариата.

Предприниматели пользовались избытком рабочей силы в Кронштадте. Безработица ощущалась здесь гораздо острее, чем в столице. Над каждым мастеровым

постоянно висела угроза увольнения. Поэтому хозяева выжимали дополнительные барыши, платя кронштадтским рабочим гораздо меньше, чем их петербургским собратьям, за равный труд при одинаковой или даже более высокой квалификации.

Домовладельцам была на руку нехватка жилья. На окраинах города среди непролазной грязи стояло множество деревянных домишек, принадлежавших купцам, чиновникам, мещанам. Их владельцы жили в центре, в светлых каменных домах, а свои «душегубки» сдавали беднякам.

Торговцы наживались на нехватке и дороговизне продуктов. Автор «Путевых записок» В. П. Невельский отмечал, что «огурцы... в июле месяце в Кронштадте ценою наравне с апельсинами в Петербурге». Существовал даже целый промысел по продаже питьевой воды. Колодезная была бурой и мутной. Морская — солоноватой. Хотя водопровод появился здесь в 1804 году, снабжал он только здания морского ведомства. Обывателям приходилось черпать воду из Обводного канала. В 1809 году водопроводную сеть увеличили, но до пролетарских кварталов ее не дотянули. В 1827 году архитектор А. Н. Акутин представил проект, в котором предложил подвести воду к каждому дому и поднимать ее до третьего этажа — во все квартиры города. Однако правительственные чиновники сочли предложения Акутина непозволительной роскошью и безжалостно урезали его проект. Пришлось ограничиться уличными колонками. В 1839 году построили водопроводную башню, украшенную куполом и шестиколонным портиком. Но вода в ее резервуар поступала из залива, имела неприятный вкус, а при сильных западных ветрах становилась и вовсе непригодной для питья, горькой.

Неудивительно, что многие кронштадтцы страдали желудочными болезнями. В городе часто вспыхивали

эпидемии. Особенно свирепствовала холера. Она выкашивала людей тысячами и, как всюду, прежде всего обрушивалась на бедняков. Одна из эпидемий унесла столько жизней, что в Кронштадте пришлось открыть сиротский дом для детей, потерявших родителей. Часто в Кронштадте возникали эпидемии дизентерии и брюшного тифа, особенно во время массового пополнения рекрутами кораблей Балтийского флота и частей гарнизона крепости.

И при таком положении жители Кронштадта, в особенности рабочие, не получали необходимой медицинской помощи.

Правда, еще с 1717 года здесь существовал Адмиралтейский госпиталь, затем получивший название Морского. Это старейшее и крупнейшее лечебное заведение русского флота сыграло исключительную роль в развитии отечественной медицинской науки и практики здравоохранения. В госпитале работали знаменитые врачи и ученые: один из выдающихся хирургов начала XIX века И. Ф. Буш, создатель медицинской терминологии на русском языке М. И. Шеин, первый профессор акушерства в России Н. М. Максимович-Амбодик, видный эпидемиолог В. И. Исаев и многие другие.

Впервые в мире ведущий хирург госпиталя профессор В. А. Караваев под руководством главного врача А. Ф. Кибера в 1839 году произвел операцию «прободения сорочки сердца» или, говоря современным медицинским языком, пункцию перикарда. Был найден способ лечения смертельного недуга — воспаления околосердечной сумки. С 1849 года после двухлетних успешных опытов здесь первыми в отечественном флоте начали применять наркоз при всех операциях. Это было огромным достижением в борьбе с раневыми осложнениями, с болью. В 1896 году А. С. Попов сконструировал рентгеновский аппарат для Морского

госпиталя. Он дал первый в России рентгеновский снимок.

Вечной благодарности достойна самоотверженная борьба кронштадтских медиков с эпидемиями чумы, холеры, тифа, оспы на Котлине и далеко за его пределами, многолетнее изучение возбудителей этих болезней. На форту Александр была выработана первая вакцина, положившая начало эффективному лечению чумы. Имена кронштадтских врачей, участников дальних и кругосветных экспедиций кораблей русского флота, увековечены на карте мира в названиях островов, бухт, мысов, рек.

Но знания и опыт врачей Морского госпиталя приносили гораздо меньше пользы, чем могли бы. Более ста лет это единственное медицинское учреждение на Котлине располагалось в тесных и неудобных деревянных зданиях. Не хватало места даже для больных матросов и офицеров, не говоря о прочем населении острова. Гражданских больных-мужчин начали принимать сюда лишь в 1818 году, а женщин с 1824 года. Мест для них отводилось крайне мало. Причем рабочие попадали туда лишь в том случае, если они получали травму «на казенных работах». Но даже и такие «счастливыцы» оказывались не в состоянии воспользоваться услугами госпиталя: плата за лечение в нем доходила до рубля в сутки — вдвое дороже, чем в Петербурге и Москве.

В Кронштадте существовали еще два крохотных медицинских учреждения. В 1802 году открылась больница для жен, вдов и детей нижних чинов морского ведомства, в 1808 году — для «вольнонаемных работников». Заслуга в создании этих больниц принадлежит тогдашнему главному командиру Кронштадтского порта адмиралу П. И. Ханыкову. Он смело писал царю, что «в настоящее время солдатские, морские и прочих званий жены, вдовы, сироты и малые дети в слу-

чае болезни вовсе не имеют по их бедности никакой помощи и, лишаясь трудового заработка, не имеют средств не только на лекарство, но и на жизненные потребности». В другом докладе на «высочайшее имя» адмирал доказывал необходимость открытия больниц для иногородних рабочих «в целях предупреждения распространения различных болезней в Кронштадте и по соображениям гуманности, так как приходящие сюда из разных мест для земляных, плотничьих, каменных и других работ люди при заболеваниях не получают необходимой помощи и значительное число из них умирает».

Больницы открылись, но они были маленькими — каждая на 60 мест — и не обслуживали семьи кронштадтских рабочих. А именно местные рабочие особенно нуждались в медицинской помощи. Как установил врач Морского госпиталя А. И. Сиротинин, вследствие антисанитарных условий города и плохих квартир для рабочих Кронштадта здесь была самая высокая смертность населения в России. Впрочем, не лучше жилось и матросам. В 1815 году генерал-штаб-доктор флота Я. И. Лейтон предупреждал морского министра: «...если служители будут оставаться в таком же худом положении в отношении содержания их, то без малейшего сомнения может быть число больных и смертность их до большой степени умножатся». Его мрачные предсказания сбылись в ближайшие же годы, потому что основные причины болезней — сырость казарм, тяжелая работа, плохое питание и водоснабжение, грубое обращение, жестокие наказания — остались прежними. А в госпитале не хватало мест...

Только в 1840 году Кронштадтский Морской госпиталь переехал в просторное каменное здание, построенное по проекту Э. Х. Анерта. Его разумная планировка, удачное расположение палат для 2000 больных, операционных, служебных помещений — заслуга не

только архитектора, но и главного врача госпиталя И. Я. Ланга, видного специалиста и умелого организатора. Крупнейшее медицинское учреждение русского флота стало образцовым. На Котлин приезжали перенять опыт многие отечественные и зарубежные деятели здравоохранения.

Однако даже в лучшем лечебном заведении на одного врача приходилось больше ста больных. Во время эпидемий их количество увеличивалось во много раз. А городской больницы в Кронштадте по-прежнему не было. Состоятельные люди могли пользоваться услугами домашних врачей. Огромное же большинство населения, которому частная медицинская помощь была не по карману, упорно добивалось открытия общественной больницы. Это требование поддерживали и некоторые военачальники. Одни, как адмирал Ханыков, из гуманных соображений. Другие — из опасения перед рабочими. Так, в марте 1905 года, в обстановке первой русской революции, главный командир Кронштадтского порта вице-адмирал А. А. Бирилев просил упорядочить медицинское обслуживание на Котлине, «не ожидая требований со стороны рабочих, которые проявляются, как показал опыт, всегда в резкой форме возмущения, что особенно неудобно в военном порту». Но кронштадтский пролетариат так и не дождался от царского правительства решения этой жизненно важной проблемы.

Самодержавие предпочитало тратить средства не на здравоохранение, а на религиозные нужды. В 1913 году в Кронштадте насчитывалось восемь православных церквей и соборов, пять отдельных часовен, 12 домовых церквей. Кроме того, действовали римско-католический и лютеранский храмы, построенные в 1830-х годах по проектам Э. Х. Анерта. Здание лютеранской церкви св. Елизаветы сохранилось. К сожалению, не дошло до наших дней одно из самых краси-

вых зданий города: Андреевский собор, творение Чарлза Камерона и Андреяна Захарова. Статуи, рельефы, росписи, иконостас выполнили академики живописи и скульптуры. Здание разобрали в 1932 году. Гораздо меньшими эстетическими достоинствами обладает, хотя и по-своему интересна, Владимирская крепостная церковь, спроектированная Х. И. Грейфаном в ложно-русском стиле и построенная в 1879 году.

Из всех зданий Кронштадта самый грандиозный — Морской собор. Он далеко виден со взморья, по его силуэту можно на значительном расстоянии узнать город на Котлине. Высота собора с крестом 70,62 метра, диаметр купола 26,7 метра. Здание строилось с 1902 по 1913 год по проекту В. А. Косякова. Автору помогали его брат, академик архитектуры Г. А. Косяков, группа инженеров, художник-архитектор Н. А. Подберезский. Собор имеет в плане общие черты со знаменитым храмом Софии в Стамбуле, а в его облике отразились различные течения того противоречивого периода истории отечественного зодчества.

Собор задуман как памятник великим деяниям Петра I «на месте его первых и особенных трудов» и «чинам морского ведомства, погибшим при исполнении служебного долга, а также способствовавшим развитию и славе флота». На стенах висели доски черного и белого мрамора с перечнем имен русских морских офицеров, прославивших Родину воинскими подвигами и открытиями. Нижние чины были занесены на доски «общим числом», но имена матросов, совершивших выдающиеся героические поступки, названы особо.

Отделка здания отличалась богатством. Его фасады, облицованные гранитом и серовато-желтым кирпичом, украшали терракотовые орнаменты, мозаичные иконы, майоликовые фризy. На полу из мраморной крошки выложили мозаичные изображения рыб, ме-

дуз, морских растений, кораблей. Все это вызывало восторг современников.

Одним словом, помолиться горожанам было где. Долгое время к обычной пастве прибавлялись толпы приезжих. Дело в том, что в Кронштадте объявился «божий угодник» — И. И. Сергиев, известный под именем Иоанна Кронштадтского. Он якобы мог исцелять от неизлечимых болезней божьим словом. К тому же устраивал в Андреевском соборе особые, «вдохновенные» службы и считался бесребреником, так как публично раздавал крупные суммы денег. Мог даже на глазах потрясенной голытьбы снять сапоги и отдать какому-нибудь бездомному.

Далеко не все задумывались, откуда у скромного приходского священника такие средства. И не все видели под личиной «доброго батюшки» звериную ненависть к прогрессу, к освободительному движению. Сергиев оправдал в проповеди смертную казнь Александра Ульянова и его товарищей. Во время революции 1905 года вдохновлял кровавые расправы над восставшими. В дни, когда отмечалось 80-летие Л. Н. Толстого, натравливал религиозных фанатиков на великого писателя.

Недаром столькими благодеяниями осыпали мракосбеса и царского сатрапа правительство и синод. Отец Иоанн ездил ко двору, на его столе стояли портреты «августейших особ», усыпанные драгоценными камнями. Вопреки правилам и традициям церкви рядового попа возвели в ранг «первоприсутствующего святейшего синода». Митрополит Волынский объяснил это так: «Если Царское Село прикажет, мы и борова посадим в митрополиты».

Этот «праведник» был алчным стяжателем. Стакан «освященной» отцом Иоанном воды стоил 20—25 копеек, благословенный апельсин — 50 копеек, ягода винограда — 5—10 копеек. На счете И. И. Сергиева в

банке лежали полтора миллиона рублей. Но этого тысячи темных людей, исковерканных жизнью, знать не могли.

Гремел над островом дурманивший звон церковных колоколов и перекликался с пьяным перезвоном стаканов. Здесь осуществлялась общая для России политика: замутненный религией рассудок топить в вине. Автор путевых заметок, изданных в 1865 году, В. П. Невельский задался целью подсчитать, сколько в Кронштадте питейных заведений, и «насчитал их что-то чересчур много — кажись, до 200».

Так и жил дореволюционный Кронштадт.

ПЛОДЫ ВЕЛИКИХ УСИЛИЙ

Осенью 1774 года два корабля доставили в Кронштадт части изготовленной в Шотландии «огнедействующей» машины — 1811 деталей весом 88 тонн. Прибыли и специалисты: 12 англичан. Они с помощью 150 русских рабочих 8 июня 1777 года пустили в ход крупнейшую для того времени паровую машину мощностью в 77 лошадиных сил. Она двумя насосами выкачивала 976 кубометров воды в час. Коэффициент полезного действия составлял около процента. Так Кронштадт стал пионером промышленного применения пара в стране. Успешное действие машины способствовало распространению паровых двигателей в России.

После того как заработали насосы парового первенца, английские мастера уехали домой. Но двое — инженер Адам Смит и кузнец Вильям Брюс — решили навсегда остаться в Кронштадте и принять русское подданство. С ними заключили новый контракт с обязательством обучить «из молодых при канале российских казенных людей по два человека своему художеству и ремеслу». Таким образом, впервые в России

ставилась задача готовить специалистов по паровым машинам.

Кроме того, решили послать для обучения в Англию лучших мастеровых людей. В первую очередь выбор пал на Романа Дмитриева, который участвовал в установке «огнедействующей» машины от начала работ до ее пуска. В Англии Дмитриев обучался около 2 лет и, несмотря на полное незнание языка, все-таки сумел многое постичь.

В 1791 году возникла необходимость построить водоотливную машину «в предместье» канала в связи с его ремонтом. И тут в Кронштадте состоялся первый официальный конкурс технических проектов. В нем участвовали трое: «машинный мастер Клявес, машинный и шлюзный подмастерье поручиского рангу Дмитриев и инженером помощник Александр Смит». Компетентная комиссия сразу же забрала предложение Клявеса. Проект Романа Дмитриева, второго после Ползунова русского автора парового двигателя, тоже отклонили. Его осуществление требовало чуть больше средств, чем машина Смита. А кроме того, по привычке своему не поверили, побоялись.

Машину Александра Смита целиком изготовили на русских заводах, в том числе на кронштадтском литейном, и пустили в ход в декабре 1792 года. Должно быть, этот успех вскружил голову «инженеру помощнику». Чувствуя себя незаменимым, он поставил ультиматум: или вдвое увеличить жалованье и предоставить казенную квартиру, или уволить. Неожиданно для Смита власти предпочли второй вариант. В связи с этим Роман Дмитриев получил запрос, сумеет ли он управлять обеими кронштадтскими паровыми машинами. На это русский техник ответил с большим достоинством: «По долговременному моему обращению могу обеими как то бассейною и в предместье канала машинами действовать и починки в оных исправ-

лять с двумя русскими учениками и без английских мастеров, да и если надобность истребует и вновь где таковые сделать, тож в состоянии».

С 1793 года обе «огнедействующие» машины перешли в ведение отечественных мастеров. И хотя в стране долгое время не было никаких учебных заведений, где готовили бы специалистов по паровым двигателям, в них не ощущалось недостатка. Таланты самоучек восполняли зияющие пробелы в неповоротливой системе образования в России.

Сколь несовершенна и далека от нужд народа и государства была эта система, ясно видно на примере Кронштадта. Курьезный, грустный и характерный факт: многие учебные заведения возникли на Котлине в силу случая.

Весной 1771 года сгорело здание Морского шляхетного кадетского корпуса на Васильевском острове, 1 ноября воспитанников корпуса перевели в Кронштадт, в одно из лучших и самых вместительных зданий — Итальянский дворец. Многие офицеры и адмиралы, прославившие впоследствии Родину блестящими подвигами во славу русского оружия и во имя науки, обучались в корпусе в то время, когда он находился на Котлине. Это И. Ф. Крузенштерн, Ю. Ф. Лисянский, В. М. Головин, Д. Н. Сенявин, Ф. Ф. Беллинсгаузен и другие знаменитые флотоводцы.

Жилось кадетам в Кронштадте несладко. Директор корпуса адмирал И. Л. Голенищев-Кутузов, загруженный многими обязанностями в различных государственных учреждениях, на Котлине почти не появлялся. Фактически делами заправлял его заместитель, капитан 1-го ранга Федоров — необразованный солдафон. Муштра, брань, физические наказания заполняли будни воспитанников училища. Никто как следует не заботился об их быте. Помещения были неудобными, сырыми, холодными. Крузенштерн и его товарищи, что-

бы не замерзнуть в спальне, затыкали разбитые окна подушками, по ночам лазили через забор на склад за дровами и украдкой протапливали печи.

В 1796 году Морской кадетский корпус вернулся в столицу. А через два года в Итальянском дворце обосновалось вновь созданное Штурманское Балтийских флотов училище, позднее — Морское инженерное. Оно многократно меняло название и профиль. Но независимо от перемен это учебное заведение всегда занималось делом, крайне необходимым для флота: готовило техническую интеллигенцию.

После поражения в Крымской войне флот России резко сократился. Пришлось уменьшить и число учащихся — будущих офицеров флота. Царь приказал переводить их в другие учебные заведения. Но и переводить оказалось некуда. Тогда в Кронштадте в 1862 году срочно создали мужскую гимназию. До той поры в городе существовали всего два-три приготовительных пансиона. Лишь очень состоятельные люди могли нанимать частных учителей или отправлять своих сыновей в столицу. С дочерьми было еще сложнее. Два частных пансиона, одноклассное приходское училище и несколько частных начальных школ — вот и все, чем располагал город. В 1868 году кронштадтцы добились разрешения открыть Александринскую женскую гимназию. Деньги собирали по подписке и с помощью платных вечеров.

И тем не менее история Кронштадта тесно связана с отечественной наукой и техникой. Особая, блестящая глава — дальние плавания русских моряков.

Начало эпохи русских кругосветных путешествий положил Иван Федорович Крузенштерн. До него лишь немногие русские корабли добирались до Северного тропика, а дальше их никто никогда не видел. Польза дальних плаваний была Крузенштерну очевидна. В них проверялись качества кораблей, развивалось море-

ходное искусство, поддерживалась высокая боеготовность флота, команды проходили хорошую выучку. Кроме того, России необходимо было развивать морскую торговлю, поддерживать связи с русскими владениями в Америке, на Курильских и Алеутских островах.

Этими мотивами и обосновал Крузенштерн свой проект. В Кронштадте он встретился с давним другом Юрием Федоровичем Лисянским. Опытные моряки, горячие патриоты, образованные и прогрессивные люди быстро поняли друг друга. Лисянский отправился в Англию, купил там подходящие суда. 5 июня 1803 года корабли «Надежда» и «Нева» прибыли в Кронштадт.

Тем временем Крузенштерн подбирал людей. Его предостерегали, что в таком плавании с неопытными экипажами несдобровать. Советовали нанять английских офицеров и матросов. Но начальник экспедиции верил в своих соотечественников и набрал добровольцев из Кронштадта. В ту пору в каждом далеком плавании многие моряки болели и умирали. Уйти по своей воле в пугающую неизвестность, подвергнуть жизнь риску, расстаться с тягостной, но привычной службой на Балтике — над всем этим можно было призадуматься. И тем не менее добровольцев оказалось столько, что из них можно было сформировать целую эскадру.

26 июля 1803 года в ясный солнечный день корабли снялись с якоря. Экспедиция Крузенштерна и Лисянского считалась коммерческой. О научных исследованиях и наблюдениях в инструкциях говорилось уклончиво: «если время и обстоятельства позволят». Но командиры «Надежды» и «Невы» понимали свою миссию иначе, чем царские сановники. Купеческое мероприятие они превратили в экспедицию мирового значения. В первом отечественном кругосветном плавании были заложены основы океанографии, устранены многочисленные картографические ошибки, проведе-

ны важные астрономические и атмосферные наблюдения, собран богатый минералогический, ботанический, зоологический, этнографический материал.

Сначала в Европе никто не верил в успех экспедиции. Но высокомерное презрение и насмешки постепенно уступили место удивлению, уважению и восхищению. Счастливое завершение плавания повысило престиж русского флота. Поэтому проект следующей экспедиции встретил гораздо более милостивое отношение царского двора.

Кругосветные и дальние океанские путешествия русских кораблей стали регулярными. С 1803 по 1855 год совершено 41 плавание. Они сыграли огромную роль в развитии морского искусства, укреплении торговых связей с Америкой, странами Азии. Но особое, непреходящее значение имеют выдающиеся научные достижения моряков и ученых, участвовавших в этих плаваниях. Командиры шлюпов, бригов, фрегатов, барков, транспортов В. М. Головнин, Ф. П. Врангель, Ф. П. Литке, О. Е. Коцебу, Г. И. Невельской и другие отличались широким кругозором, образованностью, пытливостью. И хотя многие рейсы имели чисто торговое назначение, моряки были верны традиции, заложенной Крузенштерном и Лисянским: служить не только флоту, но и науке.

Огромным вкладом в науку стали 56 крупных географических открытий русских моряков. С карты мира исчезло множество «белых пятен» и ошибок. Новые для цивилизованного мира острова, архипелаги, проливы — таков результат кругосветных плаваний. О подвигах моряков, об их славе говорят многочисленные русские имена и названия на картах мира. Исключительную роль сыграла экспедиция Фаддея Фаддеевича Беллинсгаузена и Михаила Петровича Лазарева на шлюпах «Восток» и «Мирный». В январе 1820 года их корабли впервые подошли к берегу таинственной и су-

ровой Антарктиды. Существование ледового континента перешло из области легенд в реальность, стало научно доказанным фактом.

Особо чтут кронштадтцы память их земляка Петра Кузьмича Пахтусова. Здесь он родился в семье шкипера, учился в Штурманском училище и отсюда в чине унтер-офицера был направлен в Архангельск для участия в гидрографических работах на побережье Северного Ледовитого океана. Они велись в тяжелейших условиях, без необходимого провианта и снаряжения. Матросы и работавшие с ними наравне офицеры выбивались из сил, болели цингой. Но все это не пугало Пахтусова. Наоборот, он загорелся мыслью исследовать Новую Землю.

Без поддержки правительства, с помощью друзей Пахтусов организовал экспедицию на карбасе «Новая Земля» и шхуне «Енисей». 1 августа 1832 года отважный штурман и его спутники вышли в море. В невыносимо трудных условиях они вели съемку побережья островов. Во время зимовки на южной оконечности Новой Земли два участника экспедиции умерли, остальные тяжело болели, но продолжали работать. При возвращении шхуна погибла со всем экипажем. Карбас бросило на мель, от Печорской губы до Архангельска Пахтусов добирался на оленях. И уже в дороге у него созрел план новой экспедиции. Она началась 24 июля 1834 года. На этот раз исследователи зазимовали в западном устье Маточкина Шара. Все страдали острым ревматизмом. Четверо умерли, остальные ослабли так, что весной даже не могли выйти в море. Тем не менее изучали побережье острова.

Неимоверные лишения, чудовищное напряжение сил оборвали жизнь П. К. Пахтусова в 36 лет. Но этот человек огромного мужества и необычайной целеустремленности успел сделать очень много. В результате двух его экспедиций на картах Новой Земли вместо пунк-

тира появилось точно очерченное южное побережье, впервые нанесена линия значительной части восточного и западного берегов. Так появились первые научные данные о Новой Земле, был собран огромный материал для лоции Карского моря.

Штурманские учебные заведения, существовавшие в Кронштадте под разными названиями с 1752 по 1887 год, окончили многие выдающиеся исследователи морей, океанов и побережий. Среди них особую роль сыграл Николай Николаевич Лелякин, чей самоотверженный труд по изучению Камчатки в 1896—1898 годах отмечен золотой медалью Географического общества.

Развитие военно-морской техники потребовало резко улучшить подготовку специалистов для флота, не только офицеров, но и матросов. В конце XIX века в Кронштадте одно за другим возникли новые учебные заведения: Минный и Артиллерийский офицерские классы, Минная, Артиллерийская, Машинная, Водолазная школы и другие. В них имелись прекрасно оборудованные кабинеты и лаборатории. Знания закреплялись практикой на кораблях Учебных отрядов. Эти корабли служили и экспериментальной базой для проверки научно-технических разработок.

Особенной оснащенностью выделялся Минный офицерский класс, основанный в 1874 году. Его слушатели изучали все известные тогда способы применения электрической энергии на флоте.

В Минном офицерском классе преподавали специалисты с мировыми именами: крупнейший специалист электроминного дела М. М. Боресков, создатель оригинальных оптических и осветительных приборов, основоположник гидроакустики Ф. Ф. Петрушевский, автор трудов по теории механизмов П. О. Сомов, родоначальник отечественной цементной промышленности А. Р. Шуляченко... Они вели исследования, кото-

рые приковали к себе внимание всего научного мира. Здесь А. С. Попов совершил великое открытие, были испытаны лампочки А. Н. Лодыгина и «свечи» П. Н. Яблочкова. Лейтенант Е. П. Тверитинов написал первую книгу об электрическом освещении и вместе со своим коллегой по Минному классу В. Н. Чиколевым стал пионером его практического использования. Под руководством Тверитинова кронштадтские моряки в 1883 году иллюминировали Московский Кремль — мир не знал такой масштабной и сложной операции. Профессор И. М. Чельцов, работавший в Минном классе 16 лет, создал труд «Взрывчатые вещества», о котором великий Менделеев отозвался с исключительной похвалой: «Труд И. М. Чельцова вносит в область техники взрывчатых веществ такую научную цельность, такую ясность изложения и столь много оригинального, что ничего подобного этому труду в названной области знания нельзя указать».

Успех научных исследований в Кронштадте, их применение на практике во многом обеспечил Степан Осипович Макаров, будучи главным инспектором морской артиллерии, а затем, с 1899 по 1904 год, главным командиром Кронштадтского порта. У него был склад ума ученого. Макарову принадлежит много изобретений, открытий, важнейших научных трудов.

К концу прошлого века флот, вооружение кораблей качественно изменились. Накопился опыт морских войн, который следовало проанализировать. Эту задачу и выполнила книга Макарова «Рассуждения по вопросам морской тактики», написанная в 1896 году в Кронштадте.

В 1897 году Макаров составил записку морскому министру, в которой доказывал необходимость создания ледокола, с помощью которого можно было бы исследовать просторы Арктики. Свой проект он обосновал научными, коммерческими, стратегическими до-

водами. Но получил равнодушный ответ: «Морское министерство никоим образом не может оказать содействие адмиралу ни денежными средствами, ни тем более готовыми судами...»

Однако Макаров не привык отступать. Он решил привлечь внимание общественности и выступил на заседании Географического общества с лекцией, которую назвал так: «К Северному полюсу — напролом!» Всю эрудицию, все красноречие пустил в ход Макаров, чтобы убедить слушателей в своей правоте. Напомнил и о создателе первого в мире ледокола, владельце кронштадтского судостроительного и механического завода С. О. Бритневе, который сумел продлить навигацию между Кронштадтом и Ораниенбаумом на несколько недель. Бритнев еще в 1864 году построил пароход «Пайлот», который мог влезать на льдины и продавливать их своим весом. Его идею заимствовали немецкие инженеры, специально приезжавшие на Котлин. Они построили в Гамбурге мощный ледокольный пароход, и порт стал круглогодичным.

Лекция свою задачу выполнила. Она всерьез заинтересовала ученых, инженеров и даже министра финансов С. Ю. Витте. Под наблюдением Макарова в Англии построили уникальный стальной корабль «Ермак». 21 февраля 1899 года он вышел в море. Путь лежал в Кронштадт. Толщина льда той зимой была свыше метра. В Кронштадте многие не верили, что «Ермак» сможет его сокрушить. Но судно уверенно приближалось к Котлину. Невдалеке от Толбухина маяка оно остановилось, чтобы принять на борт лоцмана. Впервые в истории мореходства лоцман подъехал к кораблю в санях.

В городе заметили идущий во льдах пароход. К нему побежали на лыжах солдаты с криками «ура!». Толпы народа устремились навстречу ледоколу. На бережной царило всеобщее ликование. Об этом собы-

тии газета «Котлин» писала: «В каждом из присутствующих невольно поднималось чувство гордости за нас, русских...»

«Ермак» быстро завоевал признание на Балтике, выручив из ледового плена несколько караванов судов. Затем отправился к Шпицбергену и Новой Земле, достиг 81-го градуса северной широты. Это был большой успех. Но Макаров предупреждал, что преодолевать арктические льды несравненно труднее, чем балтийские. Опасения подтвердились. Из похода в Арктику «Ермак» вернулся с тяжелыми повреждениями. Явные и тайные недоброжелатели неугомонного адмирала подняли голову. Те, кто недавно превозносил Макарова, теперь хулили и порочили его. Отвернулся от него и Витте. Он заявил, что не видит в «Ермаке» никакой пользы. Сам же Макаров, хотя и тяжело переживал неудачи, остался доволен конструкцией корабля, а главное тем, что его идея оказалась верной: с полярным льдом бороться можно! Тяжелее оказалось бороться с бюрократией и рутинной. «Ермак» превратился в кронштадтский портовый ледакол, вести с его помощью научные исследования в Арктике царь запретил.

Степан Осипович Макаров имел адмиральский чин, занимал высокую государственную должность, пользовался поддержкой многих видных ученых и общественных деятелей, был авторитетен среди моряков и морских инженеров всего мира. С этим приходилось считаться его врагам. Каково же приходилось кронштадтским изобретателям, которые не имели такого веса в обществе! Они были беззащитны, и судьба их трудов целиком зависела от капризов начальства.

Во второй половине прошлого века в Кронштадте жил незаметный человек, художник-фотограф Иван Федорович Александровский. Для чиновников морского ведомства было полной неожиданностью, когда этот

самоучка представил проект подводной лодки водоизмещением в 355 тонн. Такого большого подводного корабля не имело еще ни одно государство мира. Александровский работал над своим проектом около 25 лет и использовал в нем все последние достижения науки и техники. Проект оказался таким ценным, что министерство, преодолев недоверие к изобретателю, в 1866 году решило построить и испытать его лодку. Несколько испытаний на малой глубине она прошла успешно. Однако для глубоких погружений корпус оказался слишком непрочным.

Лодка потерпела аварию и затонула. Министерские чины сразу же потеряли к ней всякий интерес. Уникальное судно сдали на слом. Автор не получил никакого вознаграждения за свой труд. Ему даже не вернули его собственные деньги, затраченные на изготовление и испытание лодки.

Одновременно И. Ф. Александровский работал и в другом направлении. В 1868 году он представил морскому министерству проект «самодвижущейся мины». В бедной и неприспособленной мастерской кронштадтского фотографа родилось совершенно новое грозное оружие, впоследствии получившее название торпеды.

Первый проект подводной мины предложил еще в 1807 году русский полковник И. И. Фитцум. Его мина представляла собой заряд взрывчатки, установленный на дне. Воспламенялся он с берега через шланг, начиненный порохом. Тогда же в Кронштадте произвели опыты. Они показали, что шланг ненадежен. Фитцум подал идею применить электричество, но как это сделать, не знал.

Однако идея не повисла в воздухе. Ее осуществил замечательный ученый, герой Отечественной войны 1812 года Павел Львович Шиллинг. Он производил взрывы с помощью гальванического элемента. Его опы-

тами одно время вроде бы заинтересовалось правительство, но серьезного отношения к своей работе Шиллинг так и не дождался. А ведь такого оружия в ту пору еще не имел никто. После смерти изобретателя в придворных кругах начисто забыли о его опытах.

Их продолжил другой ученый — генерал Александр Андреевич Шильдер, также активный участник Отечественной войны. Он усовершенствовал мину и в 1842—1843 годах проводил опыты между Кронштадтом и Ораниенбаумом. В 1844 году его мины впервые сослужили людям добрую службу: очистили ото льда Кронштадтскую гавань. Но все же эти донные заряды имели существенный недостаток: их было очень сложно взрывать.

Следующий шаг в развитии минного дела совершил академик Борис Семенович Якоби. Он создал плавучую якорную мину. О том, как она «работала» во время осады Кронштадта англо-французским флотом в 1855 году, уже рассказывалось. Но и мине Якоби присущ недостаток ее предшественниц: она приводилась в действие гальванической батареей с берега.

Этот недостаток сумел преодолеть талантливый изобретатель Алексей Павлович Давыдов. Он разработал и изготовил сначала ударно-механическую, а затем электромагнитную мину. Ему принадлежат и выдающиеся изобретения в области корабельной артиллерии. Однако его новшества не находили применения, военные чиновники третировали замечательного инженера. Отчаявшийся изобретатель гневно и бесстрашно писал военному министру: «...давно известному у нас принципу немецкого кумовства приносятся в жертву интересы России... не корысть, не личные побуждения, а боль и горечь русского сердца заставляет меня говорить это, потому что делается это сплошь и рядом».

Судьба А. П. Давыдова лишь подтвердила его выводы. Он был отстранен от работы, затем посажен в тюрьму как несостоятельный должник, а его приборы проданы с аукциона за 150 рублей. Владельцем изобретений, имевших огромное оборонное значение, стал иностранец.

И вот со своим проектом «самодвижущейся мины» выступил И. Ф. Александровский. Это было совершенно новое слово в науке и военной технике и, говоря словами Крузенштерна, «по одной новости своей» вызвало опасение тупых столоначальников. Они стали тянуть с решением. Через год распространилась весть, что владеец маленького заводика морских приборов в Фиуме Уайтхед изобрел торпеду. Появился прецедент, и морское министерство наконец разрешило строить «самодвижущуюся мину». Строить ее Александровский должен был «на собственные деньги с последующим возмещением». Кронштадтскому фотографу пришлось потратить на это все свои средства. Однако ему продолжали мешать. Через семь лет после представления проекта Александровский вновь писал в морское ведомство, что начальник Кронштадтского Пароходного завода «откладывал эту работу под разными предлогами и на мою последнюю настоятельную просьбу... отвечал мне, чтобы я оставил его в покое и что я отрываю его от занятий...».

И все же Александровский добился своего. Его торпеда построена, испытана. Она продемонстрировала прекрасные боевые качества, которых не имела торпеда Уайтхеда. Каков же итог? Морское ведомство потратило более миллиона рублей на покупку торпеды англичанина, а изобретение своего соотечественника предало забвению. После этого удара И. Ф. Александровский уже не мог оправиться. Разорившийся, старый, больной, никому не нужный, в 1894 году он умер в больнице для бедных.

Примерно в то же время работал в Кронштадте Александр Ильич Шпаковский. Он в течение двух десятилетий почти каждый год выступал с новаторскими предложениями. Но автору они принесли лишь полное разорение. В поисках заработка отставной полковник в 1878 году поступил вольнонаемным рабочим в минные мастерские в Кронштадте. Там Шпаковский создал новые горючие составы и начал эксперименты по применению их в минном деле. Морское ведомство заключило с ним контракт. Опыты шли успешно. Но однажды во время работы в мастерской произошел сильный взрыв. Шпаковский получил тяжелую контузию. Начал развиваться неизлечимый недуг: паралич спинного мозга.

Александр Ильич не мог сам закончить эксперименты. Он попросил разрешения привлечь к работе помощника. Но морское ведомство словно ждало повода, чтобы прекратить исследования. Оно ответило отказом и расторгло контракт. Мужественный изобретатель продолжал работу. Он уже не мог стоять и работал сидя, поддерживаемый кем-нибудь из товарищей. Однако силы Шпаковского иссякли. Из-за крайней бедности его определили в петербургскую больницу для чернорабочих. Там он и умер в 1881 году.

В судьбах этих людей, тесно связанных с Кронштадтом, отразилась чуть ли не вся история минного дела в России.

Столь же неотделима от Кронштадта и так же богата злоключениями история русского телеграфа. Многие изобретатели, начиная с Кулибина, пытались создать «дальноизвещающую» машину. Но телеграф Кулибина вместо заводских цехов попал в кунсткамеру, проекты других изобретателей — в архивы. Царское правительство предпочло прибегнуть к помощи француза Шато, хотя предложенное им устройство не имело никаких преимуществ перед отечественным. Но

иностранные почитались властями выше, надежнее своего. В 1834 году Шато открыл телеграфную линию Петербург — Стрельна — Ораниенбаум — Кронштадт.

Семафорный телеграф Шато устарел задолго до начала его постройки. Ведь еще двумя годами раньше в Петербурге начала действовать линия электромагнитного телеграфа, созданная П. А. Шиллингом. Западные ученые и промышленники по достоинству оценили это новшество, Шиллингу предложили на выгодных условиях осуществить его идею в Англии. Но русский ученый-патриот отказался, стремясь прежде всего принести пользу Родине. Он начал работать над созданием первой в мире подводной телеграфной линии между Петербургом и Кронштадтом. При этом Шиллинг решил сложную техническую проблему надежной изоляции кабеля. В мае 1837 года началось строительство. В июне изобретатель внезапно умер. Тотчас же работы прекратились. Вслед за этим академик Б. С. Якоби создал целую серию телеграфных аппаратов, один совершеннее другого. Тем не менее правительство отдало строительство на откуп немецкому предпринимателю Симменсу...

Кронштадт — родина величайшего изобретения, о котором его автор, Александр Степанович Попов, сказал своему ближайшему помощнику и другу Петру Николаевичу Рыбкину:

— Мы сделали открытие, все значение которого сейчас едва ли кто сразу поймет. Эти несколько недель, которые мы провозились с нашим прибором, верьте мне, являются самым знаменательным временем во всей нашей жизни...

А. С. Попов после окончания Петербургского университета в 1882 году был приглашен остаться там «для подготовки к профессорской деятельности». Однако 23-летний ученый стремился решать не только теоретические, но и практические задачи, поэтому при-

нял приглашение морского ведомства и переехал в Кронштадт. Здесь он работал с 1883 по 1901 год, сначала ассистентом преподавателя электротехники, а с 1888 года самостоятельно читал курс практической физики в Минном офицерском классе. Кроме того, Попов 10 лет преподавал в Техническом училище морского ведомства. При такой занятости он успевал консультировать флотских специалистов. Кронштадтские моряки прониклись большим уважением к его знаниям и ни один серьезный вопрос, касающийся электротехники, не решали без его участия.

Именно практические нужды флота помогли изобретению радио. Тесно связанный с моряками ученый прекрасно понимал, как необходима флоту надежная дальняя связь. Как раз в первые годы работы Попова в Кронштадте морское министерство создало комиссию для изыскания новых методов сигнализации. Изобретая первый радиоприемник, Александр Степанович с самого начала стремился решить эту задачу применительно к запросам флота.

Днем рождения радио стало 25 апреля (7 мая) 1895 года. В тот день на 151-м заседании Физического отделения Русского физико-химического общества в Петербургском университете А. С. Попов сделал доклад «Об отношении металлических порошков к электрическим колебаниям». При этом он демонстрировал свой прибор. Этот первый в мире радиоприемник родился в Кронштадте. Опыты с ним велись в физическом кабинете, затем — в саду Минного офицерского класса, на расстоянии 30—40 саженей. Одновременно была применена антенна. Там же создавались усовершенствованные аппараты, с помощью которых с 1897 года осуществлялась радиосвязь между кораблями на Кронштадтском рейде. По случаю эти корабли носили символические имена: «Россия», «Европа», «Африка». И хотя в ту пору дальность радиопередачи ограничи-

валась пятью верстами, названия кораблей словно предсказывали, что в будущем услышат друг друга страны, континенты, миры.

В течение трех лет Попов и его верные помощники ассистент Минного офицерского класса П. Н. Рыбкин, начальник Кронштадтского крепостного телеграфа капитан Д. С. Троицкий, командир миноносца № 115 лейтенант Е. В. Колбасьев вели опыты по радиотелеграфированию между кораблями и берегом, между кораблями, между фортами Константин и Милютин, затем — между Кронштадтом и поселком Лебяжье. В процессе этих экспериментов летом 1899 года была открыта возможность приема сигналов на слух. Телеграфный аппарат заменила телефонная труба. В 1897 году впервые отмечено явление отражения радиоволн от кораблей, находящихся на их пути. На этом явлении основана радиолокация. Попов первым начал изучать атмосферные помехи радиосвязи. Его грозоотметчик продолжает служить метеорологам на современной технической основе.

Работа А. С. Попова привлекла внимание ученых всего мира. Зарубежные фирмы, почуя богатую добычу, сулили ему наивыгоднейшие условия. И не могли взять в толк, почему этот явно не преуспевающий человек решительно отказывается от заманчивых предложений. Подданные золотого мешка не в состоянии были постичь мысли и благородные чувства русского патриота.

— Пусть меня не понимают,— говорил Александр Степанович,— все же я горд тем, что родился русским. И если не современники, то, может быть, потомки наши поймут, как счастлив я, что не за рубежом, а в России открыто новое средство связи.

А его действительно не понимали. Ему не давали простора, хотя радиосвязь уже убедительно доказала свое значение. И опять, как неоднократно случалось в

кронштадтских эпизодах истории науки, техники, инженерного искусства, делу помогло несчастье.

В ночь на 13 ноября 1899 года новый броненосец береговой обороны «Генерал-адмирал Апраксин» на переходе из Кронштадта в Либаву потерпел серьезную аварию у Гогланда. Корабль сел на камни, получил пробоину. Для его спасения требовались корабли, рабочие, инструменты, различные материалы. Предусмотреть сразу, какие силы и средства понадобятся в ходе этой сложной операции, никто не мог, все время приходилось делать уточнения. А телеграфная связь с Гогландом отсутствовала.

В этом отчаянном положении морское начальство вспомнило о Попове. Под его руководством с участием многих кронштадтских специалистов были построены радиостанции на островах Гогланд и Кутсало на расстоянии 45 километров. Еще шла установка антенн, наладка приборов, как 23 января 1900 года драматические обстоятельства вызвали к жизни еще не совсем готовую радиолинию. Первая переданная по ней депеша содержала приказ ледоколу «Ермак» выйти на спасение рыбаков, унесенных на льдине в море. Приказ был успешно выполнен, а затем благополучно завершилась и операция по снятию с камней броненосца. Это стало возможным во многом благодаря радио.

После такого успеха морское министерство наконец поняло, что «беспроволочный телеграф по дальности и скорости передачи, а также вследствие своей полной независимости от света и атмосферных условий представляет большие удобства для сигнализации в море, а по своей беззвучности и невидимости он становится даже незаменимым...». Доклад председателя Морского технического комитета вице-адмирала И. М. Дикова, в котором содержится эта оценка радиосвязи, был 8 марта 1900 года утвержден управляющим морским министерством. С того времени началось

вооружение кораблей и береговых частей флота аппаратами связи без проводов.

Это повлекло за собой зарождение отечественной радиотехнической промышленности. Ее первенцем стала Кронштадтская мастерская, организованная Поповым 2 сентября 1900 года. Возглавил ее большой энтузиаст нового дела, университетский товарищ изобретателя Е. А. Коринфский. Но молодое предприятие получило скромное помещение площадью в 80 квадратных метров и имело в штате всего 5 человек. После долгих хлопот А. С. Попова штат увеличили до... 9 человек. Ценой огромных усилий эта горстка людей в 1901 году выпустила 9 радиостанций, затем — 11, 13...

А на Западе уже полным ходом развивалась радиотехника. А. С. Попов с тревогой отмечал, что Россия отстает, писал в морское министерство. Оно было глухо. Лишь в ходе русско-японской войны царское правительство спохватилось и... пошло на поклон к немецким и французским фирмам.

Да, Кронштадт неотделим от истории науки. Первый историограф русского флота, опытный моряк, вдумчивый педагог, незаурядный физик, один из прогрессивнейших умов своей эпохи Н. А. Бестужев после окончания Морского корпуса руководил здесь практикой будущих флотских офицеров, затем занимал пост помощника директора маяков Финского залива. Крупным историком флота был и первый начальник Компасной обсерватории И. П. Белавенец. Он, его помощники и преемники трудились над исследованием магнитных полей, уничтожением девиации. Астроном В. Е. Фусс награжден золотой медалью Ф. П. Литке за серию работ по математической и физической географии России. Из Кронштадта уходил в дальние плаванья создатель первого в мире самолета А. Ф. Можайский, потомственный моряк. Здесь в 4-м флотском экипаже служил А. Н. Крылов — впоследствии извест-

ный кораблестроитель, математик, конструктор мореходных инструментов. При Доковом Адмиралтействе в разное время работали выдающиеся кораблестроители В. А. Ершов, А. В. Зенков, И. П. и И. А. Амосовы, И. И. Окунев, А. А. Попов.

Многие талантливые люди служили в Кронштадте на пользу Родине, во имя познания тайн природы. Несмотря на невыносимые условия, ни на один час не замирала научная мысль в этом городе-казарме. Великие усилия не пропали даром. Дорогой ценой, рано или поздно, но они приносили свои плоды.

ЗВЕЗДЫ СРЕДИ МРАКА

Тягостной, беспросветной, тоскливой была жизнь кронштадтцев, наглухо отрезанных от мира, от близкой столицы не только 30-километровой водной преградой, но и строгим режимом крепости. До конца 50-х годов XIX века для выезда из Кронштадта требовалось разрешение полиции. На хлопоты уходил по крайней мере день, так что собраться в Петербург экспромтом человеку, занятому делом, было практически невозможно.

В 1866 году «Кронштадтский вестник» опубликовал заметку под красноречивым названием «Исключительное положение г. Кронштадта». В ней говорилось: «Не ошибаясь можно сказать, что нет ни одного города в Российской империи и даже в целом мире, который бы находился в таком странном положении относительно таможенного надзора, как Кронштадт. Всем и каждому из живущих в Кронштадте известно, что при выходе на берег где бы то ни было вас и вещи ваши осматривают таможенные чины весьма тщательно; ежели через час вздумаете выехать, то опять подвергнетесь такому же осмотру».

Так ревностно охраняло самодержавие гарнизон Кронштадта, а заодно и всех обитателей Котлина от «вредных» влияний. Полтора столетия царские власти обрекали жителей города на обособленное существование на острове, где долго не было газет, библиотек, театра. В 1786 году открыли Морское офицерское собрание. В нем начали устраивать литературные и музыкальные вечера, возник любительский театр. Но через 10 лет Павел I, вступив на престол, немедленно закрыл Морское собрание. Общественные клубы он считал вредными, кронштадтских офицеров недолюбливал.

Деятельность Морского офицерского собрания возобновилась после убийства Павла I, в 1802 году. В 1853 году собрание получило прекрасное здание, построенное по проекту архитектора Р. И. Кузьмина, богато украшенное картинами и скульптурами. В его просторном зале устраивались лекции о развитии флота, о достижениях в различных областях науки. И так как среди кронштадтских офицеров было много людей великолепно образованных, новаторов своего дела, лекции пользовались популярностью. На сцену этого зала поднимались С. О. Макаров, А. С. Попов, А. Н. Крылов и многие другие люди, прославившие русскую науку. В зале Морского собрания довольно часто выступали столичные артисты. Так, 7 марта 1885 года кронштадтцы впервые на своих подмостках увидели и услышали известную трагическую актрису П. А. Стрепетову.

Летом 1862 года, ожидая выхода в заграничное плавание на клипере «Алмаз», а затем после возвращения клипера в Кронштадте жил молодой флотский офицер Николай Андреевич Римский-Корсаков. Уже тогда он всем сердцем тянулся к искусству, мечтал о художественной деятельности. Римский-Корсаков сразу же оказался в центре офицеров — любителей музыки,

которые часто собирались у него на квартире или в Морском собрании.

Потом композитор жил в Петербурге, но по-прежнему активно влиял на музыкальную жизнь Кронштадта. В 1873 году занял должность инспектора «музыкальных хоров» морского ведомства. В обязанности инспектора входило наблюдение за военными оркестрами. Поэтому Римский-Корсаков часто бывал в Кронштадте и сумел высоко поднять их культуру. Осенью 1874 года он устроил в Кронштадте большой концерт объединенного оркестра военно-морских частей. В книге «Летопись моей музыкальной жизни» Николай Андреевич так описал это событие:

«Концерт состоялся в манеже, участвовали как кронштадтские, так и петербургские хоры. Исполнено было, между прочим, несколько моих аранжировок, в том числе увертюра «Эгмонт», марш из «Пророка» и «Славься». Концерт прошел стройно и согласно под моим управлением. Для репетиций я прожил целую неделю в Кронштадте. Репетиции бывали по два и три раза в день, отдельно для деревянных и медных инструментов и общие. Я проводил на них время с утра до ночи с малыми роздыхами и, скажу по правде, был неутомим. Не знаю, будут ли когда-нибудь морские хоры играть с такой отделкою и так стройно, как тогда, но что до этого им никогда не приходилось так подтянуться — в этом я уверен...»

Концерты стали традиционными. В течение десяти лет, пока Н. А. Римский-Корсаков исполнял должность инспектора, он один-два раза в год проводил концерты в манеже или в театре. И каждый раз зал был переполнен, а местная пресса публиковала восторженные рецензии.

Концерты под управлением крупнейшего композитора усилили у кронштадтцев тягу к музыке и послужили толчком для создания в 1874 году музыкального

кружка с бесплатной музыкальной школой. Тогда же в любительских концертах звучал тенор лейтенанта флота Николая Николаевича Фигнера. С 1887 года он был принят в труппу Мариинского театра, получил большую известность и вошел в историю русской оперы как один из талантливейших певцов.

Нашли выход и любители чтения, которые уже не могли обходиться домашними книжными собраниями. Они решили создать общественную библиотеку. Для образования денежного фонда капитан-лейтенант И. Н. Скрыдлов предложил отчислять один процент жалованья. Идею Скрыдлова охотно поддерживали почти все офицеры Балтийского флота. Морское же министерство, в которое обратились кронштадтские моряки, выделило им только ссуду на шесть лет. Основанная в 1832 году библиотека стала быстро расти. Спустя 28 лет на нее обратило внимание правительство, которое нашло чрезвычайно «остроумный» способ поддержать начинание, пользуясь такой популярностью, и при этом не потратить ни копейки. Императорским указом уже не добровольно, а принудительно стали отчислять один процент из жалованья всех морских офицеров Петербурга, Кронштадта и даже временно проживавших в других портах. Так морская библиотека получила солидный годовой бюджет — около пятнадцати тысяч рублей. К тому времени она находилась уже в здании Морского собрания. По богатству фонда она занимала девятое место среди всех общественных библиотек России. Скоро ей стало тесно. Строительство здания для нее началось в год основания библиотеки. Но от закладки фундамента до первых кирпичей, положенных в стены, прошел фантастический срок — 77 лет. После этого дело двигалось такими же темпами. До Великого Октября морская библиотека так и не получила своего помещения.

В Кронштадте бывали, а то и подолгу жили крупнейшие писатели и поэты.

В 1790 году в кронштадтской гостинице остановился Николай Михайлович Карамзин, возвращавшийся из путешествия по Европе. 12 мая 1824 года отсюда отправился на лечение минеральными водами в Германию Василий Андреевич Жуковский. В 1837—1839 годах он совершил новое путешествие по Европе, на этот раз в свите будущего царя Александра II в качестве его воспитателя.

26 августа 1817 года, подняв якорь на Кронштадтском рейде, двинулся в кругосветное плавание военный шлюп «Камчатка» под командованием В. М. Голловина. На шлюпе уходил в море волонтером выпускник Царскосельского лицея Ф. Ф. Матюшкин, будущий адмирал. Возможно, что проводить своего лицейского товарища в Кронштадт приезжал А. С. Пушкин. Он советовал Матюшкину вести дневник путешествия, подробно объяснял, что и как нужно записывать. Только до сих пор неясно — в Кронштадте происходил этот разговор или в Петербурге. Вторая поездка великого поэта в Кронштадт не вызывает никаких сомнений. Она состоялась 25 мая 1828 года. Пушкин отправился на пароходе с большой компанией друзей: А. С. Грибоедовым, П. А. Вяземским, членом-корреспондентом Российской Академии наук П. Л. Шиллингом, Н. Д. Киселевым, директором Публичной библиотеки и президентом Академии художеств А. Н. Олениным, его сыном Алексеем и дочерью Анной. В письме Вяземского жене говорится, что они осматривали корабли, готовившиеся выйти в море под командованием Д. Н. Сеньявина.

В 1819 году Морской кадетский корпус окончил Владимир Иванович Даль, будущий известный писатель и ученый-лингвист, автор знаменитого словаря, 53-летняя работа над которым началась в последнем году

ученья в корпусе. Даль служил мичманом на Черном море, но вскоре перевелся в Кронштадт и жил здесь до ухода в отставку в феврале 1826 года. Общаясь с моряками и жителями Котлина, Владимир Иванович пополнял свои словарные записи, коллекцию русских народных пословиц, песен, сказок, поверий.

В 1852 году из Кронштадта вышел в кругосветное плавание военный фрегат «Паллада». Через три года он вернулся к берегам Котлина. Все это время на корабле находился в качестве секретаря адмирала Е. А. Путятина уже широко известный читателям автор романа «Обыкновенная история» Иван Александрович Гончаров. Его известность переросла в шумный успех после выхода путевых очерков «Фрегат „Паллада“».

Картины корабельного быта отразил и Дмитрий Васильевич Григорович в очерках о путешествии вокруг Европы на корабле «Ретвизан». Это плавание Григорович совершил в конце 50-х годов, когда он был одним из наиболее видных сотрудников журнала «Современник».

Константину Михайловичу Станюковичу морская судьба была предопределена с рождения. Его отец был адмиралом, мать происходила из морской семьи. Одиннадцатилетним мальчиком Станюкович участвовал в обороне Севастополя в годы Крымской войны, был награжден серебряной медалью на георгиевской ленте, с 1857 года учился в Морском кадетском корпусе, бывал в Кронштадте, уходил отсюда в плавания. Однако, несмотря на противодействие сурового и упрямого отца, Константин Михайлович в 1864 году ушел с флота, чтобы посвятить себя литературному труду. Он ненавидел службу, муштру, но море любил и был верен этой теме до конца жизни.

В крупнейшем произведении В. Г. Короленко «История моего современника» есть яркие сценки крон-

штадтского быта. Он их наблюдал в 1879—1880 годах, когда отбывал на Котлине часть своей первой ссылки. Владимир Галактионович жил с матерью и сестрой на Сайдашной улице. Некоторое время он работал чертежником в Минном офицерском классе.

В 1882 году, окончив Павловское военное училище, прибыл в Кронштадт подпоручик 148-го Каспийского полка Семен Яковлевич Надсон. Вынужденный обстоятельствами идти на военную службу, он видел в этом лишь одно оправдание для себя: «...послужить той массе серого армейского офицерства и солдатства, которая задыхается в атмосфере пустых кутежей, делания карьеры,— что мне особенно ненавистно,— нравственного и умственного неряшества и пустоты...»

В первое время Надсон развернул в Кронштадте кипучую деятельность, чувствовал себя нужным, и это чувство вселяло в него бодрость. Тогдашнее приподнятое настроение поэта передано в письме А. Н. Плещееву: «Как я живу? Изумительно! В Кронштадте имею успех. Во вчерашнем № «Кронштадтского вестника» изображено в отчете первого литературно-музыкального вечера: «К удовольствию слушателей, г. Н., молодой поэт, которого прекрасные стихотворения помещаются в наших лучших журналах, с одушевлением прочел одно из этих стихотворений». Кроме того, я пою здесь в любительском хоре Морского собрания, буду участвовать в спектакле и устраиваю музыкально-литературные вечера в полку». На квартире Надсона в Козельском переулке быстро создался кружок начинающих литераторов и любителей искусства. Он носил юмористическое название «Общество редьки». «Здесь, вокруг стола,— вспоминал участник этих встреч,— уставленного нехитрыми питиями и закусками с редькой во главе, кронштадтская богема развлекалась поэзией и музыкой, горячими разговорами и просто шалостями, свойственными подпоручичьему воз-

расту». Но этот светлый период в жизни поэта оказался недолгим. Болезнь вынудила Надсона весной 1884 года покинуть Кронштадт.

Тогда же в Кронштадте жила эстонская поэтесса и драматург Лидия Койдула (Яннсон). Здесь ею были созданы самые зрелые произведения, проникнутые горячей любовью к народу. Койдула умерла в Кронштадте в 1886 году.

В 1900 году началась матросская служба в Кронштадте Алексея Силыча Новикова, будущего писателя Новикова-Прибоя. Отсюда в 1904 году он ушел в плавание со 2-й Тихоокеанской эскадрой, которая была разгромлена в Цусимском проливе. В романе «Цусима» Новиков-Прибой многое рассказал о тягостной службе на Котлине. В газете «Кронштадтский вестник» была опубликована первая статья А. С. Новикова. В ней тянувшийся к образованию и культуре матрос призывал товарищей учиться в воскресной школе. Впоследствии писатель вспоминал, что этот дебют в печати его окрылил, побудил к дальнейшей литературной работе.

Вписали свои имена в историю Кронштадта и художники. В 1853 году Иван Константинович Айвазовский подарил Морскому офицерскому собранию картину «Синопский бой». Этот дар — свидетельство любви художника к городу, в котором он неоднократно бывал и с которым связан его первый успех. Весной 1836 года слушатель Академии художеств Айвазовский был прикомандирован к практической эскадре Балтийского флота для учебных занятий. Знакомство с военно-морским флотом взволновало молодого живописца. Он создал несколько пейзажей, получивших признание. Среди первых его композиций маслом — полотно «Большой рейд в Кронштадте», принадлежащее теперь Русскому музею. Годом раньше кронштадтским морякам подарил свою картину «На рейде» Алек-

сей Петрович Боголюбов, автор морских пейзажей и патристических произведений о победах русского флота. Бывали на Котлине и пополняли коллекцию картин Морского собрания и другие русские художники.

Появились на острове и журналисты. 1 января 1859 года вышел в свет первый номер «Кронштадтской газеты», но существовала она недолго. Со 2 июня 1861 года стала выходить газета «Кронштадтский вестник». Она печаталась сначала два, а затем три раза в неделю на четырех полосах. В 1896 году основана еще одна газета — «Котлин», просуществовавшая до весны 1917 года. Ее издавал и редактировал упомянутый ранее преподаватель Минного офицерского класса Е. П. Тверитинов — потомственный моряк, высокообразованный офицер, многое сделавший для развития электротехники в России. Поэтому газета «Котлин» активно пропагандировала научно-технические новшества, занимала прогрессивные позиции и в вопросах общественной жизни.

Казалось бы, культурная жизнь в Кронштадте стала интенсивной. На самом же деле это впечатление обманчиво. Морское офицерское собрание с его гостиницами и библиотекой было узкокастовым заведением, горожане туда не допускались. Открытие в 1904 году Офицерского собрания артиллерии Кронштадтской крепости положения не изменило. Подавляющему большинству населения города — матросам, солдатам, рабочим, мелким служащим, гимназистам — доставалось немного: звуки музыки из Летнего сада, где по выходным дням играли оркестры — роговой или духовой, да набережная Купеческой гавани, служившая местом городских гуляний, откуда можно было полюбоваться привычным видом кораблей. Вот почти и все...

Некоторое время в Кронштадте существовал театр. Он открылся в большом сарае на Осокиной улице в 1861 году. Здание было не только непрезентабельным,

но и холодным. Зрители зябли даже в теплых пальто. Своей труппы театр не имел, а приезжие не очень-то любили навещать это унылое помещение. Но и этот театр-сарай 12 января 1872 года сгорел. Вместо него построили каменный, просторный, вмещающий 900 человек, с обширной и хорошо оборудованной сценой, на которой можно было ставить и оперу, и балет, и драму. Но 28 декабря 1880 года его тоже уничтожил пожар.

Больше кронштадтцы не пытались создать свой театр. Оставалось единственное общедоступное зрелище — цирк. Он был построен в середине XIX века на Нарвской площади. Здесь гастролировали известные мастера циркового искусства, в том числе Владимир Дуров и Виталий Лазаренко. Но цирк, какими бы увлекательными ни были его представления, конечно, не мог заполнить зияющей брешы в культурной жизни котлинского простонародья, тем более что знаменитые гастролеры наезжали сюда не часто. В обычное время бедняков развлекали в жалких балаганах такие же бедняки.

Таким образом, трудящиеся и «нижние чины» на протяжении всей дореволюционной истории Кронштадта не имели даже тех малых возможностей для культурного развития, для удовлетворения духовных запросов, которыми обладал пролетариат в других центрах России. Мастера искусства, живя или бывая на Котлине, не могли общаться с демократическими массами. Свет этих звезд доходил только до избранных.

«ВРЕДНЫЙ КЛИМАТ»

Первые строители Кронштадта вязли в топком болоте, надрывались, корчуга лес, возводя на месте диких зарослей земляные укрепления. И падали замертво

на эту постылую землю. Крюйс с тревогой писал, что из 1358 рабочих 250 больны «от вредного кронштадтского климата». Конечно, для человека, одетого в лохмотья, вечно голодного, изнемогающего от непосильной работы, Котлин был гиблым местом. Но дело не в климате, а в нечеловеческих условиях жизни, работы и службы.

Приказ Петра I «не смотря ни на кого делать прямо под потеряннем живота» крепость, порт и город на Котлине означал смертный приговор тысячам рабочих людей, солдат, матросов. «Едва ли,— писал известный историк В. О. Ключевский,— найдется в военной истории побоище, которое вывело бы из строя больше бойцов, чем сколько легло рабочих в Петербурге и Кронштадте».

Шло время. Кронштадт превратился в более или менее благоустроенный город. Но все достижения цивилизации совершенно не касались «нижних чинов». Их существование оставалось рабским. Они умирали сотнями. От цинги, потому что в пище отсутствовала зелень, даже капуста, вместо хлеба месяцами давали сухари. От чахотки, которая возникала не от «вредного климата», а от наказания шпицрутенами.

На том месте, где с 1851 года шумят деревья Петровского парка, раньше была площадь плац-парадов. Здесь муштровали «нижних чинов». И здесь же их пороли. Обнаженного до пояса осужденного с привязанными к ружью руками вели между двумя шеренгами. Его хлестали по спине вымоченными в уксусе и солевой воде, прокипяченными для прочности, жесткости и упругости прутьями — шпицрутенами. На 200—300-м ударе спина «преступника» превращалась в сплошной кровоподтек. Тогда врач говорил: «Довольно!» Осужденного подлечивали, и пытка возобновлялась.

Телесные наказания в русской армии и на флоте

официально запретили с 17 апреля 1864 года, но их отмена по существу так и не вошла в силу. Как и раньше, за малейшую оплошность, а чаще без всяких причин, на солдат и матросов сыпались удары и зуботычины. В начале первой мировой войны телесные наказания снова стали уставной мерой воздействия.

Устав внутренней службы запрещал «нижним чинам» ездить внутри конок и трамваев, занимать места в железнодорожных вагонах 1-го и 2-го классов. В театрах они могли сидеть только на галерке. Не разрешалось иметь книги, не засвидетельствованные ротным командиром, состоять в каком-либо обществе. Эти все-российские положения ужесточались в Кронштадте дополнительными ограничениями. Главная улица города — Господская (с 1856 года — Николаевский проспект) — четко делилась на две части: восточную — «бархатную», по которой не могли ходить рядовые, и западную — «ситцевую». У входа на Екатерининский бульвар красовалась позорная надпись: «Собак не водить, матросам и солдатам не заходить».

«В царском флоте вообще существовала жестокая палочная дисциплина,— вспоминал балтийский матрос из луганских рабочих А. П. Цупов-Шапильский.— Но для Кронштадта специально был создан невыносимо тяжелый режим. В других городах матросы, увольняясь на берег, хоть на время могли вздохнуть свободнее. А здесь, пожалуй, трудно было определить, где тяжелее — на берегу или на корабле. На улицах к матросам придирались офицеры и городовые... Как бы идеально ни выглядел матрос, к нему находили повод придраться и тут же определяли меру наказания...

Обстановка в Кронштадте стала особенно тяжелой, когда главным командиром Кронштадтского порта и военным губернатором города назначили адмирала Р. Н. Вирена, быстро заслужившего лютую ненависть

матросов. Адмирал останавливал их на улице, заставлял снимать бескозырки и выворачивать наизнанку, расстегивать брюки и показывать метки на белье. Последнюю унижительную процедуру он выполнял с особым удовольствием, если с матросом шла девушка. «Нижних чинов» обязывали козырять не только Вирену, но и его пролетке, дому, в котором он жил».

По фамилиям рядовых называть было не принято. Их именovali обидными кличками. За неправильный ответ на занятиях заставляли прыгать по-лягушачьи, осыпая при этом площадной бранью. Сквернословие, оскорбления считались чуть ли не доблестью, особым ухарством. Н. А. Римский-Корсаков, достаточно наблюдавший эти нравы в Кронштадте, Ревеле и во время плаваний, писал: «Командиры и офицеры, командуя ротами, ругались виртуозно-изысканно, и отборная ругань наполняла воздух густым смрадом. Одни из офицеров славились пылкой фантазией и изобретательностью в ругательствах, другие зубодробильным искусством».

В казарме, на корабле, на улице все было направлено на унижение матроса и солдата. Жестокость, муштра, бесконечная, порой нелепая работа, по мнению властей, помогали держать «нижних чинов» в слепом повиновении. Но давалось это все труднее.

Рост технической оснащенности армии и флота вынуждал военное начальство набирать на корабли и в экипажи, в части крепостной артиллерии не просто рослых и крепких людей, а хотя бы элементарно грамотных, привычных к машинам. К началу русско-японской войны около 80 процентов «нижних чинов» флота знали грамоту. Командование всячески стремилось ограничить применение этих знаний чисто служебными рамками. В планы отцов-командиров вовсе не входило чтение матросами книг и газет, из которых они «набирались вредных мыслей». Поэтому скудные эки-

пажные и корабельные библиотеки сплошь составляли «жития святых» и прочая религиозная литература. Но даже такие безобидные произведения матросы могли читать только полулежа на нарах или сидя на полу, а писать — положив бумагу на нары и стоя возле них на коленях. Начальство держало матросов в темноте не только в переносном смысле слова, но и в буквальном: в казармах по вечерам зажигали свечи с 1 сентября по 1 апреля, да и то давали на 10 человек половину свечки в мизинец толщиной. Всю зиму люди сидели впотьмах.

И все же «нижние чины» жадно читали, учились, набирались знаний. Офицерам оставалось одно — карать за книгу. Л. А. Глебов (Ленцнер), служивший на крейсере «Азия», рассказал, как встретил его старший офицер по возвращении из Кронштадта с купленной в магазине книгой:

«Быстро подойдя ко мне, офицер вырвал у меня книгу, сверля меня своими выпуклыми глазами, начал кричать и топтать ногами:

— Это что за безобразие! Ты, сволочь, хочешь завести библиотеку на корабле? Кто позволил? Прокламации в книжках приносишь на корабль, мерзавец?

Перелистав книгу и ощупав обложку, он снова накинул на меня.

— Я тебе покажу, подлец, книжки читать! — вне себя от злости крикнул он и, размахнувшись, ударил меня книгой по лицу.

Этим дело не кончилось. «Виновника» посадили в карцер на трое суток, а потом списали с корабля в береговой экипаж. А ведь купил он не политическую книгу, опасную своими обличениями, а... «Капитанскую дочку» Пушкина.

Дабы отвлечь матросские и солдатские массы от попыток осознать свое положение и сплотиться в общей борьбе, в Кронштадте всячески раздували и подо-

гревали антагонизм между армейскими и флотскими частями. Матросы и солдаты часто вступали в рукопашные схватки. В них участвовали сотни людей, озлобленных судьбой, но еще не способных увидеть правду.

Воинское начальство стремилось оградить «нижних чинов» и от соприкосновения с кронштадтскими рабочими. Часто и те и другие трудились вместе на ремонте или разгрузке кораблей, но бдительный надзор не позволял им общаться.

Рабочие тоже боролись за человеческое достоинство, за свободу. Бунтовали, как только появились на Котлине. Думая утешить недовольных, правительство обрушивало на них жестокие репрессии. 24 февраля 1747 года особым указом было велено кронштадтского кузнеца Григория Замораева «гонять шпицрутенами через артиллерийских служителей 1000 человек два раза». Это означало медленную мучительную смерть.

В 1797 году трое рабочих чугунолитейного завода, седобородые старики, отправились с Котлина ходаками к самому императору. Несколько дней безуспешно бродили они по столице в надежде встретить царя, а потом опустили жалобу в ящик для прошений, установленный возле царского дворца. Павел I приказал схватить ходаков и, невзирая на их преклонный возраст, отдать в солдаты.

Долгое время матросы ластовых экипажей и мастеровые казенных заводов Кронштадта трудились по регламенту Петра I, 16—17 часов в сутки. В 1860 году рабочий день сократили до 10 часов, но администрация сумела его продлить, отменяя обеденные перерывы. Фактически все, даже дети, работали с половины седьмого до половины четвертого без завтраков и обедов. А детский труд применялся широко. В 1863 году на Пароходном заводе насчитывалось 65 учеников в возрасте до 16 лет. За непосильный труд платили гро-

ши. Ветеран предприятия И. А. Хамеляйнен вспоминал, что в 1909 году поступил учеником в токарный цех и три года получал по 27 копеек в день.

Заводское начальство совершенно не заботилось о механизации и безопасности труда. Работали в основном вручную. От постоянного грохота многие глохли. Это бедствие приняло настолько широкий размах, что врачи Морского госпиталя проводили специальные обследования, писали научные статьи, делали доклады. Но никто к их выводам не прислушивался. Люди калечились, гибли, однако получить пенсию по инвалидности, по старости или в случае потери кормильца было практически невозможно. Ничего не платили и больным. Только в канун первой мировой войны стали выдавать четверть заработка, но лишь тем, кто лечился в платной больнице, — то есть лишали и этого скудного пособия.

Так же, как и всюду в России, по улицам Кронштадта бродили безработные, тянули руки за подаванием нищие. Особенно много было здесь временно безработных. На зиму порт замирал, и тысячи людей полгода бедствовали, перебивались случайными заработками, выпрашивали унижительной помощи благотворительных обществ.

12 октября 1882 года кронштадтский «свет» праздновал открытие большого четырехэтажного здания, предназначенного стать символом братского христианского соучастия в беде, символом гуманности. Дом трудолюбия, как называли это здание, вобрал в себя все формы помощи бедным. Здесь организовали мастерские для «посадских», остающихся без работы после окончания навигации. Открыли школу, убежище для детей (подобие детского дома), ясли... казалось бы, потрясающее достижение! Но это лишь красивый фасад Дома трудолюбия. А за фасадом — фикция, издевательство.

Школа была лишь одногодичной. Но и ее оканчивало ничтожно малое число учеников: в 1883 году — 1 из 16, в 1884 году — 10 из 159 человек. Остальные оставались неграмотными. Убежище было рассчитано на 15—25 детей, ясли — на 12 младенцев... Эти игрушечные организации, разумеется, не могли существенно повлиять на быт кронштадтского пролетариата и служили лишь витриной «человеколюбия». Точно так же обстояло дело и с мастерскими. Сначала их было довольно много: сапожная, переплетная, пеньковая, женских рукоделий, точки ножей. Но вскоре закрылись все, кроме пеньковой. О том, что она собой представляла, говорит заметка в «Кронштадтском вестнике»: «Зашли в помещение, где пеньку щиплют: комната полна народом... Прелый воздух, грубые доски с наколоченными гвоздями вместо столов и за ними грязные и оборванные люди, женщин не меньше, чем мужчин; на лице и костюме каждого — печать крайней нищеты, изможденности...»

В давние времена кронштадтские рабочие, а может быть, еще первые строители крепости, сочинили песню:

Расскажи, крещеный люд,
Отчего народы мрут
С покрову до покрову
На проклятом острову...

Проклятый остров. Город-казарма. Тюрьма. «Матросский Сахалин». Так называли Кронштадт его жители. И, разумеется, не за дожди, туманы, ветры, наводнения так ненавидели Котлин матросы, солдаты и рабочие. Ненавидели за драконовские порядки.

«Казарма в России была сплошь да рядом хуже всякой тюрьмы; нигде так не давили и не угнетали личности, как в казарме; нигде не процветали в такой степени истязания, побои, надругательства над человеком», — писал Владимир Ильич Ленин. Это определе-

ние в особой мере относится к Кронштадту — образцовой крепости, находившейся в непосредственной близости от загородных дворцов царской фамилии.

Вот каков был «вредный кронштадтский климат». Его сознательно создал самодержавный строй, его поддерживали слуги царизма — офицеры и чиновники.

Вся система воспитания офицеров в военных училищах была направлена на то, чтобы вырастить не столько умелых воинов, сколько цепных псов самодержавия, безраздельно преданных престолу. Эту особую касту ревностно оберегали от проникновения в нее чужеродных элементов. Особенно была сильна кастовость на флоте. Военно-морскими офицерами могли стать только дворяне. В штурманские училища принимали «беспородных» юношей, но на кораблях они долгое время не имели тех же прав, что отпрыски дворянских фамилий, получали не флотские, а армейские звания. В Морском кадетском корпусе издавна существовал культ жестокости, призванный выбить из будущих офицеров всякие представления о человечности.

Однако и в этой среде нашлись люди, поднявшие-ся против самодержавия с оружием в руках.

13 июля 1826 года на адмиральском корабле «Князь Владимир», стоявшем на Большом Кронштадтском рейде, ударила пушка. Вслед за выстрелом на крюйс-брам-стенге взвился зловеющий черный флаг. С каждого корабля эскадры, построенной в кильватерную колонну, на флагман прибыли старший офицер, лейтенант и мичман, чтобы стать свидетелями свершения приговора над моряками-декабристами. 15 из 18 осужденных доставили из Петропавловской крепости в полной форме, при орденах и личном оружии. Прочитан приговор. «Государственные преступники» лишены чинов и дворянства. Десятерых ждет каторга, пятеро разжа-

лованы в рядовые. Над ними «по обряду морской службы» под барабанную дробь ломают сабли, предусмотрительно подпиленные заранее, и обломки бросают за борт. В воды Финского залива летят сорванные с мундиров эполеты...

Так проходила эта церемония, призванная устрашить кронштадтских моряков. Но цели она не достигла. Как вспоминал один из осужденных, Д. И. Завалишин, казнь в Кронштадте превратилась в торжество декабристов: «...плакали навзрыд матросы и офицеры: в числе осужденных видели они многих, которые принадлежали к так называемому цвету и надежде флота».

Из 32 морских офицеров, причастных к восстанию, многие служили в Кронштадте, в экипажах и на кораблях, были хорошо известны и матросам, и жителям города.

Здесь жили братья Бестужевы. Старший из них, Н. А. Бестужев, 11 лет служил в Кронштадте. К нему в наибольшей степени относятся слова о надежде флота. К 23 годам жизни он был уже избран почетным членом Адмиралтейства за труды по истории флота. По его инициативе в Морском кадетском корпусе ввели преподавание физики. Николай Александрович изучал историю, географию, экономику, технические науки, успешно занимался живописью и рисованием, литературным трудом, обладал большим сценическим дарованием. Капитан-лейтенант Н. А. Бестужев, один из трех директоров Северного общества, высказывался за республику, за освобождение крестьян с землей, активно участвовал в разработке всех программных документов общества и в подготовке к вооруженному выступлению против самодержавия. После поражения восстания он бежал в Кронштадт, надеясь скрыться за границу, но был арестован.

Николая Бестужева приговорили к смертной казни,

которую царь заменил пожизненной каторгой. Такой же приговор получил его брат Михаил. Незадолго до восстания он был переведен в лейб-гвардии Московский полк и вывел его вместе с братом Александром и другими офицерами-декабристами на Сенатскую площадь. Петр Бестужев, адъютант главного командира Кронштадтского порта, приехал в Петербург, несмотря на запрещение братьев, чтобы «не лишиться завидной участи разделить опасность славного предприятия».

Активный участник декабрьского восстания Константин Петрович Торсон — первый моряк, награжденный за мужество в боях Отечественной войны, участник кругосветного путешествия на шлюпе «Восток» под командованием Ф. Ф. Беллинсгаузена. Его именем был назван один из островов, открытых Антарктической экспедицией. По отзыву Александра Бестужева, Торсон считался «одним из самых отличных и ученых флотских офицеров».

Дмитрий Иринархович Завалишин воспитанником Морского корпуса был допущен к обучению гардемарин. Блестяще одаренный 14-летний педагог преподавал своим сверстникам астрономию и высшую математику. После выпуска из корпуса он стал уже штатным преподавателем, великолепно справлялся со своими обязанностями. И неустанно учился сам: слушал лекции в Медико-хирургической академии, в Горном корпусе, посещал Академию художеств, обсерваторию, даже заводы и мастерские, где изучал различные ремесла. Завалишин совершил кругосветное плавание на фрегате «Крейсер», которым командовал М. П. Лазарев. Служа в Кронштадте в 8-м флотском экипаже, он горячо пропагандировал республиканские взгляды.

Яркими, незаурядными людьми были А. П. Арбузов, М. К. Кюхельбекер, В. А. Дивов и другие моряки-декабристы. Их могло быть значительно больше. А главное, за ними могли пойти тысячи матросов. Этого

добивался К. Ф. Рылеев. Он неоднократно приезжал в Кронштадт и требовал от флотских офицеров — членов Северного общества, чтобы они создали «морскую управу» этой организации, чтобы с помощью матросов и солдат в нужный момент взять власть в крепости в свои руки. Но дворянские революционеры замкнулись в узком кастовом кругу. Революционное движение среди матросов, солдат и рабочих развивалось своим путем.

В истории отмечены многие бунты и беспорядки на кораблях, выходивших в дальние плавания из Кронштадта. Однако репрессии не могли запугать революционно настроенных «нижних чинов» и офицеров. Властям так и не удалось вытравить в Кронштадте опасный дух свободомыслия.

В мае 1862 года фрегат «Олег» возвращался из Портсмута в Кронштадт. В пути судовой священник донес командиру корабля, что среди офицеров и команды распространяются предосудительные сочинения. Как только «Олег» пришел в Кронштадт, на нем устроили повальный обыск и обнаружили много революционных изданий — номера «Колокола», воззвания, сочинения Герцена... В распространении литературы уличили юнкера Трувеллера и гардемарина Дьяконова. Жандармы перехватили посылку из Лондона, адресованную Трувеллеру, в которой оказалось более тысячи экземпляров революционных воззваний. На следствии выяснилось, что из Портсмута Трувеллер ездил в Лондон и встречался там с Герценом, а в Гамбурге заказал русский шрифт для типографии. Интересно и другое. В перехваченном жандармами письме Дьяконов писал, что матросы «все понимают, читают книги, восхищаются „Колоколом“».

Во времена народников лишь небольшая часть кронштадтских моряков сочувствовала их идеям. После 1879 года, когда партия «Народная воля» стала пропо-

ведовать террористические методы борьбы, ее влияние в армии и на флоте еще больше упало.

Наиболее значительным в Кронштадте за всю историю народовольчества был кружок морских офицеров, во главе которого стал Н. Е. Суханов, близко знакомый с замечательными революционерами С. Л. Перовской, А. И. Желябовым, Н. И. Кибальчиком, В. Н. Фигнер. Ему, слушателю Кронштадтского офицерского минного класса, выпало на долю изготавливать бомбы, которыми 1 марта 1881 года был убит Александр II. Однако и этот кружок не способствовал развитию революционного движения на флоте и в крепости. Николая Суханова казнили на рассвете 19 марта 1882 года в Кронштадте. Тело расстрелянного бросили в яму и провели мимо раскрытой могилы взводы сводного батальона.

Многие передовые кронштадтские офицеры не разделяли революционных воззрений, но в меру своих сил стремились улучшить положение матросов, солдат и рабочих. На них благотворно действовал пример наиболее талантливых флотоводцев и военачальников, отличавшихся гуманным, заботливым отношением к «нижним чинам». Адмиралы Г. И. Бутаков и А. А. Попов, принципиальные противники кулачных расправ, строго следили за тем, чтобы командиры не проявляли жестокости, а виновных наказывали. Прославленный флотоводец Д. Н. Сенявин, провожая отряд Кронштадтской эскадры сражаться с турками, обратился к командирам кораблей, а через них — ко всему офицерскому корпусу русского флота с наставлением, в котором рекомендовал заботиться о матросе, общаться с ним, приобретать его доверие и любовь. В истории Котлина отмечены сравнительно светлые периоды, когда здесь были хозяевами такие передовые умы своего времени, как Ф. Ф. Беллинсгаузен, Ф. П. Литке, С. О. Макаров.

Фаддей Фаддеевич Беллинсгаузен, занимавший пост кронштадтского военного губернатора с 1839 по 1852

год, очень много сделал для матросов, постоянно заботился об улучшении их быта, питания, лечения. Он построил госпитальные дачи в Ораниенбауме, завел на острове экипажные огороды, снабжавшие матросские кухни свежими овощами. Когда Беллинсгаузен совершал свое знаменитое кругосветное плавание, на его судах не существовало телесных наказаний. Такого же правила он придерживался и в Кронштадте.

Федор Петрович Литке, отправившись в путешествие, призвал офицеров «обойтись без рукоприкладства и телесных наказаний», несмотря на то, что морской дисциплинарный устав в то время давал право наказывать матросов линьками. «Как просвещенные, гуманные начальники, — говорил Литке, — вы всегда найдете в каждом случае для провинившегося культурные меры воздействия, кои несомненно принесут более пользы службе, нежели грубые и унижающие человека наказания...» Поэтому 1858—1864 годы, когда адмирал Ф. П. Литке служил главным командиром порта в Кронштадте, были для «нижних чинов» отрадным временем.

Глубокий след в сердцах тысяч кронштадтцев оставил Степан Осипович Макаров. Выходец из простого народа, он за годы своего губернаторства произвел немало добрых перемен в укладе службы и жизни матросов, солдат, рабочих. Особенно заботился адмирал о питании. Осмотр кораблей всегда начинал с матросского камбуза и пробы щей. Если они оказывались скверными, Макаров предлагал командиру, старшему офицеру и ревизору съесть по тарелке этих щей. Такой урок не мог пройти бесследно. Но адмирал со свойственным ему научным подходом к делу решил коренным образом улучшить матросское питание и для этого позаимствовал опыт черноморцев. Тамошние щи и флотский борщ отличались прекрасным вкусом. Макаров выписал оттуда кока, мастера своего дела, коман-

дировал на черноморскую эскадру врача-гигиениста Н. Ф. Боголюбова, затем для начала внедрил этот опыт в Кронштадтском Морском госпитале и нескольких экипажах. В результате 1 мая 1901 года родился приказ с подробнейшей инструкцией «О приготовлении щей». Этот приказ, изданный отдельной брошюрой, был направлен на все корабли и суда.

Чтобы проконтролировать командиров, этот удивительный губернатор приказал взвешивать матросов и следил, не худеют ли «нижние чины». Он впервые начал снабжать казармы кипяченой питьевой водой. Инфекционных заболеваний сразу стало значительно меньше. Макаров ввел в казармах, как и во всем Кронштадте, газовое освещение. Устроил шесть бань-прачечных, в которых матросы, помывшись, получали выстиранное и высушенное белье.

Постоянно заботился Макаров и о рабочих, вникал в их нужды. Он повел решительную борьбу с производственным травматизмом. Заводское начальство обвиняло самих рабочих в неосторожности. Степан Осипович стал назначать комиссии для расследования тяжелых происшествий, многие из них разбирал сам и стремился не только найти и наказать виновных, но, главное, устранить причины несчастных случаев. По инициативе адмирала в Кронштадте возникли вечерние классы для рабочих Пароходного завода, три школы для детей, портовая техническая школа, созданы рабочие клубы.

Лучшие офицеры-моряки стремились смягчить для «нижних чинов» и пролетариев «вредный кронштадтский климат», но сделать они могли немного. На смену им приходили ограниченные, жестокие сановники и сводили на нет все начинания своих предшественников. Независимо от того, «доброе» или «злое» начальство в тот или иной момент вершило власть в Кронштадте, главное оставалось неизменным. И всегда

здесь не прекращалась борьба матросов, солдат и рабочих за свои права, за лучшую жизнь. До поры до времени это были отчаянные выступления одиночек или разрозненных групп. Не существовало еще той силы, которая могла бы повести за собой тысячи людей, указать им цели борьбы и средства их достижения.

Этой могучей силой стала партия большевиков, вооруженная учением Маркса, Энгельса, Ленина,

**ШТОРМОВЫЕ
ВОЛНЫ
РЕВОЛЮЦИЙ**

«На вербной неделе в Кронштадт нагрянули жандармы во главе с прокурором, произвели обыски почти во всех казармах военных матросов, нашли много литературы и взяли всего около 20 матросов и двух офицеров... Вызваны эти аресты были тем, что уже издавна матросы, отличаясь довольно высоким уровнем развития и страшной ненавистью к своему непосредственному начальству, всегда искали и имели связи с социал-демократами; приток литературы к ним никогда не прекращался. За последнее время С.-Петербургский комитет, имея эти связи, доставил туда довольно много социал-демократической литературы. Кроме такого «преступного» чтения, у матросов не переставала существовать самобытная кружковая организация. Руководители выходили из среды самих матросов».

Эта корреспонденция, опубликованная 15 июня 1903 года в «Искре», — первый обстоятельный рассказ о кронштадтских большевиках в газете, созданной и редактировавшейся В. И. Лениным. Первое свидетельство того, как вокруг «Искры» стали объединяться моряки, как руководил ими Петербургский комитет РСДРП.

Тонкие шуршащие листки газеты, отпечатанной на папиросной бумаге, впервые достигли Котлина в 1901 году. «Искру» передавали матросам русские политические эмигранты и иностранные рабочие в портах Европы, куда приходили корабли Балтийского флота во время заграничных походов. Газету приносили с собой новобранцы, молодые рабочие, уже приобщившиеся к классовой борьбе. Социал-демократическую литерату-

ру доставляли и партийные работники, специально направленные в войска.

В 1901 году во время стоянки броненосца «Александр II» в Тулоне матрос Иван Коршунов познакомился с французским рабочим, который некоторое время жил в Одессе и говорил по-русски. Он передал Коршунову экземпляр «Искры» и другую революционную литературу. Под ее влиянием Коршунов создал социал-демократический кружок, первый на Балтийском флоте. В дальнейшем он установил связи с рабочими Кронштадтского порта и стал получать от них газеты, листовки, брошюры.

Осенью 1902 года такой же кружок возник в Учебно-минном отряде. Его возглавил квартирмейстер В. С. Заплаткин. Почти одновременно группа солдат минной роты крепостного гарнизона объединилась вокруг бывшего питерского рабочего В. А. Анфиногенова. Он сохранил революционные связи в Петербурге и, бывая в столице, привозил оттуда литературу. Его брат держал на квартире подпольную библиотеку. В том же году появился кружок в Учебно-артиллерийском отряде под руководством квартирмейстера К. С. Шубникова. Ближайшим его помощником был баталер А. С. Новиков.

Политическая эволюция Алексея Силыча Новикова характерна для многих матросов и солдат. Новиков вспоминал, что пришел в экипаж «сущим дикарем»: «Если бы в это время кто-нибудь сказал что-нибудь нехорошее против царя, я бы такого человека уничтожил на месте». Новобранца образовали мытарства службы, жестокость офицеров, общение с товарищами, более развитыми политически. А особенно помогла воскресная школа, которая действовала в Доме трудолюбия. Преподаватель, студент Иван Орешин, познакомил пытливого матроса с нелегальной литературой, помог ему расширить кругозор. Революционную работу там же

нели учительница Валентина Герасимова и ее брат Виктор, студент Петербургского университета. Вскоре Новиков приобрел немалый авторитет среди матросов. Это не прошло мимо внимания начальства. Министр юстиции писал в докладе царю: «В Артиллерийском отряде выдающееся значение приобрел баталер 1-й статьи Алексей Новиков... Означенный Новиков представляется заметно развитым человеком среди своих товарищей и настолько начитанным, что в беседах толково рассуждал по философии Канта». В том же донесении говорится, что Новиков получил из Петербурга более 30 социал-демократических сочинений.

Создать нелегальный кружок в Кронштадте было трудно. Но еще труднее выйти за рамки одной воинской части, попытаться объединить усилия нескольких групп. Уже тогда, на заре большевистского движения в Кронштадте, такие попытки предпринимались. Подпольщики из разных кружков познакомились в воскресной школе, стали обмениваться литературой, расширять свое влияние.

Первые искровские кружки существовали недолго. В декабре 1902 года в казарме минной роты неожиданно объявили утренний осмотр, хотя по праздникам он обычно не проводился. Как раз перед этим Анфиногенов привез из Петербурга прокламацию РСДРП «Забастовка на Обуховском заводе». Несколько ночей подряд переписывал ее, но раздать не успел и теперь попался с поличным. В начале 1903 года жандармы ликвидировали кружок Коршунова. А в марте произвели налет на казармы Учебных отрядов, на квартиры преподавателей воскресной школы.

Именно об этом провале революционных организаций Кронштадта и рассказала «Искра». Но большевистская работа среди матросов и солдат не прекратилась. Напротив, весной 1903 года она заметно активизировалась. В то время на флот пришли новобранцы,

среди которых оказалось много сознательных рабочих, участников забастовок, хороших организаторов, опытных подпольщиков. 22-летний слесарь Иван Погребницкий привез с собой пачки нелегальных книг и листовок, впервые установил прямую связь с Петербургским комитетом РСДРП. С его приездом кружковая пропагандистская работа не только усилилась, но и дополнилась массовой агитацией. Стали устраиваться многоярусные сходки революционно настроенных матросов и солдат. На одной из них, 13 апреля, кроме Погребницкого выступил агитатор из Петербурга и призвал собравшихся к дружной и сознательной борьбе против самодержавия. Об этой сходке узнала полиция. 21 апреля Ивана Погребницкого и нескольких его товарищей арестовали. Но 6 мая за городом собралась новая сходка.

Большевистское влияние охватывало не только рядовых, но и значительную часть младших командиров флота, особенно в Учебных отрядах, основной костяк которых составляли рабочие. Многие слушатели школы минно-торпедных унтер-офицеров сочувствовали большевикам, охотно брали у них нелегальную литературу. Преподаватель механики в этой школе большевик В. В. Анфимов использовал занятия для марксистской пропаганды.

Размах революционного движения в городе и на кораблях беспокоил местные и центральные власти. Усилилось наблюдение за подозрительными. Одна волна арестов нагоняла другую. Если в 1902 году на всем флоте насчитывалось несколько десятков политических заключенных, то с января по сентябрь 1903 года только в Кронштадте взяли под стражу 270 человек.

Россия шла к революции. Все чаще бастовали рабочие, волновались крестьяне, студенты. Страна бурлила. Царь с радостью ухватился за мысль, поданную ему одним из наиболее реакционных деятелей самодержав-

ного режима — министром внутренних дел Плеве: «Чтобы удержать революцию, нам нужна маленькая победоносная война». И правительство сознательно пошло на обострение отношений с Японией, тоже бряцавшей оружием. В феврале 1904 года вспыхнула война, дорого стоившая русскому народу, и в частности Балтийскому флоту.

Летом и осенью на Балтике формировались 2-я и 3-я Тихоокеанские эскадры, которым была уготована трагическая участь погибнуть в водах Цусимского пролива. При подготовке эскадр командиры экипажей и кораблей, оставшихся в Кронштадте, постарались избавиться прежде всего от неблагонадежных. В частности, так попал на броненосец «Орел» А. С. Новиков. После ареста он несколько месяцев находился в одиночной камере в Кронштадте, затем в Петербурге. Его списали на корабль, потому что при обыске ничего предосудительного жандармы не нашли. Однако он находился под негласным надзором полиции вплоть до ухода в плавание 2-й Тихоокеанской эскадры.

Целенаправленный отбор на корабли Тихоокеанских эскадр нанес сильный удар по большевистским группам и кружкам в Кронштадте. Но новички довольно быстро вошли в ряды революционного подполья. Многие из них принесли с собой рабочую выучку классовой борьбы. Таким, например, оказался солдат С. В. Иванов. Под его руководством социал-демократический кружок в минной роте по существу превратился в партийный комитет.

Общий рост недовольства народа самодержавным строем усилил и политическую активность кронштадтских рабочих. У трудящихся Пароходного завода, порта давно сложились прочные революционные традиции. Здесь в 1887—1891 годах трудился слесарем в торпедной мастерской Иван Васильевич Бабушкин, впоследствии — один из лучших учеников В. И. Ленина. В 1899

году в торпедной мастерской началась трудовая и революционная деятельность Эйно Абрамовича Рахьи — надежного помощника вождя большевиков. В 1903 году он вступил в ряды РСДРП, однако на следующий год его арестовали. В тюрьме морили голодом, избивали, но так и не узнали имен подпольщиков. Его младший брат Иван (Юкко) еще раньше, в 1902 году, вступил в партию, активно вел революционную работу в Кронштадте вплоть до октября 1905 года, когда он, спасаясь от ареста, уехал в Финляндию.

Начало русско-японской войны в широких слоях населения вызвало интерес к политике. Как вспоминал рабочий столярной мастерской Кронштадтского порта М. В. Григорьев, даже извозчики, сидя на козлах, читали оставленную барином газету. Революционеры использовали этот интерес, действуя внутри гапоновского «Общества русских фабрично-заводских рабочих». Оно пользовалось благосклонностью правительства, в его помещениях пролетарии могли собираться вполне легально. Здесь-то с ними тайком и беседовали большевики. Григорьев не раз приносил с гапоновских сборищ революционные листовки, переписывал их печатными буквами и раздавал рабочим и матросам.

Чудовищная расправа над мирной демонстрацией питерского пролетариата 9 января 1905 года потрясла кронштадтцев. Рабочие Пароходного завода забастовали. Матросы тоже сказали свое слово. Правительство намеревалось отправить их на подавление восстания в столице. Но команды флотских экипажей твердо отказались выступать против своих братьев. Однако основная масса солдат еще оставалась слепым орудием в руках самодержавия. 10 января, когда толпа рабочих Пароходного завода, остановив станки, гневно гудела на заводском дворе, комендант крепости вызвал к воротам войска с артиллерией. Под угрозой кровопролития забастовку пришлось прекратить. Но кронштадт-

ские пролетарии собрали большую сумму денег в поддержку бастующих рабочих Петербурга.

Подпольная работа в Кронштадте пошла энергичнее. Здесь, в соответствии с резолюцией III съезда РСДРП, была создана единая военная партийная организация. Постепенно в нее вошли представители почти всех частей гарнизона. Первое время направлял работу организации посланец Петербургского комитета РСДРП Арсений Коптюх. Кроме него действовали товарищи, известные только по подпольным кличкам: «Татьяна», «Леонид», «Виктор», а также местные жители, студенты Павел Токмачев и Алексей Носков.

В нелегальных кружках читали революционную литературу, изучали теорию марксизма. Для конспиративных встреч с матросами и солдатами широко использовались квартиры местных жителей. У рабочего портовых мастерских И. Н. Мелешина стали бывать матросы 19-го экипажа. Большевик Мелешин просто и доходчиво объяснял своим новым друзьям азбуку марксизма, читал им ленинскую газету «Вперед», снабжал литературой.

Такая же работа велась на других рабочих квартирах города, в казармах и на кораблях. В результате уже в апреле большевикам удалось провести первый объединенный митинг рабочих, матросов и солдат Кронштадта в районе Лисьего Носа. Все симпатии участников этого митинга оказались на стороне ленинцев. Оратору-меньшевику просто не дали говорить.

Огромное революционизирующее влияние на рабочих, матросов и солдат оказало известие о трагической гибели русского флота в Цусимском сражении 14—15 мая 1905 года. Из 38 кораблей, посланных с Балтики, был потоплен 21. В водах Корейского пролива погибло более пяти тысяч балтийских моряков, в том числе много кронштадтцев. «Великая армада, — такая же громадная, такая же громоздкая, нелепая, бессильная, чу-

довишная, как вся Российская империя», перестала существовать. В. И. Ленин, которому принадлежит это образное сравнение, писал: «Перед нами не только военное поражение, а полный военный крах самодержавия». Царское правительство просчиталось вдвойне: в войне с Японией оно не осуществило своих захватнических планов, а вместо политической стабилизации наступила революция.

Возбуждение вызвало в Кронштадте восстание на эскадренном броненосце «Князь Потемкин Таврический». 17 июня 1905 года, когда революционный корабль бороздил воды Черного моря под красным флагом, забастовали грузчики Кронштадтского порта. Их требования повысить заработную плату и сократить рабочий день удовлетворили, но грузчики в знак солидарности с потемкинцами и бастовавшими рабочими Одессы несколько дней не выходили на работу. Почти одновременно восстали матросы флотских экипажей в Либаве — совсем рядом, на Балтике. На эти события ответили волнениями моряки броненосца «Александр II», стоявшего в Кронштадте. Десять зачинщиков были арестованы. Все это наэлектризовывало обстановку на Котлине. Шел быстрый, хотя и сложный процесс революционизирования рабочих, матросских и солдатских масс.

Работу кронштадтских большевиков затрудняли эсеры. До 1905 года они не имели здесь ни организации, ни заметного влияния, однако во время первой русской революции сумели привлечь на свою сторону многих, в особенности выходцев из деревни. Широковещательные демократические лозунги, в первую очередь утопическое требование «социализации земли», делали свое дело. Недавние крестьяне видели в этом осуществление своей мечты. Эсеровские призывы к немедленному выступлению находили сочувствие среди озлобленных, люто ненавидевших царский произвол, но по-

литически незрелых людей. Большевикам пришлось бороться на два фронта, а это было исключительно трудно из-за недостатка сил, постоянных арестов.

В таких условиях любой повод мог привести в Кронштадте к стихийному выступлению, неподготовленному, заранее обреченному на неудачу. Это показали волнения в матросских казармах, вызванные плохим питанием. 9 июля 1905 года на глазах коменданта крепости матросы разбили котлы с пищей и стекла в окнах, затем разгромили казарму. Главный командир Кронштадтского порта адмирал Никонов и его помощники смогли успокоить матросов только обещанием удовлетворить их требования и наказать виновных в плохом питании.

Разумеется, тупой, бездарный служака Никонов и не думал выполнять свои обещания. Все усилия он направил на то, чтобы рассеять надвигающуюся бурю испытанными способами. На кораблях усилились наблюдения, слежка, подкуп, сыск. В казармах то и дело устраивали обыски, переворачивали и распарывали тюфяки, заглядывали во все углы, отыскивали нелегальную литературу. Снова участились аресты.

17 июля полиция схватила организаторов и многих участников массового митинга, состоявшегося в тот день за городом. В руки властей попали известный революционер В. А. Антонов-Овсеенко, его жена А. М. Василевская, студент Горного института И. Ф. Эйсурович, агитаторы Никитенко и Шевердун-Максименко, прибывшие из Петербурга. Антонова-Овсеенко держали в Кронштадтской следственной тюрьме больше трех месяцев. Лишились свободы некоторые матросы 4-го и 7-го флотских экипажей, солдаты гарнизона.

На их место стали новые бойцы. В состав гарнизона влились запасные с заводов морского ведомства, артиллеристы из крепостей Варшавского и Одесского округов. В Кронштадт прибыли 140 человек из петербург-

ских флотских экипажей, высланные за «политическую неблагонадежность», матросы Каспийского экипажа, участвовавшие в революционных выступлениях.

Силы подпольщиков умножились. И все же основная масса «нижних чинов», явно показывавшая недовольство своим положением, нетерпение и готовность выступить, не отличалась высокой сознательностью. Это заметно влияло на течение революционных процессов. На Котлине назревали драматические события.

ПУЛЯМИ ПРОНЗЕННЫЕ

В тот день, 18 октября 1905 года, на глазах у хозяев города, облеченных властью, нарушился вековой порядок. Произошла массовая демонстрация! Рабочие вместе со своими братьями в шинелях и бушлатах шли с красными флагами и пением революционных песен по Николаевскому проспекту. Впервые «нижние чины» ступали по «господской», запретной для них стороне главной улицы. В руках демонстрантов мелькали листовки Кронштадтской военной организации РСДРП:

«Солдаты! Вы не должны быть слепым орудием в руках царя — врага народа. Рабочий и крестьянин видят в солдате брата!.. Армия — сила, громадная сила, и если армия пристанет к народу — кто его победит?..

Проснитесь же, солдаты, и подымитесь на нашего общего врага...»

Непосредственным поводом для массового выступления стал царский манифест, опубликованный накануне. Этот документ, продиктованный страхом перед ростом революции и наполненный лживыми обещаниями гражданских свобод, буржуазия в Кронштадте, как и во всей России, приняла с ликованием. 17 октября рабочие Пароходного завода услышали в неурочное время звон заводских колоколов — сигнал окончания

смены. Рабочие высыпали за ворота и неожиданно встретили попов с хоругвями, богачей домовладельцев со сворой трактирщиков. Не успев разобраться, рабочие пошли по Песочной улице за верноподданнической процессией. Но на углу Екатерининской встрети-лась колонна гимназистов и их преподавателей. Над ней гремели «Марсельеза» и «Варшавянка». Смешавшаяся демонстрация дошла до Нарвской площади, где находилась гауптвахта, и потребовала освободить арестованных. Комендант обещал сделать это на следующий день.

Однако тем дело не кончилось. Революционно настроенные рабочие вместе с учащейся молодежью направились к зданию гимназии. Здесь звучали свободные речи о положении пролетариата, о враждебной народу политике правительства. После этого рабочие и гимназисты пошли к порту, на Якорную площадь. Над ними реял красный флаг, взятый из Морского манежа. В военно-морском флоте он служил сигналом боевой тревоги, а в руках рабочих, шедших за большевиками, стал символом пролетарской революции. На Якорной площади к рабочим и гимназистам присоединились матросы.

До позднего вечера бурлили улицы Кронштадта. 17 и 18 октября в нескольких местах происходили стычки с черносотенцами, которые сбивали шапки с людей, не снимавших их перед портретами царя, пытались ловить поодиночке и избивать демонстрантов, шедших под красным флагом. В свою очередь рабочие, возмущенные обманым манифестом, принудили старых мастеровых остановить станки и выйти на улицу, бросали в них болтами и коксом. А мастера малярного цеха, доносчика и подхалима, вывезли на тачке за ворота, облили краской и опрокинули в канал. Больше этот прислужник начальства на заводе не показывался.

Два этих бурных дня показали, что стихийное дви-

жение кронштадтских рабочих и матросов необходимо возглавить. Правда, партия большевиков, готовя всероссийское вооруженное восстание, отводила значительную роль Кронштадту. Но события на Котлине стали опережать план подготовки восстания. Поэтому, несмотря на повсеместную нехватку руководящих работников, Центральный Комитет РСДРП срочно направил туда члена ЦК, опытного организатора, блестящего оратора Иосифа Федоровича Дубровинского (партийный псевдоним — «Иннокентий»).

Дубровинский прибыл на Котлин 23 октября, в день заранее назначенного митинга. Квартира в доме на Павловской улице, где он поселился, стала штабом. В первой половине дня Иосиф Федорович провел совещание военной организации большевиков совместно с представителями команд и частей гарнизона. Обсудили план восстания. Начать его наметили 30 октября или в первых числах ноября, не раньше. Дубровинский настойчиво предупреждал кронштадтцев, что нельзя допустить преждевременных и разрозненных выступлений. План восстания еще предстояло уточнить, согласовать его с Центральным и Петербургским комитетами партии.

Около трех часов дня начался митинг на Якорной площади. Несмотря на дождь и густой туман, площадь запрудила плотная толпа матросов, солдат, рабочих Пароходного завода и порта, учащихся. На этом первом в истории Кронштадта многотысячном митинге прозвучали гневные рассказы о каторжной службе, об издевательствах и полуголодном пайке. И остальные, все это испытавшие сами, слушая такие речи, проникались сознанием: дальше терпеть нельзя! Особенно яркое впечатление произвела на всех речь Дубровинского — вдохновенная, горячая, уверенная. Он призвал рабочих, матросов и солдат к свержению кровавого самодержавия, а в заключение сказал:

— Революционное сознание у вас есть, корабли, пушки, пулеметы и винтовки у вас тоже есть, а потому да здравствует всеобщее вооруженное восстание!

Участники выдвинули требования царю — о неприкосновенности личности, действительной свободе слова, уничтожении сословий, о положении матросов, которые должны стать равноправными гражданами.

Аналогичную резолюцию на следующий день приняли артиллеристы и пехотинцы гарнизона, которых накануне не выпустили из казарм, чтобы пресечь их общение с матросами и рабочими.

В тот же день матросы и солдаты, как было условлено, предъявили свои требования командирам. Вице-адмирал Никонов объезжал части и корабли и хмуро выслушивал претензии «нижних чинов». Требования, принятые на митингах, он по сути дела отклонил, заявив, что в материальном положении разберется особая комиссия. А что касается равенства прав и гражданских свобод, то, ответил он, «массы, составляющие войска, настолько еще необразованны и невоспитанны, что просимые льготы не могут быть предоставлены».

Такой ответ еще больше накалил атмосферу. Утром 25 октября началось брожение среди артиллеристов на форту Константин. Солдаты отказались принимать плохую пищу, демонстративно опрокинули котлы с супом. На форт прибыл комендант крепости генерал-лейтенант Беляев. Увидев его, артиллеристы стали кричать: «Довольно, натерпелись!», «Убить шкуру!» Комендант поспешно удалился.

Утром 26 октября Никонов телеграфировал в столицу: «Рассчитывать на войска и матросов не могу. В случае возникновения серьезных беспорядков город и порт могут оказаться в безвыходном положении, а поэтому необходимо прибытие надежных войск».

В эти же часы начали разворачиваться события, подтвердившие опасения военного губернатора. Солда-

ты 2-й роты 2-го батальона крепостной пехоты отказались выполнять приказ командира, стали митинговать. Их взяли под стражу. По приказу коменданта крепости 52 арестованных посадили в поезд и отправили по крепостной железной дороге на отдаленный форт Павел. Эта весть моментально распространилась по городу. Несколько сотен матросов и артиллеристов бросились наперерез поезду. На разъезде против Высокой улицы они окружили поезд и, потрясая булыжниками, потребовали освободить арестованных. В ответ начальник конвоя капитан Шлехтер, по прозвищу «бешеный немец», открыл огонь из пистолета, убил матроса Свиридова, двоих ранил.

Это случилось около 6 часов вечера. Через час в городе бушевало восстание. Убийство привело в ярость революционных матросов и солдат. Они разбивали цейхгаузы, хватали винтовки, рвались в бой. Поднялась огромная сила, способная взять в свои руки всю крепость, овладеть городом. Среди обывателей началась паника. Купцы, чиновники, местные богачи, давя друг друга, осаждали пароходы. Бежали и прятались куда попало офицеры.

На Котлин уже спустились ранние осенние сумерки. Отовсюду слышались выстрелы, крики, топот. Убедившись, что восстание предотвратить невозможно, большевики на кратком совещании по предложению Дубровинского решили его поддержать, придать ему организованный характер. Создали штаб, назначили командиров отрядов, дали им задания: прежде всего занять арсенал, штаб крепости и порта, телеграф, разоружить части, не присоединившиеся к восстанию.

Но ввести в берега стихию было уже невозможно. Восставшие захватили несколько фортов, нарушили телеграфно-телефонную связь с Петербургом. Однако форты, способные огнем поддержать восстание, молчали: артиллеристы, находившиеся у орудий, не знали,

что происходит в городе. Попытка занять пехотные казармы не увенчалась успехом. Восставших, у которых не было ни одного пулемета и очень мало патронов, отбросил сильный огонь солдат, покорных своим офицерам. Енисейский пехотный полк, ставший основной опорой властей, теснил революционные части. Отряды восставших расстреляли все патроны, не смогли выполнить своих задач, потеряли связь со штабом и не знали, что делать.

Кроме верных воинских частей у кронштадтского командования оказалась еще одна сила — провокация. Переодетые полицейские вместе с черносотенцами, уголовниками и прочим сбродом начали громить магазины, склады, винные лавки, устраивали поджоги. Горели Татарские ряды, Гостиный двор, частные дома. Этой, по ленинскому выражению, «гнусной проделкой» царские прислужники рассчитывали внести разложение в среду восставших и облегчить себе борьбу с ними. Был еще один далеко идущий план — оклеветать революционных матросов и солдат, обвинить их в хулиганстве, дискредитировать цели их борьбы.

Революционные отряды стали расходиться по казармам, отстреливаясь от наступавших солдат. С небольшой группой товарищей Дубровинский и другие руководители восстания прикрывали отход, а затем дворами ушли на нелегальные квартиры.

Тем временем, не встречая сопротивления, на остров высадились каратели. Начались аресты, обыски, издевательства. Утром 28 октября город был объявлен на военном положении. Комендант крепости получил чрезвычайные полномочия, подкрепленные приказом главнокомандующего войсками Петербургского военного округа великого князя Николая Николаевича сурово расправиться с бунтовщиками. За три дня были арестованы несколько тысяч матросов, около 800 артиллеристов, многие рабочие и другие жители города.

Но как ни старались полицейские и жандармы, им не удалось захватить руководителей восстания.

Переночевав на квартире у надежного портowego рабочего, И. Ф. Дубровинский решил пробраться в Петербург. Артистически изображая пьяного мастерового, он благополучно миновал все заставы и патрули, приехал на пароходе в Петербург. В столице «Иннокентий» вскоре встретился с В. И. Лениным, прибывшим из Швейцарии, чтобы возглавить революцию. Владимир Ильич получил из первых рук сведения о ходе восстания, о причинах его поражения.

А на Котлине реакция торжествовала победу. Арестованными до отказа набили даже бомбовые погреба и трюмы. Узники задыхались в чудовищной духоте и сырости. Воздуха и света было в 6—7 раз меньше, чем по самым суровым тюремным нормам. Прогулок не полагалось, смены белья — тоже. Арестантские помещения стали рассадником насекомых. Начались массовые заболевания трахомой, туберкулезом. Но медицинской помощи узникам не оказывали. От этой пытки многие умерли.

В Кронштадте создали временный военно-полевой суд. Перед ним предстали полторы тысячи матросов и несколько сот солдат. Многих ожидала смертная казнь. Однако Петербургский комитет РСДРП и Совет рабочих депутатов призвали революционный пролетариат столицы в знак солидарности с братьями-кронштадтцами начать с 12 часов 2 ноября всеобщую политическую забастовку. На этот призыв дружно откликнулись рабочие других городов. Стали заводы, поезда, остановились электростанции. Грандиозный размах борьбы устранил царское правительство. Оно вынуждено было объявить, что участников восстания будет судить не военно-полевой, а обычный окружной суд. По этому поводу Петербургский комитет РСДРП писал в листовке: «Не по доброте сердечной отказались па-

лачи от наслаждения пролить кровь сознательных борцов за свободу. Скрежеща зубами, они принуждены уступить организованной силе революционного пролетариата, объединенного под знаменем Российской социал-демократической рабочей партии».

Суд в декабре 1905 года вынес суровые приговоры, но не такие, как намечало правительство до забастовки и волны протестов. Ни одного из осужденных не казнили. 10 матросов отправили на каторгу, 67 — в тюрьму, остальные получили дисциплинарные взыскания, а 84 человека суд вынужден был даже оправдать.

В Кронштадте долгое время сохранялось военное положение и находились карательные войска. Комендантом крепости назначили графа фон Адлерберга, утонченно-жестокое, люто ненавидевшего «чернь». На кораблях и береговых частях винтовки оставили только для караульной службы. «Сыск, доносы, провокации душили кронштадтских рабочих, матросов и солдат, — писал Л. А. Глебов (Ленцнер). — Повсюду были усилены караулы из солдат полков-усмирителей, по улицам в ночное время разъезжали конные казачьи патрули. Кронштадт был наводнен специально присланными войсками».

При въезде в город стража осматривала каждого прибывшего. Тех, кто не вызывал доверия, тщательно обыскивали. Увольнения в Петербург разрешались только в самых исключительных случаях, причем о каждом из них сообщалось накануне в штаб порта. Летом по воскресеньям и праздникам на пристанях дежурили офицер и боевая полурота. У каждой билетной кассы стояли часовые и проверяли билеты. «Таким образом, — доносил в Главный морской штаб командующий Балтийским флотом, — можно считать, что со стороны морского начальства приняты все меры к тому, чтобы нижние чины не могли быть участниками ми-

тингов... где бы то ни было, и трудно предположить, чтобы они могли попадать за пределы Кронштадта каким-либо иным путем, кроме пароходов, на которых ведется строгий контроль».

В Кронштадт перевели около 600 «неблагонадежных» матросов с Каспия и Черного моря, а взамен послали туда кронштадтцев. Правительство рассчитывало нарушить подпольные связи, ослабить политическую активность людей, попавших в новую обстановку.

Однако все эти меры дали лишь временный эффект. Революция продолжалась. Партия большевиков верила в ее победу, готовила новые народные выступления. В. И. Ленин, живший нелегально то в Петербурге, то в Финляндии, руководил ходом борьбы. Партия придавала особое значение тому, чтобы направить в русло революции могучие силы кронштадтского гарнизона.

В декабре 1905 года на Котлине появился 24-летний пышноволосяй человек в студенческой шинели. Константин Сигизмундович Жерновецкий учился на историко-филологическом факультете столичного университета. К тому времени он уже зарекомендовал себя как стойкий революционер, знающий марксист, умелый конспиратор, в 1905 году вошел в состав ПК РСДРП. В 1906 году из окружной (то есть губернской) большевистской организации выделилась в самостоятельную Кронштадтская организация, как наиболее важная в Петербургской губернии. Во главе ее и стал К. С. Жерновецкий, известный среди подпольщиков под кличками «Олег» и «Пан».

Через полгода приехал в Кронштадт еще один талантливый агитатор и организатор — Дмитрий Захарович Мануильский. Этот юноша в 22 года уже имел за плечами большой опыт революционной борьбы. «Митька» или «Фома», как называли его в Кронштадте, пользовался огромным авторитетом среди матросов, покорял слушателей на массовых митингах и тайных со-

браниях яркими, убежденными речами и украинским юмором.

Третий студент Петербургского университета, большевик Павел Токмачев, он же «Сидор», был местным жителем. Его домик на Розовой улице, 4, подпольщики превратили в штаб созданной в ноябре 1905 года «организационной комиссии». В нее кроме П. М. Токмачева вошли рабочие Михаил Лапшин, Василий Стенин, студенты Гуров, Берендсон, Остряков, учитель Сергей Колынин и гимназист выпускного класса Александр Судьбинин. Основной целью организации была революционная агитация среди рабочих Пароходного завода. Каждый член «комиссии» возглавлял пятерку рабочих, те в свою очередь были связаны с товарищами в большинстве цехов и мастерских. Организация имела гектограф, размножала прокламации — свои и присылаемые из Петербурга. Листовки вечерами передавались рабочим и матросам на Северном бульваре, Павловской и других малолюдных улицах или подбрасывались через заборы флотских казарм.

Летом и осенью 1905 года на Пароходном заводе и в мастерских порта, как и всюду в России, начали возникать профсоюзные организации. Толчком к объединению послужил сбор средств для бастующих рабочих Петербурга. Деревообделочники Кронштадта собрали более 200 рублей и делегировали столяра М. В. Григорьева на собрание деревообделочников в Петербург. Оно состоялось 26 декабря. Григорьев привез на Котлин кипу листовок и богатые впечатления о действиях товарищей в столице. Однако 3 января его арестовали вместе с другими активными работниками профсоюза.

Охранка напала на след «организационной комиссии». Один из ее руководителей — Д. Д. Гуров, возвращаясь вечером домой, повстречался с группой околоточных надзирателей и случайно услышал отрывок разговора: «обыск... Лапшин...» Гуров бросился на квар-

тиру. Там его уже поджидала сестра рабочего Михаила Лапшина. Она подтвердила слова полицейских: в их доме шел обыск. Гуров немедленно бросил в печь рукописи, а революционную литературу дал своей сестре и попросил спрятать ее у знакомых. У ворот девушка столкнулась с жандармами, но они пропустили хорошо одетую барышню, ничего не заподозрив. Сестра Лапшина успела предупредить и других руководителей организации. Они уничтожили следы, даже утопили в канале гектограф. Улик против подпольщиков у царских ищеек не было. Тем не менее они получили суровые наказания: по 3—4 года заключения в крепости. Причина провала раскрылась для них только в 1927 году, когда был изобличен и расстрелян провокатор Судьбинин.

Охранке не удалось полностью дезорганизовать работу. Ушел от ареста Павел Токмачев. Уцелело большинство рабочих пятерок, так как их знал только руководитель каждой группы. В феврале 1906 года выпустили под гласный надзор Михаила Григорьева и его товарищей. Обретя свободу, они немедленно возобновили революционную деятельность. В порт их не приняли. Тогда Григорьев при поддержке большевиков открыл собственную кустарную мастерскую. Она стала одной из основных явочных квартир в Кронштадте. Почти ежевечерне собирались небольшие группы рабочих у сапожника Василия Зайцева на Новой улице, у Нахалова на Бочарной, у Никитина на Песочной. В доме Дурдина на Петровской улице, где жил рабочий Кликович, часто вел занятия по марксизму Мануильский. Еще чаще он бывал на Павловской, 10. Этот дом стал штабом подготовки восстания в Кронштадте.

Не только в квартирах, но и прямо в мастерских и цехах рабочие все смелее стали обсуждать наболевшие вопросы, читали большевистские прокламации, газеты, брошюры. Очень много революционной литературы по-

ступало на деловой двор, в электромеханическую мастерскую. Ее коллектив в основном состоял из молодых грамотных рабочих высокой квалификации. Они целиком шли за своими товарищами-большевиками Домбровским, Оленевым, Шарковским.

Первое кронштадтское восстание застало рабочих врасплох, они в нем по существу не участвовали. Теперь планомерно готовились к вооруженной борьбе. Их боевые дружины запасались револьверами, ездили в лес под Ораниенбаумом и Лисьим Носом, практиковались в стрельбе.

Кронштадтцы сохраняли и укрепляли связи с питерскими рабочими. Этому способствовали командировки специалистов судостроительных заводов Петербурга на Котлин. Осенью 1905 года они даже провели совместную забастовку. Началась она по непредвиденному поводу. Один из рабочих, ремонтировавших корабль «Дон», нечаянно наступил на ногу офицеру. Тот ударил виновного по лицу. Рабочие Балтийского и Пароходного заводов, занятые на ремонте, забастовали. 8 дней они не приступали к работе, несмотря на то, что у стенки гавани возле корабля стояли рядами вооруженные солдаты и жандармы. На девятый день по приказу коменданта рабочих Балтийского завода под страхом расстрела выдворили из Кронштадта.

Еще одну забастовку, однодневную, успешно провели портовики. Они потребовали убрать из города сотню донских казаков, которых здесь держали как надежную опору порядка. И власти вынуждены были уступить.

Набирало силу и подполье в матросской и солдатской среде. Активно действовала организация в центральной морской телефонной станции, созданная Токмачевым еще в ноябре 1905 года. Во главе ее стоял писарь П. И. Леушев, бывший питерский рабочий. Телефонисты имели право свободного входа в расположе-

ние любой воинской части Кронштадта. Это помогло централизовать руководство и объединить усилия многих революционных групп.

Вскоре большевистская организация выросла настолько, что ее решили разделить на две, рабочую и военную. Так поступали тогда во многих городах. Но организации действовали в тесном контакте. Кронштадтские большевики-военнослужащие имели хорошую связь со своими товарищами в столице. К лету 1906 года их организация насчитывала 200 человек. Правда, по настоянию масс с 25 апреля она стала координировать свои действия с эсерами. Матросы и солдаты не очень-то разбирались в различиях партийных программ. Им было достаточно, что обе партии выступают за восстание. Руководители договорились не допускать на митингах резких пререканий, распространять литературу обеих партий и совместно вести организационную работу. Создали общее техническое бюро, затем на гарнизонном собрании избрали единый комитет, по пять человек от каждой партии. Такое сотрудничество могло бы принести пользу делу. Однако основную роль в организации стали играть эсеры. Они прислали на Котлин несколько работников из Петербурга. Большевики столицы, ослабленные арестами, сделать этого не смогли. Их контакты с кронштадтцами прервались.

Это опасное положение стало чувствоваться не сразу. Весной и в начале лета 1906 года в Кронштадте ощущался в первую очередь небывалый революционный размах. Один за другим проходили многолюдные митинги в Мартышкине, в Борках, в Лисьем Носу. На первом же из них решили устроить кассу в помощь безработным. 11 выборных направились с этим требованием к военному губернатору Кронштадта Никонову. Он выслушал горячую речь рабочего мачтовой мастерской Сергея Балбетова и разрешил устроить собрание в Морском манеже для выборов правления кассы. «До-

брота» губернатора объяснялась просто: по всей стране вспыхивали восстания. В условиях революции властям приходилось маневрировать.

Впервые сотни кронштадтских рабочих собрались легально в одном из самых просторных помещений города, чтобы обсудить свое положение. Один за другим поднимались над толпой ораторы: Домбровский из электромеханической мастерской, Нютилаинен из артиллерийской, Пяташко от безработных... На собрании, объявленный представителем плотников, выступил Мануильский. Ораторы говорили о кассе вскользь, пафосом их выступлений было общее положение рабочего класса. И жандармскому полковнику Котляру приходилось все это слушать и терпеть. Он подал свой голос лишь однажды, когда решался вопрос о денежном фонде кассы. Начальник кронштадтской охраны выразил желание вступить в члены кассы и предложил свой взнос — сто рублей. Тут же жандарм получил гневный отпор Мануильского:

— Наша касса создается только для рабочих, и людей с грязными лапами мы в нее не допустим!

Слова большевика утонули в одобрительном гуле собрания.

Мануильский участвовал в каждом заседании правления кассы. Правда, здесь же присутствовал и надсмотрщик — чиновник порта. Но ему было невдомек, что в соседней комнате в это же время большевики обсуждают совсем другие вопросы.

В Лисий Нос ездили сначала таясь, соблюдая правила конспирации. Потом осмелели. Каждый выходной от кронштадтского причала отваливали несколько пароходов, и на раздолье вод гремели революционные песни. Митинги проходили теперь под охраной вооруженных рабочих-дружинников. Полиция уже не разгоняла, не избивала собравшихся, а вступала с ними в переговоры.

О размахе революционной работы в Кронштадте говорит секретная записка петербургской охраны:

«Из последнего отчета о пропаганде в войсках кронштадтского гарнизона видно, что революционная пропаганда в войсках идет настолько успешно, что 50 процентов из числа воинских нижних чинов признаются «сознательными», то есть революционерами. В экипажах процент сознательных доходит до 80 процентов...

Митинги устраиваются большею частью в казармах и притом почти ежедневно...

В экипажах в день митингов расклеиваются с утра объявления, приглашающие «товарищей» собраться на митинг. Такие объявления красуются в течение дня на глазах начальства...

Нижние чины достаточно снабжены революционной литературой...

Все митинги проводятся в критике правительства...»

Заслуживает внимания заключительный пункт этого документа: «Происходящие в последнее время вспышки в среде матросов на экономической почве удерживаются революционерами, дабы сохранить силы в нужную минуту». Большевики действительно принимали все меры к тому, чтобы не повторить прошлогодней трагической ошибки, не позволить стихийному возмущению захлестнуть Кронштадт. Еще в апреле Мануильский, Жерновецкий и их товарищи убедились, что новое вооруженное восстание в Кронштадте возможно. «Опасаясь сорвать такое огромное дело, я полагал, что необходимо наладить возможно тесную связь с Петербургским комитетом нашей партии и даже с ЦК», — писал К. С. Жерновецкий.

Но момент для взрыва еще не назрел. Агитационную деятельность следовало подкрепить организационной и технической. Большевики еще не имели прочных связей с командами многих кораблей, с солдатами и

матросами нового призыва. Наибольшую тревогу вызывали слабые контакты с крепостной пехотой, и особенно — с солдатами 94-го Енисейского полка. В его казармах находились пулеметы, винтовки, патроны. Революционеры же испытывали острый недостаток оружия. От того, с кем пойдут енисейцы, зависело очень многое.

Эсеры уверяли, что пользуются в Енисейском полку полнейшим авторитетом и без всяких сомнений приведут его на сторону восставших. Однако заверения эсеров стоили немного. Их вожаки пренебрежительно относились к детальной разработке плана восстания, считали, что все решит успех внезапного нападения и строгая тайна, которая поможет застать защитников самодержавия врасплох. Но именно из их среды правительство получало обстоятельную информацию о революционных организациях Кронштадта. Член эсеровского центрального комитета и руководитель боевой организации Евно Азеф был впоследствии разоблачен как матерый провокатор. На его совести — десятки предательств, кровь и муки многих честных революционеров. В его руках находились и нити готовившегося восстания.

Охранке удалось заслать провокатора и в большевистскую военную организацию Кронштадта. Некто Лорберг открыл сапожную мастерскую, служившую явочной квартирой. Все, что говорилось на тайных встречах, хозяин мастерской передавал жандармам.

О том, что кронштадтские власти и их петербургские начальники были хорошо осведомлены, говорят документы. Начальник охранного отделения сообщил в конце мая в департамент полиции, что войска в Кронштадте в ближайшее время поднимут вооруженное восстание. Петербургский градоначальник извещал министра внутренних дел: «По сведениям из Кронштадта, должен произойти взрыв, который, согласно проектам

революционеров, будет служить сигналом для всеобщего возмущения в Петербурге».

Имея столь важные данные, правительство приняло свои меры. 25 мая были арестованы Жерновецкий и несколько других активных работников подполья. В ночь на 9 июля охранка схватила почти весь актив военной и рабочей организаций — около 60 большевиков. Матросская масса по существу лишилась руководства. Но центральные и местные власти оказались бессильными перед решимостью тысяч людей выйти на новый бой с ненавистным строем. Сильно поредевшая большевистская организация Кронштадта была не в состоянии сдержать стихийный порыв революционной ярости. На какое-то непродолжительное, но роковое время хозяевами положения оказались эсеры. Поняв это, они начали действовать.

В июле в Гельсингфорсе собрались представители двух партий. На этом совещании эсеры объявили, что Кронштадт готов к восстанию, требуется лишь поддержка Свеаборга. Большевики категорически опровергли это легкомысленное заявление и отказались участвовать в аванюре. К единодушию так и не пришли. Договорились только готовить восстание силами обеих организаций и не поднимать его без извещения друг друга о готовности. Но практически эсеры упрямо вели преступный курс на немедленное выступление.

В ночь на 18 июля 1906 года восстал Свеаборг. Днем на вымышленное имя Вильгельмины Гельмс в Кронштадт пришла телеграмма: «Отец болен. Нужны деньги. Александров». План сразу же нарушился: сначала должна была прийти зашифрованная телеграмма «Отец здоров», но ее так и не дождались. А поступившее сообщение означало, что вместе со свеаборжцами восстали команды броненосцев «Слава», «Цесаревич» и крейсера «Богатырь», что революционная эскадра идет к Котли-

ну. На самом деле эти корабли, на мощь которых так надеялись эсеры, в то самое время громили из тяжелых орудий восставшую крепость...

А в Кронштадте утром 19 июля состоялось гарнизонное собрание представителей воинских частей. Только на нем эсеры сообщили об условном сигнале из Свеаборга и заявили большевикам: «Присоединяйтесь к нам, иначе начнем одни». Большевики высказались решительно против.

— Если действительно вспыхнет Россия, тогда, но только тогда мы присоединимся, — страстно говорил Мануильский. — Надо сначала создать общероссийский центр для руководства восстанием, и тогда в общем движении найдется место и Кронштадту.

Однако эсеры не хотели слушать разумных доводов. Их вожак Михалевич огласил план действий, только что доставленный из Петербурга. По этому плану минерам предлагалось захватить форт Константин и в 11 часов вечера дать сигнал — 4 холостых выстрела из орудий. Экипажи 1-й дивизии должны были под командованием члена Государственной думы трудовика Ф. Онипко занять Морской арсенал, почту, телеграф, банк, комендантское управление, полицейские участки. На 2-ю дивизию во главе с матросом-эсером Н. Егоровым возлагалась задача овладеть фортами. Оружие эсеры намеревались получить в Енисейском полку. Поднять солдат предполагалось с помощью 400 матросов, которые содержались в арестном помещении возле казарм полка и охранялись караулом енисейцев. Один из надзирателей этой тюрьмы эсер Петрушкевич уверял, что он договорился с караульными об освобождении моряков.

Внешне эсеровский план выглядел убедительно. Призыв к решительным действиям упал на подготовленную почву. Ведь у тысяч матросов на устах было одно слово: Свеаборг. Их товарищи бились с самодер-

жавием, как же могли кронштадтцы остаться в стороне!

Убедившись, что эсеры твердо намерены выступить, что восстание не предотвратить, большевики Кронштадта с санкции Центрального и Петербургского комитетов партии решили идти в бой с массами, возглавить их. К ним на помощь в тот же день прибыли из столицы члены Военной организации ЦК РСДРП горный инженер Ф. В. Гусаров и военный врач А. П. Малоземов.

Большевики делали все возможное, чтобы обеспечить успех восстания. Но до его начала оставалось лишь несколько часов. Позже в листовке исполнительного комитета Кронштадтской военной организации РСДРП отмечалось: «...многих матросов мы просто физически не успели известить, другие приняли наши призывы холодно и недоверчиво: ведь ничего не было подготовлено, ведь мы накануне доказывали неразумность такого шага». В результате восстание застало врасплох крепостную пехоту, артиллеристов на фортах, электротехническую роту и другие части, а также большинство рабочих, даже активных участников подполья.

Большевики разошлись по воинским частям, на месте додумывали то, что было упущено в плане. Токмачев стремился обеспечить оружием рабочую дружину и направился для этого в штаб эсеров — ведь они уверяли, что за винтовками и патронами дело не станет. «Впечатление от штаба эсеров было гнетущее, — рассказывал он в тюрьме Жерновецкому, — какие-то мальчишки, не отдающие отчета в событиях и не разбирающиеся в своих же диспозициях...»

Между тем подошел условленный час. С каким нетерпением ждали его тысячи матросов и солдат! Внешне казармы выглядели обычно: стояла полная тишина, люди лежали на койках. Но почти никто не спал. Бойцы революционных отрядов легли под одеяла в

одежде и обуви. Все напряженно ждали. «Окна нашей казармы, — писал Л. А. Глебов (Ленцнер), — были открыты, и мы чутко прислушивались к бою склянок на кораблях, с волнением ожидая условных выстрелов из пушки. Время тянулось томительно долго. Вдруг ночную тишину разорвал пушечный выстрел. Не ожидая остальных двух (по другим данным — трех. — Г. П.) выстрелов, все повскакивали с коек, сорвали с бескозырок белые чехлы, кокарды и ленточки (такова была условленная форма восставших. — Г. П.), запихали их под матрацы и с криками «ура», «долой самодержавие» побежали... на главный экипажный двор».

В этот напряженный момент не могли знать участники восстания, что они останутся безоружными. Предатель Петрушкевич и не думал освобождать арестованных матросов. Эсеровского агитатора схватили при входе в казарму Енисейского полка, солдатам приказали строиться по тревоге. Отказавшихся стрелять арестовали, остальные подчинились приказу. Впоследствии енисейцы в нелегальной газете так объяснили свое положение:

«Матросы теперь очень злы на кронштадтских солдат, что мы не только их не поддержали, но даже умирили. Правда, у нас, в Енисейском полку, много черной сотни, но есть и сознательные, и их большинство в некоторых ротах, так что можно было бы рассчитывать на поддержку. Но беда в том, что о восстании мы ничего не знали, а уже как вывели — шум, стрельба, кого-то убивают; тут трудно вести агитацию... раз началось столкновение, дело кончено — солдат стал как машина, знай щелкает затвором».

Так рухнул главный пункт плана. Теперь временный успех уже не мог спасти восстание от неминуемого поражения. А успехи на первых порах были немалые. Все флотские экипажи выступили организованно и одновременно. Офицеров арестовали, сопротивляв-

шихся уничтожили. Четко действовали солдаты минной роты, находившиеся в лагере на западной части Котлина. Они обезвредили офицеров, овладели артиллерийской батареей Литке, захватили там военный поезд и отправились на нем на форт Константин. Там тоже удалось быстро преодолеть сопротивление офицеров и караула. Над фортом взвился красный флаг.

Но большинство артиллеристов встретило восставших недоверчиво и даже враждебно. Они не знали о восстании, не были к нему готовы. Некоторые из них пытались обезоружить минеров, снимали замки с орудий. Тем не менее верх взял революционный отряд. Минеры потребовали открыть снарядный погреб. Заведующий складом послушно отворил бронированную дверь, сказал «А ну-ка, братцы, подайтесь на минутку», вошел один в помещение и... заперся изнутри. Проникнуть туда было невозможно. Восставшие остались без боеприпасов, и взятие форта оказалось бесполезным. Минеры лишь один раз выстрелили из дежурной пушки. Это и был тот выстрел, который услышали в казармах. Под утро к форту Константин подошла пулеметная рота, затем — полевая артиллерия из Ораниенбаума. Густым огнем, дождем шрапнели верные правительству войска легко подавили отчаянное сопротивление восставших. Форт сдался.

Узнав, что солдаты Енисейского и Финляндского полков, некоторых других частей Кронштадта выступили против революционных сил, эсеровские руководители растерялись, утратили контроль над ходом событий. По существу, они бросили восставших на произвол судьбы. Матросы, которыми командовал Токмачев, захватили Морской арсенал, но нашли там всего сто винтовок без патронов. В это время к арсеналу подошла рота енисейцев и открыла сильный огонь. Матросы отступили, так как им почти нечем было защищаться, и начали бесцельно бродить по городу. Сталкиваясь с пе-

хотой, они убеждали солдат перейти на их сторону. В ответ свистели пули.

Ничего не смогли сделать и боевые дружины. Около 200 рабочих вышли по призыву большевиков на борьбу с самодержавием, но лишь немногие имели оружие и патроны. Рабочие даже не успели собраться вместе, перед ними не была поставлена конкретная задача. Часть дружинников, хорошо подготовленных к уличным боям, была арестована в первые же часы восстания, еще на пути к местам, откуда слышалась перестрелка. Депутат Петроградского Совета литейщик А. Пискарев, прибывший из столицы с рабочей дружиной Московского района на помощь кронштадтцам, вспоминал: «На улицах показались растерянные группы матросов с винтовками и безоружные. Мы спрашивали их, а они — нас: куда идти и что делать? Никто ничего определенного не знал, и узнать было негде...»

Не смогли активно поддержать своих товарищей и команды стоявших на Большом Кронштадтском рейде эскадренного броненосца «Александр II» и учебного судна «Океан». Матросы «Океана» ждали сигнала, чтобы захватить власть на корабле, идти на Малый рейд и огнем орудий не допустить высадки на Котлин карателей. Однако сигнала не последовало. На кораблях слышали стрельбу, видели бой за форт Константин, но выступить без приказа руководителей восстания не решились. Да и офицеры были начеку. Командир корабля приказал спустить на воду баркасы и идти на помощь правительственным войскам. Он повторил приказ трижды, но его никто не выполнил. А матросы «Океана» отказались перехватить катер, отошедший от форта Константин с революционерами на борту. В доке стоял на ремонте крейсер «Громобой». Группа восставших подошла к нему и стала призывать команду присоединиться. Однако матросы крейсера оказались

запертыми в кубриках, на палубе дежурили вооруженные офицеры.

Из всех кораблей Балтийского флота поддержали восстания свеаборжцев и кронштадтцев только на крейсере «Память Азова» — флагманском судне Учебно-артиллерийского отряда. Летом 1906 года, в период учебных стрельб, корабли отряда находились в разных точках Финского залива, в основном — в бухте Папон-Вик, в 60 километрах восточнее Ревеля. 19 июля туда приехал переодетый в матросскую форму Арсений Коптюх — давно известный кронштадтцам, опытный в свои 20 лет партийный работник. Во время частых конспиративных встреч в Кронштадте он подружился с Нефедом Лобединым, артиллерийским квартирмейстером крейсера «Память Азова». Лобедин создал на корабле крупную большевистскую организацию. Теперь в ее силах было повлиять на ход революционных событий.

Коптюх проник на крейсер и принес товарищам весть о восстании в Свеаборге. Поздно вечером в маларном отсеке корабля началось заседание судового комитета. Пока подпольщики обсуждали план своих действий, старшему офицеру крейсера донесли, что на борту находится посторонний. Коптюха стали искать и схватили. Могли арестовать и других большевиков. Лобедин распорядился выключить электричество. В темноте матросы вооружились и в перестрелке с офицерами победили. Часть оказавших сопротивление была перебита, остальные арестованы. На матросском собрании избрали комитет для управления кораблем. Командовать крейсером стал Лобедин. Под торжественные звуки горна на фок-мачте взвился красный флаг — первый флаг революции над кораблем Балтийского флота!

Революционный флагман попытался присоединить к восстанию другие суда учебного отряда, но из этого

ничего не вышло. Командиры минных крейсеров «Абрек», «Воевода» и миноносца «Ретивый» выбросили свои корабли на берег, а на миноносце «Послушный» открыли кингстоны. В каждой из этих команд насчитывалось немало революционно настроенных матросов, но они ничего не успели сделать. В этом сказалась общая неподготовленность восстания.

Комитет решил повести «Память Азова» в Ревель, чтобы поднять рабочих города и команду учебного судна «Рига». Однако на самом корабле было неспокойно. Многие молодые матросы переменного состава, ученики Артиллерийской школы пали духом, увидев, что крейсер остался один. Среди команды вели разлагающую агитацию кондуктора. Когда корабль вечером 20 июля отдал якорь на Ревельском рейде, Лобadin командовал: «Кондуктора, наверх», рассчитывая их арестовать. Но кондуктора и склонившиеся на их сторону новобранцы выбежали на верхнюю палубу вооруженными. Они освободили арестованных офицеров. Произошла кровопролитная схватка. Численное превосходство было на стороне контрреволюционных мятежников. Они и одержали верх. Тяжело раненный Нефед Лобadin застрелился. Арсений Коптюх бросился за борт и пытался спастись вплавь, но его поймали. Вместе с ним в тюрьмы Ревеля бросили 225 участников восстания.

А восстание в Кронштадте, начавшееся в момент подавления сваеборжцев, было разгромлено еще к утру 20 июля. Оно носило ярко выраженный политический характер, было более массовым, чем первое. На этот раз правительству не удалось повторить провокационного черносотенного погрома. И все же второе кронштадтское восстание было, как и другие вооруженные выступления солдат и матросов периода первой русской революции, обречено на поражение. Ха-

ракторные недостатки всех этих выступлений — организационная слабость, отсутствие четкого плана, согласованности, единого руководства, решительности — в полной мере проявились в событиях на Котлине.

Над участниками восстания немедленно началась свирепая расправа. Были арестованы 300 минеров — почти вся рота, около 3000 матросов, более 80 рабочих, студентов и других гражданских лиц. Аресты часто сопровождались избиениями. Канцелярии экипажей превратились в застенки. После допросов многих приносили в казармы без сознания. Карателей, ретивых слуг самодержавия, уже не сдерживал страх перед мощью народного движения. Они спешили отомстить революционерам, дали полную волю террору, жестокости, произволу.

В 8 часов утра 20 июля военно-полевой суд отправился на косу, где содержались минеры, арестованные на форту Константин. Беглым опросом судьи определили «зачинщиков» и без промедления вынесли смертные приговоры семерым революционерам: Михаилу Алексееву, Ивану Бакланову, Михаилу Весселе, Вениамину Козакову, Михаилу Озерову, Оскару Пурвину и Алексею Якушеву. Тут же приговор привели в исполнение. Казнь руководил сам комендант крепости генерал Адлерберг. Он заставил осужденных рыть себе могилы, издевался над ними, злорадствовал:

— Копайте, ребята! Копайте, копайте! Вы хотели земли, так вот вам земля, а волю найдете на небесах...

Трупы расстрелянных сразу же зарыли, могилы сравнивали с землей, провели по ним церемониальным маршем войска и арестованных.

Злобная мстительность руководила властями при расправе над матросами крейсера «Память Азова». «Наказали» и сам крейсер: его лишили гвардейского звания и георгиевского флага, которые он носил в честь

своего далекого предшественника — корабля «Азов» за его подвиг в сражении при Наварине в 1827 году. Крейсер лишили и славного имени — назвали «Двиной». Участников восстания судила особая комиссия из морских офицеров. Десятки матросов она приговорила к каторжным работам, тюремному заключению, переводу в дисциплинарные батальоны. Арсения Коптюха и 17 моряков расстреляли утром 5 августа в саду под окнами генерал-губернатора Ревеля.

В тот же день в Кронштадте объявили приговор минерам и саперам. Десятерых приговорили к расстрелу. Вместе с солдатами казнили гражданских участников восстания: студента Арама Тер-Мкртчянца, крестьянина Порфирия Конакова и колпинского рабочего Константина Иванова. В сентябре судили первую, самую крупную группу матросов — 760 человек. Столько обвиняемых вместило только самое просторное здание города — сарай Минной школы. Суд решил расстрелять 19 моряков. Тела казненных зашили в мешки и утопили возле Толбухина маяка.

За время восстания с обеих сторон было убито 9 человек и ранено 20. Такое количество жертв среди тысяч участников событий объясняется тем, что перестрелка происходила ночью, а также нежеланием солдат проливать кровь своих товарищей: многие нарочно стреляли мимо. За участие в восстании были казнены 36, отправлены на каторгу более 200, брошены в тюрьмы и исправительно-арестантские отделения свыше 1000 человек.

Но еще в те дни, когда правительство упивалось своей кровавой победой, оставшиеся на свободе борцы подхватили красное знамя, выпавшее из рук товарищей. Палачи, стремившиеся жестокими репрессиями уничтожить революционное движение в Кронштадте, просчитались.

В Кронштадте властвовала реакция. Большевики перешли на нелегальное положение. Но в маленьком городе было трудно избежать ареста — всюду шли поквартирные обыски, полиция и карательные войска вместе с охранкой прочесывали дом за домом.

Из города, оцепленного пехотой, без паспорта не выпускали ни одного человека. Но большевики сумели переправить в Петербург десятки матросов, которым грозила неминуемая смерть. Все, что могли, сделали для этого рабочие. С их паспортами, переодетые в гражданское платье, моряки покидали Кронштадт. Приняв все меры для спасения товарищей, Д. З. Мануильский и П. М. Токмачев на парусной лодке ушли в Стрельну. Правда, их очень скоро арестовали в Петербурге.

Уцелевшие от облав подпольщики снова собирали силы. Член Петербургского комитета Н. С. Атабеков создал Кронштадтский военно-революционный комитет партии, в который вошли 15 человек, в том числе несколько рабочих, матросы крейсеров «Аврора» и «Громобой», минного крейсера «Стерегущий», 3-го экипажа, солдаты 2-го крепостного пехотного батальона, крепостной артиллерии и даже Енисейского полка. В организацию влилось и гражданское подполье. Члены комитета литейщик Моисеев, рабочий электротехнической мастерской Оленин, а также токарь Балбетов, владелец кустарной мастерской Григорьев и другие опытные революционеры сохранили старые связи и успешно устанавливали новые, спланировали вокруг себя готовых к борьбе людей. Кронштадтцы восстановили тесные контакты с большевиками Петербурга, получали из столицы революционную литературу. Стремясь извлечь пользу из горьких и поучительных уроков восстания, комитет издал листовку. Вот ее начало:

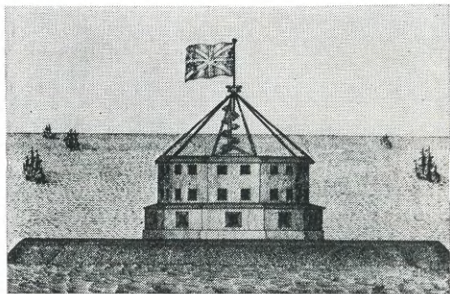
«Над нашими головами грозно прошумело восстание. С горечью видят теперь все, что оно очень мало сделало для освобождения России, а между тем потрясло до основания наши организации, наполнило страдальцами ужасные тюрьмы, поставило перед судом палачей сотни наших дорогих товарищей...

...Только отдавая себе отчет в своих ошибках, отчет точный и беспощадный, можем мы идти вперед к окончательному успеху».

Дальше листовка излагала взгляды большевиков на восстание, убедительно критиковала заговорщическую и авантюристическую политику эсеров, которая привела к преждевременному выступлению и обрекла его на поражение. «Будем учиться, — говорится в конце этого яркого документа, — будем подниматься после каждого поражения и наступать на врага все грознее и сильнее — конечная победа обеспечена за нами».

Видя, что революционеры не прекращают работы, жандармерия, полиция и военные власти Кронштадта делали все возможное, чтобы искоренить «крамолу» до основания. 6 сентября 1906 года охране удалось выследить и арестовать основную группу Кронштадтского военно-революционного комитета во главе с Н. С. Атабековым — по документам Мямлиным, а по нелегальным кличкам — «Антоном» и «Александром Ивановичем». Скрыться успели только четыре члена комитета, в том числе литейщик Пароходного завода Моисеев. Но их через пять месяцев схватили и осудили на 4 года каторги.

В том же сентябре тайные агенты донесли жандармам, что группа террористов готовится убить коменданта крепости генерала Адлерберга и председателя военного суда генерала Томашевича, освободить арестованных. Выяснилось, что террористы связаны с кронштадтской боевой дружиной, которой руководит местный житель Леон Тубелевич. Чья-то неосторожность

Кроншлот. Гравюра XVIII века.

Памятник Петру I в Летнем саду.

Военная гавань в Кронштадте. 1851 год.

Дом офицеров. Бывший Итальянский дворец.

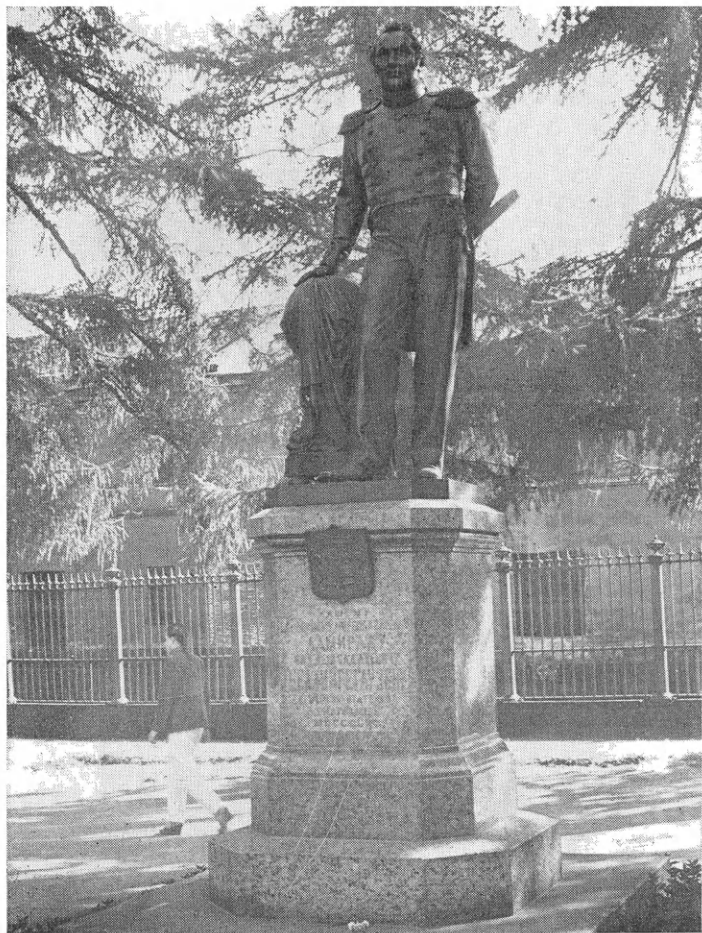

Н. А. Бестужев.

Старые матросские казармы.

Памятник Ф. Ф. Беллинсгаузену.

Памятник П. К. Пахтусову.

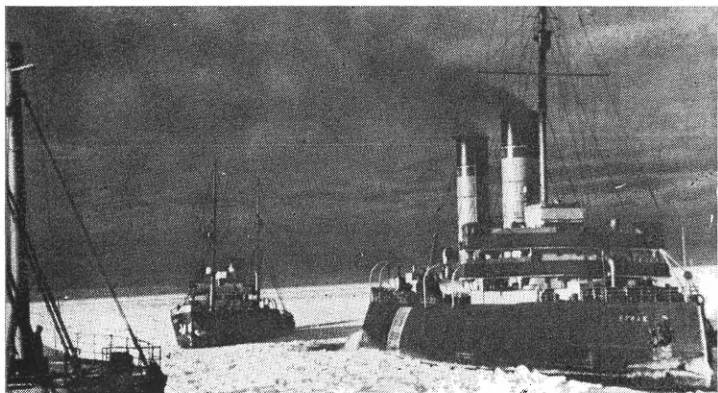

Памятник А. С. Попову.

Н. А. Римский-Корсаков.

Ледокол «Ермак» во время проводки судов.

Памятник С. О. Макарову.

Решетка Летнего сада.

Гостиный двор.

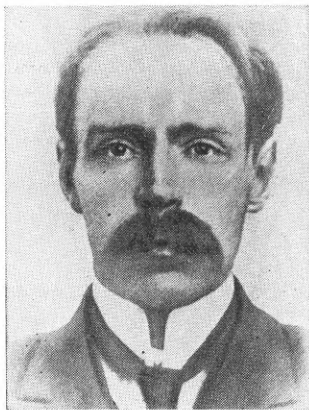
Улица Ленина.

Морской собор.

← Центральная городская библиотека.

И. Ф. Дубровинский.

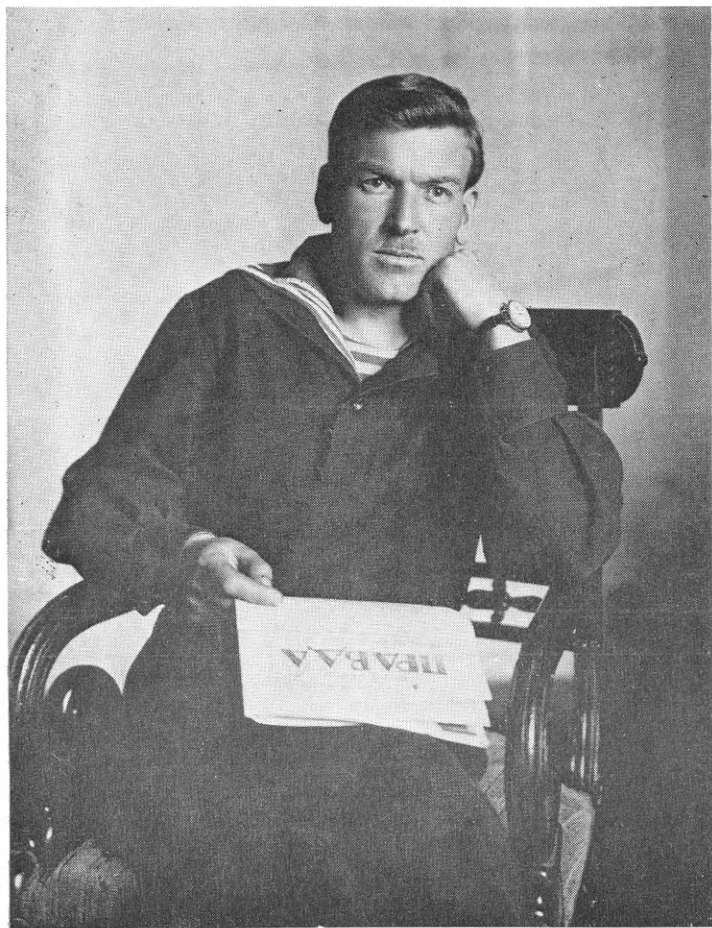
Д. З. Мануильский в студенческие годы.

К. С. Жерновецкий.

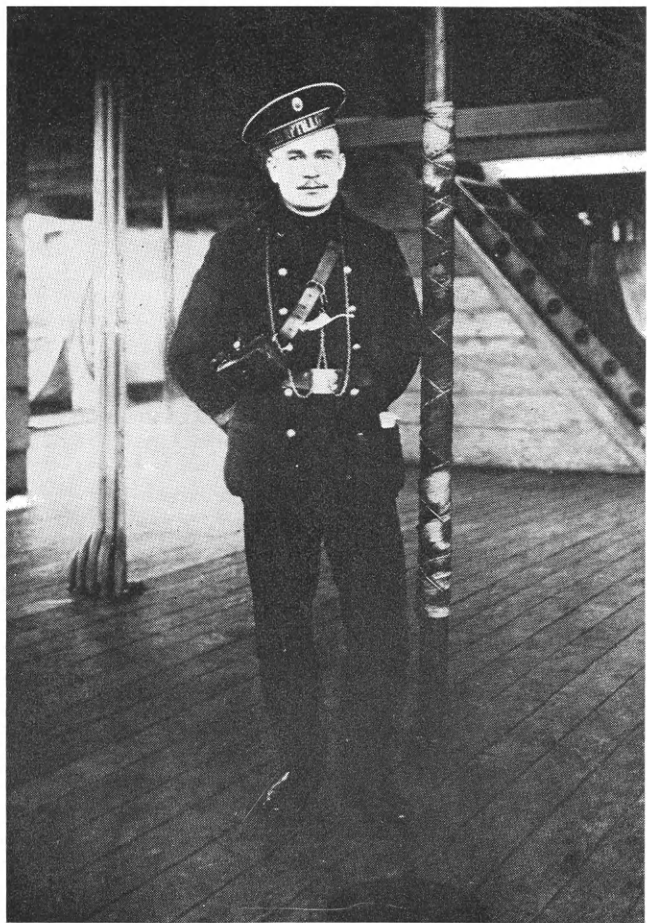
Т. И. Ульянов.

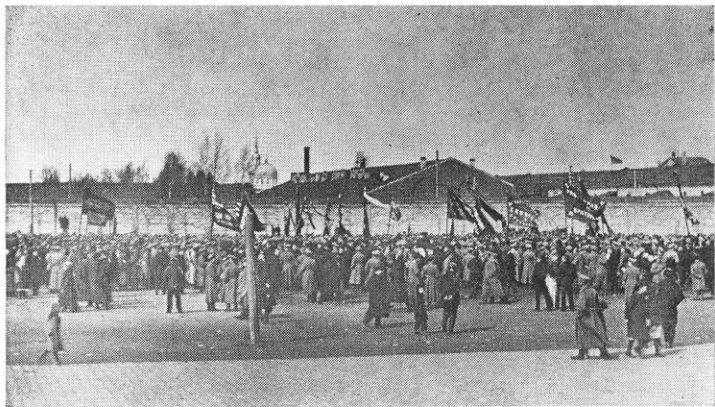
И. Д. Сладков.

Памятник М. И. Мартынову.

Ф. С. Кузнецов-Ломакин.

Митинг на Якорной площади в 1917 году.

Демонстрация кронштадцев в Петрограде в 1917 году.

или предательство позволили властям принять немедленные меры. В Кронштадте ликвидировали всю боевую дружину и арестовали еще 52 человека. Попал в тюрьму один из опытейших подпольщиков М. В. Григорьев. Были произведены аресты и в Петербурге. Основных участников готовившегося покушения — Тубелевича, солдата 1-го пехотного крепостного батальона Ипатова, канонира крепостной артиллерии Власова, слушательниц Высших женских курсов Анну Венедиктову и Анастасию Мамаеву казнили 14 октября 1906 года в Кронштадте.

После поражения революции началась массовая чистка Балтийского флота от «неблагонадежных элементов». Только в 1907 году с кораблей и из флотских экипажей Балтики были списаны в армию 1500 матросов. Наиболее «опасных» отправили в дисциплинарные экипажи и батальоны с особо строгим режимом. Многие демобилизовали досрочно в запас, под надзор полиции. Ежегодно в тюрьмах и местах заключения морского ведомства находилось около 3000 балтийцев. Мест в камерах не хватало, поэтому создали плавучие тюрьмы из отживших свой век судов. В Кронштадте такой тюрьмой стал блокшив «Волхов». Николай II в приказе главному командиру Кронштадтского порта повелел: «В отношении как возникших, так и имеющих возникнуть» судов над «нижними чинами» руководствоваться законами военного времени, утверждать приговоры самолично и не позволять их обжаловать. Но никакие усилия властей не могли остановить большевиков.

Осенью 1907 года ЦК РСДРП, обсудив опыт работы Военной организации большевиков столицы, поручил Петербургскому комитету партии немедленно возобновить ее деятельность, вести ее более конспиративно и осмотрительно. В короткий срок широко развернулась работа среди матросов и солдат. В экипажах, на кораблях, в частях крепостной артиллерии Кронштадта

были созданы партийные группы, а в августе 1908 года — Кронштадтский комитет Военной организации РСДРП. Он действовал в контакте с ораниенбаумскими большевиками, которые установили связь с экипажами нескольких миноносцев и командами фортов Кронштадтской крепости.

Петербургские и кронштадтские жандармы и полицейские, сыщики и провокаторы усиленно выслеживали организацию. В несколько приемов — в марте и ноябре 1908, в мае и ноябре 1909 года — им удалось арестовать почти всех ее руководителей. Однако ликвидировать организацию они не смогли. С каждым новым призывом в армию и флот ряды большевиков пополнялись революционно настроенными рабочими, прошедшими суровую школу нелегальных кружков, стачек и баррикад.

В 1907 году пришел матросом в Кронштадт большевик И. К. Глухаченков — рабочий Франко-Русского завода, участник революционных событий в Калужской губернии и в Петербурге, несколько раз слушавший в 1906 году на митингах и собраниях выступления В. И. Ленина. Глухаченков служил в Машинной школе, затем на учебном судне «Европа». Здесь Иван Кузьмич в 1909 году создал революционный кружок, который распространял большевистские листовки, вел агитацию среди матросов. Каждый год 9 января подпольщики вывешивали плакат со словами песни «Вы жертвою пали в борьбе роковой...». Когда Глухаченкова перевели на миноносец «Искусный», он и там организовал ячейку РСДРП, установил связь с Учебно-артиллерийским отрядом.

В то же время был призван на флот зрелый революционер, большевик с 1905 года Владимир Михайлович Зайцев. Раньше он вел революционную работу среди студентов Казанского университета, грузчиков Феодосии и Севастополя, матросов Волги, Каспия и Чер-

ного моря. В Кронштадте он сразу же включился в жизнь большевистского подполья.

Сильная большевистская организация сложилась на линейном корабле «Слава». Во главе ее стояли члены РСДРП с 1905 года латышский революционер Август Карлович Самсон и бывший питерский рабочий Николай Яковлевич Кроненберг.

В 1910 году линкору, вышедшему из Кронштадта в заграничный поход, потребовался срочный ремонт котлов. Работы велись в Тулоне и продолжались около года. Их вместе с матросами выполняли 75 французских рабочих. От них балтийцы узнали, что в Париже живет В. И. Ленин, и написали ему коллективное письмо. Матросы, вспоминала Н. К. Крупская, «просили литературу и особенно человека, который помогал бы вести революционную работу среди моряков. Ильич направил туда одного товарища, знавшего хорошо условия конспиративной работы, который и поселился в Тулоне». Ленинского посланца называли товарищем Алексеем. Он устраивал собрания подпольщиков в разных местах города, снабжал их литературой, помог улучшить структуру партийного коллектива. Организация была хорошо законспирирована.

На «Славе» действовали и эсеры. Они пренебрегали правилами конспирации. В эсеровский кружок проник провокатор. На линкоре устроили обыск, обнаружили революционные прокламации, брошюры и газеты, арестовали 19 человек, в том числе нескольких большевиков.

Подпольщиков линейного корабля «Слава» судили в 1912 году в Кронштадте на так называемом «процессе 59-ти» вместе с матросами учебных кораблей «Двина», «Николаев», «Адмирал Корнилов», а также крейсера «Аврора» и береговых частей Кронштадта. Эти группы не были связаны между собой, но преследовали одну цель: бороться за свержение самодержавия.

Продолжали борьбу и рабочие. В годы реакции многие из них помимо агитации среди своих товарищей стремились оказывать большевистское влияние на матросов и солдат, налаживали с ними связи. Слесарь Пароходного завода Буржинский снабжал нелегальной литературой кружок Глухаченкова на учебном судне «Европа». Рабочий Лебедев входил в одну организацию с матросами Громовым, Цыганковым и несколькими армейцами.

На флоте и на заводе проходила революционная деятельность замечательного сына Кронштадта Михаила Ивановича Мартынова. Девятилетним мальчиком начал он работать в минных мастерских. Не разлучил его с Балтикой и призыв на воинскую службу. Она проходила в 19-м экипаже, в Машинной школе, на учебном судне «Океан». За участие в первой русской революции Мартынова бросили в тюрьму. После демобилизации в 1910 году Михаил Иванович поступил на Пароходный завод. Здесь он продолжал революционную пропаганду среди рабочих и матросов. Особенно много сил в ту пору Мартынов отдал профсоюзному движению в Кронштадте. С его приходом на завод союз металлистов стал массовой, деятельной, авторитетной организацией.

Кронштадтский пекарь И. И. Налетов поддерживал связь с партийной группой рабочих-булочников столы, которой руководила видная большевичка П. Ф. Куделли. Налетов регулярно получал из Петербурга нелегальную литературу и распространял ее среди матросов.

Новой сильной вспышкой борьбы ознаменовался 1912 год. Весть о чудовищном расстреле рабочих на Ленских приисках всколыхнула российский пролетариат. Вслед за стачками рабочих, прокатившимися по всей стране, поднялась волна массового движения в армии и на флоте. Власти Кронштадта объявили военное по-

ложение — так сильно было волнение среди матросов, солдат и рабочих.

Большевики-балтийцы начали готовить восстание еще до ленских событий, но прежде чем предпринимать практические шаги, решили посоветоваться с В. И. Лениным. Моряки направили в Париж, где в то время жил Владимир Ильич, Александра Васильевича Шотмана — закаленного революционера, участника знаменитой Обуховской обороны 1901 года, старого искровца, делегата II съезда РСДРП. Ленин его хорошо знал и ценил. Об их встрече в начале февраля 1912 года рассказала Н. К. Крупская: «Ильич... с интересом стал расспрашивать Шотмана об организации... но указывал на нецелесообразность в данный момент таких выступлений. Было сомнительно, чтобы восстание в этот момент поддержали питерские рабочие».

Вернувшись в Гельсингфорс, Шотман передал товарищам слова Ленина. Это помогло сдержать матросов, подталкиваемых эсерами к немедленным действиям. Но в апреле, после Ленского расстрела, обстановка так накалилась, что балтийцы решили послать к Владимиру Ильичу еще одного делегата — Исидора Петровича Воробьева, тоже участника Обуховской обороны, члена РСДРП с 1901 года. Он вместе с Шотманом, А. П. Тайми, К. И. Кондратьевым и другими большевиками руководил Революционным комитетом в Гельсингфорсе, в то время возглавлявшим освободительное движение на всем Балтийском флоте и его базах. Эта встреча нашла отражение в письме В. И. Ленина М. Горькому в августе 1912 года:

«А в Балтийском флоте кипит! У меня был в Париже (между нами) специальный делегат, посланный собранием матросов и социал-демократов. Организации нет, — просто плакать хочется!!.. Настроение у матросов боевое, но могут опять все зря погибнуть».

Влияние ленинцев в Кронштадте становилось все сильнее. Особенно укрепилось оно, когда Россия вступила в первую мировую войну. Мобилизация увеличила количество «нижних чинов» флота почти в 3 раза. Пролетарские и полупролетарские элементы составили более половины матросов Балтики. Многие новобранцы из рабочих были металлстами, наиболее развитыми политически. Даже крестьяне набирались в основном из промышленных губерний, где сельский пролетариат был под сильным влиянием фабрично-заводского. Так в Кронштадте и других базах флота сконцентрировалась ударная сила грядущих боев с царизмом. Правда, к Кронштадту были приписаны только учебные корабли, часть тральщиков, транспортных и вспомогательных судов. Но их насчитывалось немало, и в их число входили броненосцы, крейсера, эсминцы. На Котлине находились основные учебные заведения флота: Артиллерийский и Минный отряды, школы Машинная, Водолазная, комендоров, рулевых и сигнальщиков, юнг, фельдшерская, музыкантская. В городе-крепости были сосредоточены значительные береговые части флота и армии: 1-й Балтийский экипаж, флотский полуэкипаж, минный батальон, тяжелый артиллерийский дивизион, несколько матросских отрядов и рот, два артиллерийских и два пехотных крепостных полка и другие.

После русско-японской войны наряду со строительством современных кораблей всех классов началась модернизация морских крепостей. В первую очередь она коснулась Кронштадта. Его комендант в 1907 году доносил военному министру: «Недостатки крепости так велики и обильны, что считать крепость, в случае необходимости, способной исполнить свое назначение нет никаких оснований». Встревоженное столь мрачной оценкой, правительство срочно создало комиссию под председательством генерала Артамонова, рассмотрело и приняло ее предложения. В соответствии с ними сра-

зу же начали строить передовую линию обороны Кронштадта; мощные форты на южном берегу Финского залива Красная Горка и Серая Лошадь, на северном берегу — Ино. Впереди номерных фортов, расположенных на островках Северного фарватера, появились два гораздо более сильных — Тотлебен и Обручев. Сверхпрочные бетонные, ушедшие на десятки метров под землю укрепления вооружили крупнокалиберной дальнобойной артиллерией, способной выдержать бой с новейшими линкорами-дредноутами.

Ввод в строй этих фортов в 1914 году повлек за собой значительное увеличение гарнизона крепости. Всего же в Кронштадте насчитывалось 10 с половиной тысяч моряков и свыше 20 тысяч солдат и офицеров, в общей сложности 30 600 военнослужащих.

В Кронштадт, в 1-й Балтийский флотский экипаж, после поражения первой русской революции власти стали списывать «неблагонадежных» матросов со всего флота. В экипаже их старались перевоспитать усиленной муштрой, жестокими наказаниями и принудительными молитвами перед сном. Такое «перевоспитание» лишь сильнее разжигало у матросов ненависть к царизму. Комендант Кронштадта генерал-лейтенант Маниковский в апреле 1915 года докладывал командующему 6-й армией Северного фронта, которому во время войны подчинялся в оперативном отношении Балтийский флот, о 1-м экипаже: «...поведение нижних чинов настолько неудовлетворительно, что все карцеры переполнены, морская следственная тюрьма тоже; на блокшиве «Волхов», где содержатся особо порочные матросы, помещено 100 человек, и сверх того устраиваются новые арестные помещения. Таким образом, в центре высочайше вверенной мне крепости имеется постоянный значительный кадр нижних чинов, представляющих вполне благоприятную почву для революционной пропаганды». Маниковский требо-

вал удалить из Кронштадта всех неблагонадежных. Но правительство не вняло его голосу. На Котлине оставались сотни моряков, списанных с кораблей за «крамолу».

Развязанная империалистами кровавая бойня еще больше усилила ненависть кронштадтцев к царскому самодержавию. В первое время деятельность большевистских организаций в Кронштадте, как и на всей Балтике, была разобщена. Война оборвала связи с Петербургским комитетом. Мобилизации, переброски войск и кораблей, неслыханные репрессии мешали объединению революционных сил. Петербургский комитет РСДРП(б) и его Военная организация снова наладили доставку газет и листовок, командировали опытных партийных работников. В Кронштадт приехал член ЦК Иван Никитич Егоров, широко известный под кличкой «Кирилл Орлов», профессиональный революционер, подпольщик с большим стажем. Он помог впервые в истории революционного движения на Балтике создать единую централизованную партийную организацию. Она складывалась постепенно и явилась воплощением давних стремлений матросов, солдат и рабочих Кронштадта, других баз флота и городов Прибалтики. К началу 1915 года большевистские ячейки в частях флота, находившихся в Кронштадте, установили прочные связи друг с другом и с рабочими Пароходного завода и портовых мастерских, а к весне того же года — с ПК РСДРП(б) и его Военной организацией. Осенью этой цели достигли и моряки Гельсингфорса. В октябре состоялась встреча руководителей флотских и армейских большевистских групп Кронштадта. А в конце ноября, когда к Котлину пришел на ремонт линкор «Император Павел I», руководители партийной организации корабля присутствовали на конспиративном собрании кронштадтских товарищей. В чайной, где собрались матросы и рабочие, выступил

представитель Петербургского комитета. Здесь же гельсингфорсцы и кронштадтцы договорились о совместной работе.

Военная организация балтийских большевиков по-разному называется в исторической и мемуарной литературе, в документах того времени: Центральная группа связей, Руководящий коллектив судовых организаций, Главный судовой коллектив. Она объединила абсолютное большинство существовавших на флоте партийных ячеек. 19 из них имелись на крупных кораблях, 8 — в береговых частях, по одной на Пароходном заводе и в Кронштадтском Морском госпитале. Возглавляли разветвленную организацию, насчитывавшую около 300 человек, замечательные люди, пользовавшиеся исключительной любовью и уважением матросов, наделенные недюжинными организаторскими способностями, беспредельно преданные делу партии.

Признанным вожакom балтийских большевиков был Тимофей Иванович Ульянов, машинист крейсера «Россия». Его призвали на флот еще осенью 1909 года. Вскоре он вступил в ряды ленинской партии и создал на крейсере сильную, хорошо законспирированную большевистскую группу. Работу строил умело. Судовое начальство и предположить не могло, что этот дисциплинированный, исполнительный матрос является главой большой организации. Правда, в сентябре 1915 года Ульянцева вместе с 15 товарищами списали в 1-й Балтийский флотский экипаж по подозрению во «вредном влиянии» на команду. Но никаких улик против них не нашлось.

Любимцем кронштадтских моряков был и Иван Давыдович Сладков, коренастый, ладный унтер-офицер с пшеничными усами. Он, в прошлом рабочий-каменщик, служил инструктором в Учебно-артиллерийском отряде. Дело свое знал в совершенстве, отличался

бравым видом и расторопностью. В глазах начальства он выглядел ревностным служакой. А между тем Сладков был опытным подпольщиком. Он вступил в партию еще до того, как в 1911 году его призывали на флот.

Сладков стал заместителем Ульянцева, как и служивший вместе с ним Федор Спиридонович Кузнецов-Ломакин, до флота — батрак и бакенщик. В 1912 году он вступил в ряды большевиков и перенял от более опытных товарищей трудную науку подполья, обнаружив крупные организаторские способности.

В руководящее ядро организации входил и В. М. Зайцев, вновь призванный на флот в начале войны. Он попал на должность делопроизводителя в управление связи, часто ездил в Петербург по делам службы. Наведывался в столицу и по просьбе командира роты связи подполковника Орлова, сына которого взялся подготовить к поступлению в гимназию. Свои поездки Зайцев использовал для встреч с работниками Петербургского комитета и его Военной организации. Кроме того, он поддерживал тесные контакты балтийцев с ведущей организацией большевиков столицы — Выборгским райкомом партии.

Так шла, говоря словами В. М. Зайцева, «работа напряженная и крайне осторожная и, кроме того, изворотливая в силу наводнения сыщиками, жандармами, филерами и прочей негодью царского лабаза».

Охранке долго не удавалось выследить глубоко законспирированную организацию. И все-таки жандармы с помощью провокаторов нащупали тайные нити. Взяли под стражу Сладкова, Ховрина и еще троих моряков. Больше никого обнаружить не удалось. Арестованные не давали никаких показаний. Казалось, круг замкнулся. Но у охраны был на примете еще один «подозрительный» — унтер-офицер с крейсера «Россия» Брендин. Он действительно входил в больше-

вистскую организацию, пользовался доверием Ульянцева. Этот слабый духом человек рассказал на допросах все, что знал. Помог охранке и провокатор Шурканов, с которым неоднократно встречались Кирилл Орлов и Ульянцев. В лапы охранки в феврале 1916 года попали многие видные деятели подполья. А всего по делу о большевистской организации на флоте было арестовано несколько сотен человек. Однако, несмотря на старания провокаторов и сыщиков, едва набралось обвинительного материала, чтобы отдать под суд 20 человек.

Следователи и судьи чувствовали, что в их руках находятся опытные, умелые подпольщики, но доказать ничего не могли: явно не хватало улик. Дело рассматривал Кронштадтский военно-морской суд. Он заседал в столице с 26 октября по 1 ноября 1916 года. Петербургский комитет партии пригласил для защиты обвиняемых пять крупнейших прогрессивных адвокатов. Несмотря на слабые аргументы обвинения и блестящую защиту, суд жестоко расправился бы с арестованными. Этого не дали сделать большевики Петербурга, его рабочий класс. Вновь пролетариат столицы пришел на помощь балтийцам. ПК РСДРП(б) выпустил листовку, в которой призвал рабочих к стачке протеста. 26 октября остановились десятки заводов и фабрик. 130 000 рабочих включились в политическую стачку. Подсудимые знали о поддержке товарищей от адвокатов. Это придавало им силы.

Царский суд не решился вынести смертные приговоры. Ульянцева приговорили к восьми годам каторги, Сладкова — к семи, Егорова — к четырем. А большинство обвиняемых суд признал невиновными. «За недоказанностью обвинения» выпустили на свободу Кузнецова-Ломакина. Его вместе с другими «политически неблагонадежными» вскоре отправили на передовую линию фронта в составе матросских батальонов. Ре-

прессии почти не затронули многочисленную группу Зайцева. Он теперь взял на себя общее руководство всей революционной работой в Кронштадте. Петербургский комитет партии вместо арестованного Кирилла Орлова направил в крепость своим представителем латышского рабочего Петра Мартыновича Кимена. В число руководителей Главного коллектива Кронштадтской военной организации РСДРП(б) входили также телеграфист унтер-офицер А. М. Любович, солдат электротехнической роты Е. Ф. Зинченко, матросы Учебно-минного отряда Ф. Г. Сорокин и Н. А. Пожаров. Активно участвовали в деятельности организации рабочие Пароходного завода М. И. Мартынов, М. Д. Лебедев, В. П. Ермоленко.

Еще в апреле 1916 года, когда только разворачивалось следствие по делу «Военной организации РСДРП среди судовых и береговых команд Балтийского флота», жандармам пришлось признать, что борьба большевиков в Кронштадте против войны и существующего строя «отнюдь не пресечена», но выследить организацию им не удавалось. Начальник жандармского управления города-крепости полковник Тржецяк оправдывал свои неудачи тем, что «в кронштадтском коллективе дело поставлено очень серьезно, конспиративно и участники его все молчаливые и серьезные люди».

В июле в Петрограде арестовали П. М. Кимена. Однако связь кронштадтцев с ПК РСДРП(б) не обрывалась. Ее осуществлял Зайцев через работавших в столице видных деятелей партии В. Н. Залежского, М. Я. Лациса, Б. А. Жемчужина.

Тржецяк и его подчиненные думали, что основное ядро нелегальной организации находится в нестроевой роте артиллерийского склада, а солдат этой роты Н. И. Ильин руководит кронштадтскими большевиками. В ночь на 9 сентября в расположении роты устро-

или повальный обыск. И хотя не нашли ничего предосудительного, арестовали Ильина и группу его товарищей. Подозрения жандармов имели основания: в их руки действительно попали активные подпольщики. Но они не играли ведущей роли в организации.

В ту ночь на Котлине были пущены в ход все жандармские и полицейские силы. Они нагрянули в 1-й Кронштадтский артиллерийский полк, в 1-й Балтийский флотский экипаж, в Учебно-минный отряд... 107 обысков, 15 арестов за одну ночь! А результат — плачевный. Улик не обнаружили, арестованные никого не выдали.

Подозрение охранки пало и на Зайцева. Его арестовали, продержали две недели в следственной тюрьме и освободили. Этому способствовало заступничество начальника следственной части Управления связи капитана 1-го ранга Пяткина. Он дал унтер-офицеру Зайцеву, добросовестному, исполнительному работнику, постоянно перегруженному делами, самую лестную характеристику.

Революционная работа продолжалась в Кронштадте с новым размахом. Несмотря на потери, вызванные арестами, в условиях строжайших законов военного времени рос, укреплял свое влияние в массах матросов, солдат и рабочих Главный коллектив — крупнейшая военная организация партии в предреволюционный период. И все яснее чувствовали свое бессилие в борьбе с ним цепные псы самодержавия — жандармский полковник Тржецяк, комендант крепости вице-адмирал Курош, военный губернатор и главный командир порта адмирал Вирен. Яркое свидетельство этого бессилия — паническое письмо, которое в сентябре 1916 года Вирен послал графу Гейдену, сановнику, близкому к царю:

«...Я не останавливаюсь перед крайними крутыми мерами, если потребуется, введу вместо розги плеть,

вместо одиночного строгого заключения — голодный недельный арест, но должен сознаться, опускаются руки... Я по совести говорю, что достаточно одного толчка из Петрограда, и Кронштадт вместе с судами, находящимися сейчас в Кронштадтском порту, выступит против меня, офицерства, правительства и кого хотите. Крепость — форменный пороховой погреб, в котором догорает фитиль — через минуту раздастся взрыв».

Надо отдать должное адмиралу Вирену: тяжелые предчувствия его не обманывали, ситуацию он понимал верно. Революционный взрыв, которого так страшились слуги самодержавия, который они из всех сил стремились предотвратить, грянул.

ОПЛОТ ЛЕНИНСКОЙ ПАРТИИ

В середине дня 28 февраля 1917 года рабочие Пароходного завода остановили трансмиссии. Замолкли станки. В цехах гудели возбужденные голоса. Большевики рассказали товарищам ошеломляющие новости: в Петрограде бушует народное восстание!

— Долой самодержавие! — послышались голоса. — Долой войну!

Перепуганная администрация сообщила о «беспорядках» адмиралу Вирену. Кронштадтский деспот немедленно явился на завод. Но прошли те времена, когда один вид свирепого губернатора вызывал трепет. Теперь никто его не испугался. Толпа встретила Вирена гневным рокотом. Адмирал принялся стыдить рабочих за то, что они примкнули к «бунтовщикам», уговаривал их вернуться к станкам. Но рабочие твердо заявили, что они заодно с питерцами.

Вернувшись в штаб, Вирен немедленно издал приказ о запрещении митингов, собраний, демонстраций, публичных речей, увольнений в город. Вместе с дру-

гими высшими офицерами, начальниками жандармского и полицейского управлений он стал готовиться к подавлению назревающего восстания. У доков Пароходного завода, в нижних помещениях Морского собора, на чердаках многих домов установили пулеметы. Трехэтажное здание полиции на Козьем болоте превратили в мощный опорный пункт. В разных концах города создали засады. Закрыли выезд из Кронштадта и въезд в него. Запретили телефонную и телеграфную связь. Она действовала только для служебных целей.

Командование крепости решало вопрос: можно ли использовать кронштадтский гарнизон против революционных рабочих и солдат Петрограда? При всем желании расправиться с восставшими офицеры в один голос заявили: кронштадтцы стрелять в них не будут. Тогда решили по крайней мере скрыть от «нижних чинов» правду. Однако сведения о волнениях в столице все равно проникали в крепость. Ведь по льду залива на Котлин каждый день тянулись вереницы подвод с продуктами, с товарами для магазинов, лавок, трактиров, чайных. Запретить движение торгового транспорта, посадить население острова на голодный паек не могли ни губернатор с комендантом, ни царские министры. А главное, руководитель кронштадтских большевиков В. М. Зайцев через своих надежных товарищей в службе связи, телефонистов и телеграфистов, узнавал содержание секретных разговоров и переписки между Виреном и морским министерством. Подпольщики пользовались не противоречивыми слухами, а точной правительственной информацией.

Утром 27 февраля Зайцев под предлогом очередных занятий с сыном своего начальника выехал в столицу, встретился с работниками Петербургского и Выборгского районного комитетов партии, получил инструкции и в тот же день вернулся в часть. Вечером он провел совещание руководящей группы Главного коллек-

тива Кронштадтской военной организации РСДРП(б). Участники совещания разработали план восстания, наметили основные объекты для захвата, развернули массовую агитацию в войсках, в заводских цехах и мастерских. Было сделано все для того, чтобы не повторить ошибок 1905—1906 годов. На этот раз солдаты шли плечом к плечу с матросами и рабочими.

Около 11 часов ночи 28 февраля раздались пулеметные очереди из казармы 1-го крепостного пехотного полка на Павловской улице. Это был сигнал. Большевики, назначенные подпольным штабом командиры кратко и взволнованно говорили о том, что настал долгожданный час победы над самодержавием. Роты и команды получали оружие, боевые патроны и шли выполнять свой революционный долг. Демократически настроенные командиры присоединились к восставшим. Другие, понимая бесполезность сопротивления, сдавались. Лишь жандармы, полицейские, некоторые офицеры и воспитанники Инженерного училища пытались отстреливаться. Но эти слабые попытки не могли иметь успеха.

Во время восстания было убито и казнено около 40 защитников самодержавия. За свои зверства поплатились жизнью самые жестокие и ненавистные военачальники, ответственные за кровь и муки тысяч кронштадтцев: Вирен, Курош, командир 1-го Балтийского флотского экипажа генерал Стронский, начальник Учебно-артиллерийского отряда адмирал Одинцов, командир саперной бригады генерал Волков. Восставшие арестовали около 500 человек, в том числе почти 200 офицеров. Их судьба зависела от бывших подчиненных. Если против офицера выдвигались серьезные обвинения, его отправляли в тюрьму. Тех, за кого вступалась команда, немедленно отпускали.

Так на Котлине была окончательно сломлена власть опричников самодержавия. 1 марта кронштадтцы со-

здали свой первый орган народной власти — Комитет общественного движения. Это произошло на Якорной площади. Она оказалась тесной. Люди стояли вплоть до каменного забора порта. Митинг продолжался несколько часов подряд. Десятки ораторов сменяли друг друга. Здесь выступил только что освобожденный из тюрьмы Сладков — худой, обросший бородой, но твердый и энергичный. Брала слово его товарищи по подполью, и тысячи людей встречали большевистское слово гулом одобрения.

5 марта в Кронштадте возник, по примеру Петрограда, Совет рабочих депутатов, на следующий день — Совет военных депутатов, а 10 марта они слились в единый Кронштадтский Совет. В него вошли около 300 представителей гарнизона и населения города. Он сыграл исключительно важную роль в развитии революционных событий. Совет разместился в здании Морского офицерского собрания.

Не менее популярным среди кронштадтцев стало одноэтажное здание бывшего комендантского управления на Екатерининской улице, которое занял большевистский комитет. Его двери не закрывались ни днем ни ночью. Многие работники комитета ночевали прямо на полу или на стульях. Кронштадт бурлил. Требовалось немедленное вмешательство, чтобы направить кипучую энергию революционных масс в правильное русло.

8 марта состоялось первое легальное собрание кронштадтских большевиков, на котором был избран комитет вместо временного, образованного сразу же после восстания. Его состав несколько раз менялся и увеличивался. Если сначала комитет состоял из 9 человек, то через месяц в нем уже насчитывалось 19—21 человек. Это было связано с бурным ростом партийной организации. В конце апреля она объединяла 1500 рабочих и столько же военных. Трехтысячная

армия большевиков была решающей силой в Кронштадте.

Партия, всегда уделявшая Кронштадту пристальное внимание, в первые же дни после победы Февральской революции постаралась укрепить большевистскую организацию города-крепости.

Петербургский комитет послал в Кронштадт Семёна Григорьевича Рошала. Короткую жизнь прожил этот замечательный человек, но как много успел он сделать! 14-летним подростком Рошаль впервые был арестован и исключен из гимназии с «волчьим билетом». Начались годы подполья, многочисленные обыски, аресты, преследования. В революционной борьбе развернулись яркие организаторские способности Рошала. В годы мировой войны этот юноша ведал всей «техникой» Петербургского комитета РСДРП(б). Отправленный на фронт, он нашел связи с большевиками Балтики. Был арестован и ждал смертной казни. Революция освободила его, и вот Рошаль в Кронштадте. Он становится любимцем революционных матросов, его пламенные речи зажигают всех.

Вместе с Рошалем приехали хорошо знакомые кронштадтцам И. Н. Егоров (Кирилл Орлов) и Т. И. Ульянов. Друзья встретили мужественных борцов с огромной радостью. В той же группе посланцев Петербургского комитета находился Борис Алексеевич Жемчужин, ровесник Рошала и тоже, несмотря на молодость, опытный работник. Он вместе с Петром Ивановичем Смирновым (Светловским) наладил с 15 марта выпуск массовой большевистской газеты «Голос правды». Газета стала верным помощником ленинской «Правды» и завоевала огромную популярность среди читателей. Большое влияние на ход событий в городе оказывал Иван Петрович Флеровский, член партии с 1905 года, образованный марксист, хороший организатор.

Прекрасными кадрами партийных работников располагали и сами кронштадтцы. Кроме Сладкова, Пожарова, Глухаченкова и других ветеранов подполья необходимо в первую очередь назвать Мартынова. Он стал представителем союза металлистов в Кронштадтском Совете. В партию большевиков Мартынов вступил после Февраля и вскоре вошел в Кронштадтский комитет РСДРП(б). Большую роль в работе комитета играли его председатели В. М. Зайцев, с 8 марта — Т. И. Ульянов, с 31 мая — Ф. Ф. Раскольников, ответственный организатор И. Н. Егоров, секретари — матрос Учебно-артиллерийского отряда Д. Н. Кондаков, солдат Е. Ф. Зинченко, врач Морского госпиталя В. И. Дешевой и работница Е. М. Плодукина, а также солдат телеграфной роты, первый редактор газеты «Известия Кронштадтского Совета» А. М. Любович, блестящий лектор, судовой врач линкора «Заря свободы» Л. А. Брегман и другие.

Центральный и Петербургский комитеты партии продолжали оказывать кронштадтцам действенную помощь. Видный партийный работник В. Н. Залежский отмечал: «Не проходило дня, чтобы из Кронштадта не запрашивали по тем или иным вопросам мнение ПК. Отдельные матросы и делегации от кораблей были постоянными завсегдатаями дома Кшесинской». Некоторое время в Кронштадте работал профессиональный революционер С. Л. Энтин, женское движение в городе-крепости возглавляла Л. Н. Сталь. На Котлин приезжали многие крупнейшие деятели партии, выступали на митингах и на страницах «Голоса правды», читали лекции на курсах агитаторов, созданных Кронштадтским комитетом.

Живейший интерес к кронштадтским делам всегда проявлял Владимир Ильич Ленин.

Первая встреча вождя с революционными моряками Кронштадта произошла в исторический день воз-

вращения Владимира Ильича в Петроград — 3 апреля 1917 года.

«Команды кораблей изъявили желание отправиться на Финляндский вокзал чуть ли не в полном составе, — вспоминал бывший матрос А. П. Цупов-Шапильский. — Однако комитет предупредил, что от кораблей будут выделены для поездки лишь небольшие группы матросов.

Наша группа с учебного судна «Океан» оказалась одной из самых многочисленных. Разобрав винтовки, мы первыми двинулись с Усть-Рогатки на Петровскую пристань и погрузились на буксир. Матросы с других кораблей заняли ледакольный пароход».

Эта часть кронштадтцев под руководством Семена Пелихова высадилась возле Литейного моста и встретила В. И. Ленина на перроне вокзала. Основной отряд во главе с Рошалем пешком преодолел путь от Котлина до Ораниенбаума по непрочному льду, доехал до столицы по железной дороге, но не успел на митинг перед Финляндским вокзалом и уже ночью появился у дворца Кшесинской — штаба большевистской партии. Рошаль сообщил Владимиру Ильичу, что его пришли приветствовать посланцы революционного Кронштадта. Ленин, пожав Рошалью руку, вместе с ним вышел на балкон. Появление вождя было встречено бурной овацией. Взволнованный Рошаль произнес приветствие от имени матросов, солдат и рабочих. Ленин ответил краткой речью, которая вызвала новую бурю аплодисментов.

В беломраморном зале дворца собрались члены ЦК и ПК, активные работники партии. Находились среди них и руководители Кронштадтской большевистской организации. Ленин изложил свои взгляды на развитие революции. Его речь произвела на слушателей захватывающее впечатление. Рабочий Пароходного завода И. А. Хамеляйнен вспоминал, что в переры-

ве Владимир Ильич подошел к группе кронштадтцев и с величайшей заинтересованностью «стал расспрашивать, как работает Кронштадтская партийная организация, как настроены матросы, рабочие и солдаты».

За этой первой встречей последовали многие другие. В. И. Ленин постоянно держал в поле своего зрения деятельность кронштадтских большевиков. Столь же внимательно к ним относились Я. М. Свердлов, Н. И. Подвойский и другие ближайшие соратники Ильича. Представители Кронштадта неизменно участвовали в работе важнейших партийных совещаний и конференций. Все это придавало силы кронштадтским большевикам, помогало им в запутанной и быстро менявшейся политической обстановке находить верную линию, день ото дня усиливать свое влияние на массы.

Партия, ее Центральный Комитет, В. И. Ленин знали, что в любой момент могут опереться на кронштадтцев. И часто в напряженные моменты борьбы давали им ответственные поручения.

16 апреля по предложению В. И. Ленина в Петроград приехала большая группа кронштадтцев. Она вместе с моряками столицы и солдатами 180-го пехотного запасного полка подошла ко дворцу Кшесинской. На балкон вышли В. И. Ленин и Я. М. Свердлов. Владимир Ильич произнес речь, в которой обрисовал политическую обстановку в стране, призвал бороться за дальнейшее развитие революции, разоблачать клевету на большевиков. Воодушевленные выступлением вождя, матросы двинулись на Невский проспект. Там проходила спровоцированная кадетами шовинистическая манифестация за продолжение войны до полной победы. В ней участвовали обманутые реакцией фронтовики, специально собранные из всех госпиталей столицы раненные, калеки. Две колонны встретились, перемешались, возникли острые дискуссии. Кронштадтцы, прошедшие митинговую школу Якорной площади,

спорить умели. Под их влиянием многие инвалиды побросали свои плакаты и антибольшевистские лозунги, влились в матросское шествие под революционными знаменами.

21 апреля по распоряжению председателя Военной организации большевиков Н. И. Подвойского Кронштадтский комитет партии направил в Петроград около 150 вооруженных матросов. Им поручили охранять особняк Кшесинской, так как реакция готовила разгром революционных организаций.

До вооруженного конфликта в дни апрельского кризиса дело не дошло. Матросский отряд сражался за большевиков не силой оружия, а горячим словом. Многие полки находились под сильным влиянием буржуазной пропаганды, безудержно клеветавшей на партию большевиков и ее вождя. Нужно было донести правду до тысяч солдат. И в этой важнейшей и труднейшей работе кронштадтские моряки сыграли неоценимую роль. Мысль направить их агитаторами высказал В. И. Ленин. Владимир Ильич беседовал с ними по группам, учил, как действовать, чтобы привлечь солдат на свою сторону. Главным было требование вождя доводить начатое дело до конца.

«И мы,— писал Н. И. Подвойский,— дали посылаемым матросам такой наказ: пока не добьешься успеха — не выходи из казармы, ешь, пей и спи вместе с солдатами. А если тебя будут там колотить, то прими и колотушки...

Действительно, некоторые матросы пробыли в казармах по 3—5 дней, а некоторые и неделю, а потом приходили к нам и говорили, что такой-то полк за большевиков. Мы таким образом в течение каких-нибудь десяти дней создали перелом в настроении у солдат. Через десять дней было уже 11 полков, которые вполне уяснили, что большевики делают общее дело, дело рабочих и крестьян».

Так происходило не раз. На VII (Апрельской) Всероссийской конференции РСДРП(б) отмечалось: «Кронштадт, славящийся агитаторскими силами, которыми он снабжал всегда Петроград, сыграл огромную роль в петроградском движении...» На конференции говорилось, что в Кронштадте сочувствуют большевикам почти 30 тысяч человек. Впоследствии их число еще увеличилось.

Однако это не означало, что позиции большевиков на Котлине никто не атаковал. Разумеется, откровенно контрреволюционные партии не могли здесь рассчитывать на успех. Но ловко маскировавшиеся под друзей народа соглашатели, рыцари левой фразы, оказывали определенное влияние на гарнизон и население острова. На Котлине действовали эсеры всех мастей — правые, центристы и левые; меньшевики-интернационалисты и оборонцы; близкие к кадетам народные социалисты (энесы); анархисты-синдикалисты и их собратья, называвшие себя коммунистами, хотя ничего общего с научным коммунизмом они не имели. Это были довольно крупные политические силы. Одних эсеров в апреле 1917 года насчитывалось около 4 тысяч. За ними шло немало солдат из крестьян, кустарей, лавочников. Соглашатели долгое время составляли большинство в Совете. Его председателем был эсер-максималист техник А. Н. Ламанов. И хотя исполком Совета возглавлял большевик А. М. Любович, соглашателям порой удавалось протаскивать половинчатые резолюции с оглядкой на Временное правительство.

Тем не менее большевики сразу заняли в Совете ведущее положение. Это объясняется их колоссальным авторитетом среди кронштадтских масс. Беспартийные рабочие, матросы, солдаты высоко ценили принципиальность, мужество, кристальную честность большевиков, их беспредельную преданность революции, чув-

ство долга перед народом. Они с каждым днем все яснее понимали, что только ленинцы на деле отстаивают интересы пролетариата, только они способны привести Россию к долгожданному миру, решить коренные проблемы жизни страны.

Кронштадтским эсерам, меньшевикам и анархистам приходилось учитывать приверженность рабочих и гарнизона к большевикам. Чтобы не лишиться опоры в революционном городе, они часто вынуждены были голосовать за большевистские резолюции, чем вызывали недовольство своих лидеров. Особую важность Кронштадта — мощной крепости и крупной базы флота — понимали все партии. И все они пытались перетянуть хотя бы часть кронштадтцев на свою сторону, а главное — вбить клин между массами беспартийных и большевиками. На Котлин зачастили эмиссары и министры Временного правительства, представители партий. Им, конечно, было бы гораздо удобнее разговаривать в помещении Совета. Но здесь существовал свой, отличный от других городов порядок: говорить непосредственно с народом на митингах, которые собирались за несколько минут по гудку Пароходного завода и флажному сигналу с вышки морского телеграфа, а длились по пять и более часов подряд.

Одним из первых, еще 28 марта, пожаловал в Кронштадт Керенский, в то время министр юстиции и товарищ председателя Петроградского Совета. На трибуне он чувствовал себя как рыба в воде. Столичные обыватели, а особенно обывательницы, аплодировали ему и бросали цветы, словно модному артисту. Однако в Кронштадте вызвать овации ему не удалось. В экзальтированной речи Керенский упрекал кронштадтцев в непослушании, призывал всемерно поддерживать Временное правительство. В ответном слове Артемий Любович сурово разъяснил:

— Мы чувствуем свою силу и в сознании ее спо-

койно и последовательно перестраиваем жизнь на демократических началах, и ни перед чем не остановимся мы, чтобы закрепить наши идеи и добытую свободу.

Непочтительно встретил Кронштадт и командующего войсками Петроградского военного округа генерала Корнилова. Он приехал, чтобы привести гарнизон крепости к присяге Временному правительству. А матрос-большевик Алексей Павлов при бурной поддержке двадцатитысячной толпы потребовал, чтобы генерал сам публично присягнул на верность революции.

Ничего не изменили визиты Е. К. Брешко-Брешковской, объявленной эсерами «бабушкой русской революции», лидера левых эсеров Марии Спиридоновой и других приезжих говорунов. Они, не щадя себя, разбрасывали по Якорной площади цветы красноречия, а их слушатели принимали большевистские резолюции. Тех же, кто пытался нападать на большевиков, клеветал на Ленина, просто гнали с трибуны.

Кронштадт был единственным городом России, где сразу после Февральской революции установилась власть Совета. Ему подчинялись выборные, пользовавшиеся доверием матросов и солдат старший морской начальник П. Н. Ламанов, комендант крепости генерал Герасимов и командиры частей. Все должностные лица назначал Совет. Ни одно их распоряжение не могло исполняться без санкции Совета, флотских и армейских комитетов в частях, контрольных комиссий при коменданте и морском начальнике.

Совет ведал промышленными предприятиями, городским хозяйством, всеми учреждениями на Котлине. Охрану крепости и общественного порядка несла рабочая милиция, находившаяся в ведении Совета. Без его ведома и разрешения не могли проводиться ми-

тинги и массовые собрания. Совет установил на предприятиях 8-часовой рабочий день, а для подростков 6-часовой, определил размеры зарплаты рабочим и служащим, упорядочил пенсионное дело, ввел контроль над производством, распределением и потреблением продукции, сырья, материалов и продовольствия. На предприятиях повысилась производительность труда.

По инициативе большевистской фракции Совета в июне в здании бывшего Инженерного училища состоялось собрание молодежи города. На нем присутствовало около 150 юношей и девушек 16—19 лет. Собрание решило создать Союз социалистической молодежи, избрало его правление. Так в Кронштадте возник прообраз комсомольской организации.

Город строил революционные порядки. И никто не вспоминал о том, что на Котлине находится представитель другой власти — комиссар Временного правительства.

Депутат IV Государственной думы кадет В. Н. Пепеляев был назначен на этот пост 2 марта. Но никаких обязанностей ему исполнять не пришлось, 12 марта ему под расписку объявили постановление исполкома Совета о том, что «руководящим учреждением в г. Кронштадте является Совет рабочих и солдатских депутатов». 13 мая исполком Совета принял постановление, в котором отмечалось: «Единственной властью в г. Кронштадте является Совет рабочих и солдатских депутатов, который по всем делам государственного порядка входит в непосредственный контакт с Временным правительством». Пепеляеву это было давно известно. Однако реакция, искавшая случая обрушиться на Кронштадт, уцепилась за это постановление. Пепеляев подал официальное письмо в исполком, в котором пригрозил уйти в отставку. 16 мая резолюцию исполкома обсуждал Совет и принял поправку о том,

что подчиняется не Временному правительству, а Петроградскому Совету. Таким образом, не только фактически упразднилась должность правительственного комиссара, но и подчеркивалась ненужность самого буржуазного правительства.

Эта резолюция в то время была ошибочной. Партия большевиков, держа курс на мирное развитие революции, выдвигала лозунг «Вся власть Советам!» и выступала против призыва «Долой Временное правительство!». А решение Кронштадтского Совета фактически поддержало этот несвоевременный призыв к свержению существующей власти. Поэтому В. И. Ленин резко осудил опрометчивый шаг кронштадтцев. На заседании Петербургского комитета РСДРП(б) Владимир Ильич заявил, что «инцидент в Кронштадте, несомненно, принес вред партии», и потребовал усилить партийный контроль. В Кронштадт 18 мая выехал член ЦК РСДРП(б) рабочий Г. Ф. Федоров, а в Петроград явился для объяснений председатель Кронштадтского комитета большевиков Ф. Ф. Раскольников.

В. И. Ленин сурово критиковал партийцев города-крепости за то, что они поддержали скороспелое решение и не согласовали свои действия с Центральным Комитетом. Вместе с тем Владимир Ильич советовал не отказываться от резолюции, поскольку она уже получила всероссийскую известность и по существу соответствовала истинному положению дел в городе. Ленин предупредил, что реакция постарается использовать тактическую ошибку кронштадтцев для того, чтобы поставить их на колени, и развернет наступление на революцию и партию большевиков.

Так и случилось. Временное правительство при прямом участии соглашателей из Петроградского Совета начало настоящий крестовый поход на Кронштадт. Черносотенная, желтая, бульварная пресса подняла неистовый вой, обливая революционный город потоками

клеветы: «Кронштадт отложился от России, объявил себя самостоятельной республикой, выпускает собственные денежные знаки, собирается обстреливать Петроград, все арестованные офицеры вырезаны...»

В Кронштадт «наводить порядок» прибыли лидеры соглашателей Чхеидзе, Гоц, Анисимов, затем — министры Церетели и Скобелев. А делегации кронштадтцев пришлось выдержать настоящий бой на бурном заседании Петроградского Совета. Положение кронштадтских большевиков было исключительно трудным. От революционного города требовали немедленно и беспрекословно выполнять все предписания Временного правительства, освободить арестованных офицеров, отказаться от принципа выборности должностных лиц, в частности не претендовать на выборность комиссара. В противном случае собирались двинуть войска, лишить крепость продовольствия.

Как и предвидел В. И. Ленин, Кронштадт действительно хотели поставить на колени. Но ничего из этого не вышло. Двухнедельная острая борьба закончилась компромиссом. Кронштадтцы отстаивали право избирать комиссара, он подлежал только последующему утверждению правительством. Освободить или перевести в Петроград арестованных офицеров кронштадтцы наотрез отказались. А самое главное — Кронштадт ни на пядь не отступил от своих позиций в оценке правительства. Об этом говорит принятое 27 мая обращение Кронштадтского Совета рабочих и солдатских депутатов «От кронштадтских матросов, солдат и рабочих революционному народу Петрограда и всей России»:

«Мы считаем, что нынешнее Временное правительство... не хочет и не сможет стать подлинным правительством демократии... не служит подлинным интересам народа, а идет на поводу у имущих и эксплуатирующих классов». Обращение заканчивалось словами: «Мы, кронштадтцы, остаемся на своем посту, на ле-

вом фланге великой армии русской революции. Мы надеемся, мы верим, мы убеждены, что каждый новый день будет все больше раскрывать глаза самым темным и отсталым слоям русского народа и что близок час, когда объединенными силами трудящихся масс вся полнота власти в стране перейдет в руки Совета рабочих и солдатских депутатов. Вам, братья по революции в Петрограде и во всей России, мы протягиваем нашу руку, мы, матросы, солдаты и рабочие Кронштадта. Наша связь нерасторжима. Наше единство нескруσιμο. Наша верность незыблема».

Это обращение было напечатано в большевистских и других революционных газетах Петрограда, Москвы, Кронштадта, Гельсингфорса, Ревеля, выпущено отдельной листовкой многотысячным тиражом, распространено по всей стране. Оно сыграло важную роль в агитационной работе партии большевиков, в широком разъяснении взглядов передового отряда революционных масс на коренные проблемы времени.

Кронштадтцы успешно преодолевали неблагоприятные последствия своего преждевременного шага. В. И. Ленин высоко оценил их деятельность, защищал революционный город от нападков реакции. 28 мая «Правда» опубликовала статью Владимира Ильича «Один принципиальный вопрос», в которой вождь партии писал:

«Кронштадтский инцидент имеет для нас в двух отношениях принципиальное значение.

Во-первых, он обнаружил давно уже подмеченный нами, признанный официально в резолюции нашей партии (о Советах) факт, что *на местах* революция зашла дальше, чем в Питере...

Во-вторых, кронштадтский инцидент поставил один очень важный принципиальный, программный вопрос... Это — вопрос о праве центральной власти *утверждать* выборных должностных лиц местного населения».

Ленин подчеркивал необходимость последовательной борьбы за принципы самоуправления, разоблачал Временное правительство, грубые угрозы которого называл неумными, нелепыми и служащими только контрреволюции.

О Кронштадте заговорила вся страна. Сюда направлялись десятки делегаций с фронта и из тыла. Некоторые из них приезжали предубежденными, готовыми обвинять кронштадтцев в анархии, в предательстве интересов народа. Но, судя по многочисленным резолюциям, высказываниям, письмам и телеграммам, не нашлось ни одной делегации, которая покинула бы Котлин с таким же настроением. Жизнь революционного города агитировала лучше любых ораторов.

Кронштадт в свою очередь посылал по всей стране своих представителей. Это делалось не только для того, чтобы развеять клевету, но и чтобы «двинуть вперед революцию». Кронштадтцы чувствовали свою личную ответственность за то, как живет людям в самых дальних уголках страны. Сказывалась и кровная связь матросов и солдат со своими родными селами и городами, со своими домами, откуда шли большей частью невеселые вести. В городе работали 48 губернских и 5 национальных землячеств. В мае из их представителей был создан Совет крестьянских депутатов. Члены землячеств, независимо от их партийной принадлежности, в поездках по деревням отстаивали главным образом большевистские лозунги о мире, земле и власти, ибо они отвечали интересам бедноты.

Ежемесячно из Кронштадта уезжало в провинцию по 400—500 человек. Для них были созданы агитаторские и сельскохозяйственные курсы. Их снабжали литературой. Выписывали им командировочные удостоверения, в которых делегатам города-крепости предлагалось оказывать всяческое содействие. Посланцы ре-

волюционного острова несли в родные или совершенно незнакомые края большевистскую правду, революционный опыт, свою ненависть к буржуазному строю.

Каждая такая поездка оставляла неизгладимый след в сознании крестьян и рабочих, поднимала работу местных большевистских организаций и Советов.

Это влияние встревожило буржуазию. Реакция требовала от Временного правительства, чтобы оно пресекло деятельность кронштадтцев в губерниях. Газета «Речь», центральный орган кадетской партии, буквально захлебывалась от негодования. «Такие эмиссары,— поучала «Речь»,— должны почитаться самозванцами и пользоваться «бесплатным проездом» лишь при отправлении по этапу».

Буржуазия и ее слуги попытались расколоть единство балтийцев. Для этих надежд у клеветников имелись основания, так как некоторые части гарнизонов Ревеля и Гельсингфорса, команды нескольких кораблей находились под влиянием эсеров и стали высказываться враждебно по отношению к кронштадтским порядкам. Возникла угроза, против которой нужно было принять неотложные меры. С этой угрозой успешно боролся Центральный комитет Балтийского флота — матросская организация, созданная в Гельсингфорсе 28 апреля по инициативе большевиков. Во главе Центробалта стал Павел Дыбенко, в прошлом — кронштадтец. Он и его товарищи пользовались огромным авторитетом среди моряков.

Кронштадтский Совет направил делегацию по северному и южному побережьям Финского залива. Девять посланцев города-крепости за 10 дней, начиная с 7 июня, побывали в Выборге, Гельсингфорсе, Або, Ревеле, на кораблях, в казармах, встретились с работниками местных Советов, выступали на многочисленных митингах. «Повсюду,— писала большевистская газета

«Волна»,— кронштадтцы встречали самый восторженный прием».

С исключительным успехом прошла поездка делегации Кронштадтского Совета на фронт. 36 человек во главе с разъездным агитатором Кронштадтского комитета РСДРП(б), кочегаром линкора «Заря свободы» П. Д. Хохряковым 24 дня находились в расположении 1, 5, 7 и 12-й армий, выступили перед тысячами солдат, сильно способствовали их большевизации. Участник этой поездки матрос-большевик А. Я. Попов вспоминал, что нередко кронштадтцев на руках несли с митинга на митинг, а прощаясь, выстраивались в длинные очереди, чтобы обнять и поцеловать кого-либо из агитаторов, принесших в окопы ленинскую правду.

После «кронштадтского инцидента» укрепились постоянные связи большевиков города-крепости с ЦК РСДРП(б) и лично с В. И. Лениным. Владимир Ильич, по словам Раскольников, потребовал «ежедневно звонить по телефону из Кронштадта в редакцию «Правды», вызывать к аппарату его самого и докладывать ему важнейшие факты кронштадтской политической жизни». Теперь Ленин лично направлял каждое ответственное выступление кронштадтцев. 18 июня они во главе с Кириллом Орловым участвовали в демонстрации в Петрограде, прошли по улицам столицы, скандируя большевистские лозунги. Но особенно активно проявили они себя в дни июльского кризиса.

К началу июля обстановка во всей стране, и в первую очередь в столице, резко накалилась. Народные массы, возмущенные политикой Временного правительства, рвались в бой с буржуазией. Партия большевиков считала выступление против правительства преждевременным. Но стихийное движение солдат петроградского гарнизона и рабочих удержать не удалось. Особым нетерпением отличался 1-й пулеметный полк. Пулеметчики решили немедленно выйти на ули-

цу с оружием в руках и добиться перехода всей власти к Советам. К ним стали присоединяться другие воинские части, заводы и фабрики.

3 июля в Кронштадте было спокойно. В переполненном Морском манеже шла лекция о войне и мире. Вдруг возле трибуны появились матрос и двое солдат — делегация 1-го пулеметного полка и питерских анархистов. Один из прибывших крикнул:

— Товарищи! В Петрограде, может быть, уже льется кровь, а вы здесь сидите, лекции слушаете!

Тишина взорвалась возгласами:

— К оружию! В Петроград! Поддержим!

Тысячи людей бросились на Якорную площадь. Напрасны были успокоительные речи руководителей комитета РСДРП(б) — их не слушали. Даже своему любимому оратору Семену Рошало огромная толпа кричала «долой!». Матросы и солдаты поняли одно: рабочие Петрограда, которые в самые драматические моменты всегда протягивали им руку помощи, в опасности. Как же кронштадтцы могут не прийти к ним на помощь?! Лишь к вечеру большевикам все уже удалось доказать, что вредно для дела теперь же идти на пристань, что поездку нужно как следует организовать. Создали комиссию для учета оружия, плавсредств и выяснения положения в Петрограде. Только после этого Якорная площадь опустела.

Около 2 часов ночи руководители Кронштадтского комитета партии, к их радости, услышали по телефону о решении объединенного совещания ЦК и ПК РСДРП(б) возглавить движение и провести мирную демонстрацию. И вот утром 4 июля около 10 000 вооруженных матросов, солдат и рабочих прибыли на судах в Петроград. Путь колонны лежал к Таврическому дворцу, где работал Петроградский Совет. Но кронштадтцы решили прежде идти к особняку Кшесинской, чтобы увидеть Ленина.

С балкона к кронштадтцам обратился Я. М. Свердлов, затем — А. В. Луначарский. Но демонстранты кричали: «Ленина! Ленина!»

«Я и еще кто-то,— рассказывал Флеровский,— забегали во дворец, нашли Владимира Ильича... Ленину нездоровилось, он не хотел говорить. Уступая нам, он вышел на балкон...» Могучим «ура!» встретили матросы, солдаты и рабочие вождя революционного народа.

Кронштадтцы вновь построились. С развернутым знаменем ЦК РСДРП(б) вышел из дворца Михаил Мартынов. Знамя реяло во главе колонны на всем ее пути к Таврическому дворцу. Когда голова колонны свернула с Невского проспекта на Литейный, с крыш и чердаков, из окон началась пулеметная, винтовочная и револьверная стрельба. Контрреволюция провоцировала вооруженное столкновение, чтобы расправиться с пролетариатом, обвинить большевиков в кровопролитии. Этот замысел не удался. В три часа колонна подошла к Таврическому дворцу в строгом порядке, под звуки оркестра. Но состояние кронштадтцев после этой стрельбы было нервным. Только в Мариинскую больницу, находившуюся по соседству, были доставлены трое убитых и 60 раненых. Большевики с трудом удержали моряков от ответных действий.

Эсеро-меньшевистские вожаки предали интересы революционного народа. Они сговорились с Временным правительством и стали лихорадочно собирать силы для расправы над демонстрантами. Учитывая это, большевистская партия решила закончить мирную демонстрацию. Руководители кронштадтцев встретились в Таврическом дворце с В. И. Лениным, работниками ЦК и ПК РСДРП(б) и приняли план действий, по которому рабочие, солдаты и основная часть матросов в тот же день вернулись в Кронштадт. Только отряд Машинной школы и учебного судна «Океан» разместились во дворце Кшесинской для его охраны.

Реакция, поддержанная эсерами и меньшевиками, сплотила в Петрограде значительные силы «верных» войск. Временное правительство намеревалось уничтожить кронштадтцев любыми средствами, вплоть до артиллерии, требовало немедленно сдать оружие. Но на все угрозы и ультиматумы матросы отвечали категорическим отказом. Лишь подчиняясь воле партии большевиков, они не приняли боя и 6 июля покинули дворец Кшесинской, а затем и Петропавловскую крепость, благополучно вернулись домой. Ленинская партия не допустила кровопролития, вывела из-под удара передовые отряды пролетариата, сохранила силы для решительного и победоносного сражения с буржуазией.

«КОНЧИЛОСЬ ВАШЕ ВРЕМЯ!»

После июльского кризиса контрреволюция перешла в наступление. В первую очередь она решила расправиться с руководителями большевистской партии и с Балтийским флотом, в особенности с наиболее революционными командами кораблей и Кронштадтом. 7 июля Керенский приказал распустить Центробалт, в 24 часа арестовать «зачинщиков», «а также принести заверения в полном подчинении Временному правительству». «Объявляю командам Кронштадта и этих кораблей,— писал Керенский,— что в случае неисполнения моего приказа они будут объявлены изменниками родины и революции и против них будут приняты самые решительные меры». Керенский распорядился закрыть большевистские газеты в Гельсингфорсе, Ревеле и Кронштадте, «как орудие преступления», произвести в редакциях и типографиях «самый тщательный обыск». В тюрьму попали Раскольников, Рошаль, Брегман, Дешевой и другие кронштадтцы.

Ясным июльским днем на Петроградскую пристань Котлина высадились солдаты карательного отряда. 200

самокатчиков действовали по-фронтальному: быстро рассыпались в цепь, окопались, выставили пулеметы. Их командир штабс-капитан Артамонов явился в Кронштадтский Совет и предъявил ультиматум: заменить выборных комиссара и коменданта правительственными. Прибыл с ним и новый комендант — капитан 1-го ранга Тырков. Временное правительство поручило ему «навести порядок» в революционном городе. Тырков немедленно приступил к расформированию 1-го Балтийского флотского экипажа, закрытию политических клубов, к обыскам и угрозам.

Но реакция переоценила свои силы. «Островное положение Кронштадта и наличие в нем солидной вооруженной силы спасло нашу парторганизацию от разгрома, и большевики Кронштадта с удвоенной энергией вели свою работу под руководством ЦК партии», — писал матрос-большевик И. Н. Колбин. Большевики по-прежнему оставались самой влиятельной силой в Совете, а он, как и раньше, был хозяином города. Командиру карательного отряда кронштадтцы со спокойной уверенностью ответили, что от права выбирать себе комиссара они отказываться не собираются. И при этом намекнули, что у штабс-капитана слишком мало сил для предъявления ультиматумов. Приготовившихся к бою самокатчиков накормили обедом и с миром отправили обратно. А их командир Артамонов неожиданно заявил, что ему здешние демократические порядки очень нравятся, и остался в городе-крепости. В тот же день, 14 июля, части 5-й армии, вызванные с фронта, заняли Красную Горку и повернули орудия форта в сторону Кронштадта. Но делегаты солдат, прибыв на Котлин, убедились, что их обманули: никакой «анархией и контрреволюцией» здесь и не пахло. И «усмирители» стали друзьями кронштадтцев.

На другой день в крепость прибыла правительственная следственная комиссия. Ей надлежало выявить

организаторов июльской демонстрации. Комиссия разослала повестки ответственным работникам Совета и комитета РСДРП(б). И никого не дождалась. А когда члены комиссии появились на улице, их встречали улюлюканьем и свистом. Совершенно безуспешным оказался и визит Тыркова на линкор «Заря свободы». По приказанию морского министерства и прокурора Петрограда он должен был арестовать здесь... Ленина. Буржуазная пресса уже на все лады расписала, что вождь большевиков скрывается в Кронштадте. Тырков, явившись на судно, собрал команду и приказал найти Ленина. Матросы «Зари свободы» давно отдали большевикам свои симпатии. Если бы Ленин действительно находился на линкоре, то никакие силы не заставили бы матросов выдать его. Приказание Тыркова вызвало только смех, злые шутки, от которых коменданту стало не по себе. Но его распоряжение выполнили — матросы разбежались по кораблю, и через несколько минут председатель судового комитета большевик И. А. Загвоздкин доложил, не скрывая издевки, что на корабле «посторонних не обнаружено». Положение Тыркова было комическим. И он поспешил покинуть корабль, а на следующий день счел за благо вовсе убраться из Кронштадта. На освободившееся место Совет, не спрашивая мнения Временного правительства, выбрал беспартийного учителя Парчевского, да и того вскоре отстранил от должности.

Ничего не вышло у правительства и с закрытием «Голоса правды». С 14 июля газета только стала иначе называться — «Пролетарское дело». В тот день, когда Тырков пошел арестовывать Ленина на «Зарю свободы», в газете было напечатано письмо Владимира Ильича по поводу его ухода в подполье.

В июльские дни реакция разгромила редакции большевистской печати, конфисковала партийное издательство. Функции центрального органа партии стала фак-

тически выполнять кронштадтская газета. Она выходила ежедневно тиражом в 12 тысяч экземпляров, доставлялась в Петроград, рассылалась по всей России. Редактировал ее в то время П. И. Смирнов. Здесь кроме «Письма в редакцию „Пролетарского дела"» впервые опубликованы статьи В. И. Ленина «Политическое положение», «Благодарность князю Г. Е. Львову», «На что могли рассчитывать кадеты, уходя из министерства?».

Исключительно важное значение имела работа В. И. Ленина «К лозунгам». В ней Владимир Ильич обосновал необходимость временно снять лозунг «Вся власть Советам!», поскольку он не соответствовал политической обстановке. Со всей ясностью вождь революции заявил, что мирным путем власть теперь взять нельзя, что на повестку дня становится вооруженное восстание. В. И. Ленин потребовал перестроить всю агитацию в массах с учетом опыта июльских дней. Работа написана в середине июля, когда В. И. Ленин находился в подполье за озером Разлив, а напечатана отдельной брошюрой в Кронштадте. Она сыграла громадную роль в проведении VI съезда РСДРП(б). В руках делегатов брошюра появилась в тот самый момент, когда наступила очередь обсуждать основной вопрос — политическое положение в стране. Все жадно принялись за чтение работы вождя. Ленинские положения звучали в докладах и выступлениях. Мысли Владимира Ильича, сделанный им анализ обстановки имели решающее значение для успешной работы съезда.

Многие посланцы партии с большой теплотой говорили о выдающейся роли Кронштадта в развитии революции, о «заразительной силе» его борьбы с Временным правительством и соглашательскими партиями. На съезде было предоставлено слово для отдельных докладов лишь трем наиболее важным городам: Петро-

граду, Москве и Кронштадту, от имени большевистской организации которого выступил Флеровский.

6 августа группа делегатов VI съезда РСДРП(б) — В. Володарский, П. Джапаридзе, А. Слуцкий, Н. Подвойский — вместе с питерскими и сестрорецкими рабочими отправилась на Котлин. С огромным ликованием встретили кронштадтцы посланцев партии и пролетариата. Представители ЦК РСДРП(б) и другие гости выступили на многотысячном митинге, который проходил на Якорной площади. На делегатов съезда революционность масс и образцовый порядок в городе произвели глубокое впечатление.

Сердечная встреча с видными деятелями партии способствовала дальнейшей большевизации матросов, солдат и рабочих Кронштадта. Многие из них под влиянием июльских событий резко отшатнулись от эсеров. Этот процесс усилился после корниловского мятежа.

27 августа, в день, когда корниловские войска двинулись на Петроград, на заседание Кронштадтского Совета прибыли представители крейсера «Аврора». Они сообщили о контрреволюционном мятеже, об обстановке в столице. Немедленно Совет ввел в крепости военное положение, назначил комиссаров на решающие участки, направил своих представителей в Ораниенбаум, Петергоф, Сестрорецк, установил прямую связь с ревкомом Гельсингфорса, усилил гарнизоны фортов Красная Горка и Ино, вызвал учебные суда, приступил к формированию Красной гвардии из рабочих.

Исключительно важное значение имело создание при Совете Военно-технической комиссии, в которой сосредоточилось все руководство борьбой с контрреволюцией. Распоряжения комиссии подлежали беспрекословному выполнению. По существу в дни борьбы с корниловщиной в Кронштадте родился Военно-революционный комитет, которому в скором времени

предстояло практически готовить вооруженное восстание.

Кронштадтский Совет делегировал во ВЦИК матрос-большевиков А. Г. Пронина и И. Н. Колбина. Они заявили Чхеидзе о готовности выступить в защиту революции и предъявили требования кронштадтцев: освободить арестованных товарищей и вернуть оружие, захваченное правительственными войсками в июльские дни. Но беседа с одним из лидеров соглашателей только разозлила балтийцев. Чхеидзе юлил, заискивал перед ними, уговаривал «забыть старые обиды», обещал вернуть оружие, но об освобождении арестованных высказался очень неопределенно. Оказалось, что эсеро-меньшевистский ВЦИК считал это нежелательным.

Раздосадованные кронштадтцы направились к Я. М. Свердлову. Яков Михайлович хорошо понимал их, но напомнил точку зрения ЦК РСДРП(б): нужно и выступить против Корнилова, и продолжать борьбу с Временным правительством и соглашателями из ВЦИК. Все сомнения были рассеяны. Пронин и Колбин, вновь придя к Чхеидзе, сказали, что Кронштадт может выслать против Корнилова несколько тысяч бойцов, но опять настойчиво повторили свои требования.

29 августа делегаты отчитались перед Кронштадтским Советом о результатах поездки. И Совет решил ввести во ВЦИК четырех своих представителей: профессионального партийного работника И. Флеровского, электромонтера И. Рыбакова, рабочего порта И. Куканова и мастера судостроительной мастерской А. Руднева. Им дали предложенный большевистской фракцией наказ с широкой программой демократических требований. Причем в наказе говорилось, что эти требования можно осуществить только при переходе власти в руки рабочих, крестьян и солдат. Перепуганное руководство ВЦИК не посмело спорить и признало полномочия представителей революционного города.

В тот же день около 3600 матросов, солдат и рабочих Кронштадта с командирами и комиссарами во главе отрядов, в полной боевой форме, с пулеметами и трехдневным запасом продовольствия прибыли для защиты столицы. «Отрадно было смотреть, — писала газета «Рабочий», — как эти верные сыны революции, вооруженные с ног до головы, стройными рядами шествовали по Невскому проспекту, вызывая бодрящее настроение у рабочих и явно неприязненное отношение у обычной буржуазной публики, слоняющейся на этой людной улице нашего города». Кронштадтцы не только поставили надежные заслоны на пути контрреволюционных генералов, но и в самом Петрограде навели порядок: охраняли все важнейшие объекты, арестовывали монархически настроенных офицеров. По городу днем и ночью ходили матросские патрули.

В дни корниловщины Кронштадтский Совет открыто заявил, что он стал на защиту не правительства Керенского, а завоеваний революции. В его резолюции от 26 сентября Временное правительство названо «правительством предательства революции». И действительно, Временное правительство в стоворе с английскими и французскими империалистами пошло на величайшее преступление: готовило сдачу Петрограда немцам. Некоторые военачальники сознательно оставили войска, оборонявшие Моонзунд, чтобы открыть врагу путь к революционной столице. Тогда боевые операции вместе с офицерами-патриотами возглавили комиссары Центробалта. В морском сражении героически воевали против несравненно более сильного противника революционные корабли. Флот и матросские отряды понесли большие потери, но план международной реакции сорвали.

На подлое намерение разоружить форты Кронштадта ответил II съезд представителей Балтийского флота. Инициаторами его созыва явились кронштадтцы.

Съезд проходил с 25 сентября по 5 октября под большевистскими лозунгами и принял чрезвычайно важные документы. А что касается Керенского, то съезд по сути дела объявил его вне закона. Делегаты, разгневанные клеветой министра-председателя на славный Кронштадт, постановили потребовать от ВЦИК «немедленного удаления из рядов Временного правительства социалиста в кавычках и без кавычек, антиполитического авантюриста Керенского, как лицо, позорящее и губящее своим бесстыдным политическим шантажом в пользу буржуазии великую революцию, а также вместе с нею весь революционный народ». Как справедливо писал матрос-большевик Н. А. Ховрин, это решение «знаменовало собой окончательный разрыв Балтийского флота с правительством». С той поры уже не возникал вопрос: за кем пойдет флот? Теперь спрашивали: когда балтийцы выступят?

Но балтийцы, наученные горьким опытом военных бунтов, воспитанные партией большевиков, ждали сигнала Центрального Комитета РСДРП(б). И, не теряя ни дня, усиленно, планомерно готовились к решительному штурму. Партия отводила Балтийскому флоту важнейшую роль в предстоящей борьбе. Об этом свидетельствует «Письмо к товарищам большевикам, участвующим на областном съезде Советов Северной области», написанное В. И. Лениным 8 октября. Вождь революции указывал, что успех восстания могут и должны решить Питер, Москва, Гельсингфорс, Кронштадт, Выборг и Ревель. Столь высокая оценка Кронштадта наряду с другими опорными пунктами революции содержится в ряде ленинских документов, написанных в дни напряженной практической подготовки восстания.

И кронштадтцы показали, что большевики могут всецело на них положиться. Отношение матросов, солдат и рабочих города-крепости к ленинской партии на-

глядно выразилось в итогах выборов в Учредительное собрание. Балтийские моряки выдвинули своими кандидатами В. И. Ленина и П. Е. Дыбенко. За вождя революции и его соратника проголосовали 33 929 кронштадтцев, или 83,9 процента избирателей! Это означало, что в решающий момент по зову партии большевиков поднимется весь город, весь гарнизон крепости, выступят все корабли и суда.

Не понимать этого не могли и враги. Они предприняли в начале октября еще одну попытку разоружить форты Кронштадтской крепости. Керенский еще в июле предложил «упразднить Кронштадтскую крепость и сделать из Кронштадта базу снабжения, место разных складов и т. д.». Разумеется, Временное правительство немедленно согласилось с его доводами. Но с ними не согласились кронштадтцы. Как ни убеждал их на заседании исполкома Совета полковник генерального штаба и заместитель председателя ВЦИК эсер Филипповский, матросы, солдаты и рабочие остались непреклонными. «Неужели вы думали, что правительству Керенского мы можем доверить хоть одну нашу винтовку? — сказал на заседании исполкома Совета руководитель его большевистской фракции И. П. Флеровский. — Нет, винтовки и пушки нам нужны для других целей».

8 октября исполнительный комитет Кронштадтского Совета направил своих представителей, матроса А. Пронина и рабочего С. Кудинского, в Исполком Петроградского Совета, ставшего с 31 августа большевистским, для бесперебойной связи. 21 октября Пронин и унтер-офицер 2-го крепостного пехотного полка С. Гредюшкс сообщили Я. М. Свердлову, что Кронштадт в любой момент может выслать в распоряжение Военно-революционного комитета около 20 тысяч человек. Яков Михайлович сказал: «Будьте в полной боевой готовности, ждите приказа о выступлении».

И вот настал великий переломный момент в истории России и всего человечества. Ленинская партия призвала народ к революционной борьбе. По поручению Военно-революционного комитета радиостанции «Авроры» из Кронштадта передали обращение ко всем солдатам и рабочим, зовущее их на защиту революции. Это было утром 24 октября. Впервые кронштадтская радиостанция заговорила от имени штаба восстания.

В два часа дня на совместном заседании исполнительный комитет Кронштадтского Совета и Военно-техническая комиссия решили, выполняя приказ ВРК об охране подступов к Петрограду, вывести линкор «Заря свободы» в Морской канал против станции Лигово. 12-дюймовые орудия линкора должны были поставить огневой вал на пути правительственных войск, если бы они попытались прорваться в Петроград по железной дороге от Ораниенбаума. Комиссаром линейного корабля стал член Кронштадтского комитета РСДРП(б) И. Н. Колбин. Были назначены и комиссары отрядов, создан штаб для руководства их действиями, отпечатано воззвание к рабочим и гарнизону Петрограда. С этим воззванием Пронин и член ВРК кронштадтец Л. Каллис прибыли в Смольный за последними указаниями. Между 3 и 4 часами утра они доставили в Кронштадт приказ о выступлении. Все это время не прекращалась напряженная работа. Около 5 часов утра 25 октября горнисты в казармах и на кораблях сыграли «общий сбор».

Ликованием встретили кронштадтские матросы, солдаты и рабочие приказ о долгожданном выступлении против Временного правительства, за власть Советов. Когда выборный командир 1-го Балтийского флотского экипажа П. И. Скворцов принес эту весть в свою часть, некоторые матросы пустились от радости в пляс. На учебном судне «Народоволец», которое было решено оставить в Кронштадте, никто не хотел, как вспоминал И. К. Глухаченков, нести вахту — все просились в свод-

ный отряд, в Питер. Как на праздник собирались и рабочие.

«В этот день у нас выросли крылья, — писал С. Н. Баранов, — нам хотелось подняться над планетой и крикнуть голосами исполинов:

— Слушай, трудовой народ!!! Сегодня настанет конец человеческому горю! Конец старому порядку!»

Революционный поход начался в седьмом часу утра. Под звуки оркестра, с протянутыми между мачтами кумачовыми лозунгами «Вся власть Советам!» один за другим снимались с якорей корабли: минный заградитель «Амур», заградитель «Хопер», превращенная за одну ночь в плавучий госпиталь яхта «Зарница», тральщик № 14, учебное судно «Африка», портовые пароходы, транспорты, баржи... 6 боевых и несколько вспомогательных кораблей, около 10 тысяч матросов, красногвардейцев и солдат двинулись в распоряжение штаба восстания. 7 хорошо вооруженных отрядов, и каждый боец был счастлив вступить в решительный бой...

Но не всем путь лежал прямо в Петроград. Седьмой отряд численностью в 706 человек под руководством командира С. Ф. Юрьева и комиссара Б. А. Бреслава направился в Ораниенбаум. Здесь кронштадтцы заняли вокзал, обезоружили офицеров и юнкеров, закрепили за собой железнодорожную линию. Оставив караулы в Ораниенбауме и Петергофе, отряд прибыл в столицу.

Линкор «Заря свободы» около полудня уже стал в Морском канале и взял под прицел орудий весь ливовский железнодорожный узел. На берег высадили десант с пулеметами. А затем комиссар корабля Иван Колбин во главе отряда матросов линкора отправился в столицу. Он оставлял «Зарю свободы» без всяких опасений: на командира корабля А. А. Кондратьева можно было положиться, этот кадровый офицер заслуживал полного доверия.

Суда основной флотилии бросили якоря в Неве вскоре после полудня. Они стали перед Николаевским мостом, недалеко от «Авроры». Тральщик № 14 прошел до Дворцового моста. Десант высыпал на Английскую и Университетскую набережные, быстро заполнил прилегающие площади и улицы.

Руководители восстания с нетерпением ждали кронштадтцев. Корабли из Гельсингфорса и Ревеля еще не успели подойти, первые из них вошли в Неву только к 7 часам вечера, а остальные прибыли лишь на следующий день, 26 октября. Опоздали из-за саботажа на железной дороге и эшелоны гельсингфорсских моряков. К штурму Зимнего подошел только небольшой головной отряд. Таким образом, в решающий момент ударный отряд восстания — флот был в основном представлен в Петрограде морскими частями гарнизона столицы и мощным кронштадтским десантом.

Через несколько минут после прибытия флотилии на палубу «Амура», где разместился штаб Кронштадтского сводного отряда, поднялся один из руководителей штурма В. А. Антонов-Овсеенко. Он вспоминал об этом:

«Несколько тысяч молодых стройных парней с винтовками в надежных руках заполняют палубу... Говорю им краткое приветствие именем Советской власти, указываю цель. Вот Зимний — последнее прибежище керенщины. Его надо взять!..

Говорю, гляжу на эти энергичные, нетерпеливые лица. Нет, этих не к чему агитировать. Могучий молодой вал докатился до Питера. Держись, Керенский!»

Антонов-Овсеенко объявил план штурма Зимнего и определил боевые задачи. Кронштадтцы могли гордиться: им, наряду с красногвардейцами Петрограда, отводили главную роль в осуществлении ленинского плана вооруженного восстания. В. И. Ленин, великий теоретик и практик революции, наметил этот план в не-

скольких письмах и статьях в течение сентября и октября. Владимир Ильич указывал в статье «Советы постороннего», что для победы необходимо наступление из рабочих кварталов столицы, из Финляндии, Ревеля и Кронштадта. И вот это наступление началось. Кронштадтцы вместе с другими отрядами революции выполняли ленинское указание о «скоплении *гигантского перевеса сил*». Вождь революции учил, что необходимо «комбинировать наши *три* главные силы: флот, рабочих и войсковые части». Все эти силы были мощно представлены в Кронштадтском сводном отряде. В. И. Ленин отметил и важнейшие пункты, которые нужно было занять и удержать «ценой *каких угодно потерь*»: телефон, телеграф, железнодорожные станции, «мосты в первую голову». И вот кронштадтцы, «*самые решительные* элементы» восстания, по указанию ВРК с оружием в руках пошли в бой за важнейшие пункты Петрограда.

Еще накануне, в 5 часов вечера 24 октября, по приказу Ф. Э. Дзержинского Главный телеграф заняли солдаты Кексгольмского полка во главе со своим комиссаром, кронштадтским большевиком А. М. Любовичем, опытным телеграфистом. Затем они участвовали в захвате Главного почтамта, овладели телефонной станцией, отключили аппараты Зимнего дворца и Главного штаба.

Отряд рабочих Пароходного завода численностью около ста человек получил приказ разоружить юнкерское училище на Васильевском острове. Красногвардейцы принудили сдаться застигнутых врасплох юнкеров. После этого кронштадтские рабочие выполнили новое задание: разоружили юнкеров Владимирского училища.

Матросы 1-го Балтийского экипажа во главе с командиром П. И. Скворцовым заняли Сенатскую площадь, затем вместе с кексгольмцами и Гвардейским

экипажем участвовали во взятии Мариинского дворца, где заседал контрреволюционный предпарламент.

Один из кронштадтских отрядов вместе с матросами «Авроры» и эсминца «Забияка» удерживал в своих руках Николаевский и Дворцовый мосты. Временное правительство еще 24 октября приказало развести мосты через Неву, чтобы разобщить революционные силы. Этот план был сорван.

Отряд под командованием И. Д. Сладкова занял Военный порт с мощной радиостанцией «Новая Голландия». Отряд В. М. Зайцева ворвался в Адмиралтейство, где находились морское министерство и морской генеральный штаб. Офицеры и чиновники были арестованы. В захвате здания Главного штаба участвовали кронштадтцы во главе с солдатом А. Н. Тютиным.

То и дело по сходням на палубу «Амура» избегали запыхавшиеся связные отрядов и возбужденно докладывали о новых успехах кронштадтцев. Начальник штаба сводного отряда П. И. Смирнов в 6 часов вечера сообщал своим товарищам, оставшимся на Котлине и фортах крепости, с нетерпением ждавшим вестей из Питера: «Доводим до сведения Исполнительного комитета и Военно-технической комиссии, что десант высажен и установлен окончательный контакт с петроградскими частями. Ждем дальнейшего наступления. Сейчас приступаем к окончательной операции по отношению к Зимнему дворцу и Штабу».

Последний оплот Временного правительства — Зимний дворец — был полностью блокирован. Готовясь к его штурму, кронштадтцы сосредоточились возле Адмиралтейства, на Английской набережной, в Александровском саду, на Исаакиевской площади. Они стали ударной силой левого участка атакующих — вместе с матросами «Авроры» и красногвардейцами Василеостровского, Нарвского, Московского и 2-го Городского районов. Перед ними, ярко освещенный прожектором

«Авроры», высился дворец. Тысячи людей в эти минуты напряженно ждали сигнала к решительному штурму. Были наготове и команды кораблей, занявших боевые позиции на Неве.

И вот грохнула шестидюймовка «Авроры». По ее сигналу ринулись к Зимнему дворцу цепи восставших. В темноте холодной осенней ночи, в режущих глаза всполохах прожекторов и вспышках выстрелов в едином порыве устремились они вперед.

«Это был героический момент революции, грозный, прекрасный и незабываемый, — писал Н. И. Подвойский. — Во тьме ночи, озаряемые мечущимися молниями выстрелов, со всех прилегающих улиц и из-за ближайших углов, как грозные тени, неслись цепи красногвардейцев, матросов, солдат, спотыкаясь, падая и снова поднимаясь, но ни на секунду не прерывая своего стремительного, подобного урагану потока.

Лязг оружия, визг и треск тарыхтящего по мостовой «максима», стук железных подков на тысячах тяжелых солдатских сапог, скрипы броневикулов — все смешалось на Дворцовой площади...»

В этой грозной лавине атакующих плечом к плечу со своими братьями по классу штурмовали Зимний матросы, солдаты и рабочие красного Кронштадта. Они преодолели покинутые юнкерами баррикады, ворвались на лестницы, рассыпались по коридорам и залам огромного здания. То в одном, то в другом месте, тесня отступающих юнкеров, появлялись любимцы Балтики, отважные сыновья Кронштадта, среди них — Анатолий Железняков, Иван Колбин, Владимир Зайцев... Командиры и комиссары отрядов, они увлекали за собой бойцов революции.

Вот и Малахитовый зал. Около двух часов ночи на 26 октября в него, сменя последнюю жидкую цепочку юнкеров, ворвались руководители штурма В. А. Антонов-Овсеенко и Г. А. Чудновский во главе группы бой-

цов. И здесь — кронштадтцы. «Там мы находим целую группу людей, изображавших Временное правительство... Они сидят за столом и сливаются в одно серобледное трепетное пятно», — писал Антонов-Овсеенко.

Кронштадтцы участвовали в аресте и конвоировали в Петропавловскую крепость шестнадцать перепуганных министров, время которых в России кончилось навсегда. И сразу же по распоряжению Военно-революционного комитета кронштадтцы приняли под свою надежную охрану ценности Зимнего дворца. Его первым комендантом и комиссаром стал матрос Машинной школы Н. И. Второв. Внешнюю охрану дворца нес отряд под командованием члена исполкома Кронштадтского Совета Д. Ракитова, а внутреннюю — матросы яхты «Зарница». Они стали на посты в резиденции царей и капитала как подлинные хозяева свободной страны.

**ЧАСОВОЙ
СОВЕТСКОЙ
РОДИНЫ**

26 октября, когда делегаты II Всероссийского съезда Советов приняли первые декреты — о мире и о земле, реакция заявила о своих планах удушения революции. В тот день Кронштадт принял по радио извещение Центробалта: «Перехвачена телеграмма Духонина, который призывает командующих всех фронтов двинуть войска на Петроград». Войска Краснова — Керенского заняли Гатчину. В самом Петрограде действовал контрреволюционный «комитет спасения родины и революции», объединивший кадетов, эсеров, меньшевиков.

Революция была в опасности. По личному указанию Ленина в Кронштадте спешно сформировали матросский отряд в 3500 штыков. Под командованием матроса Зуева с комиссаром рабочим Кудинским в 7 часов утра 27 октября отряд двинулся выполнять первый боевой приказ Советской власти. Кронштадтцы разоружили остатки юнкеров в Петергофе и выступили к Царскому Селу, навстречу контрреволюционным частям. Положение оставалось тревожным, и Владимир Ильич вызвал корабли из Гельсингфорса, потребовал прислать помощь из Кронштадта. Все резервы уже были отправлены, но 29 октября кронштадтцы послали в столицу сборные роты 1-го пехотного полка, 1-го Балтийского экипажа, несколько взводов моряков, отряд Красной гвардии.

Они оказались как нельзя более кстати. В ночь на 29 октября юнкера Михайловского, Павловского, Николаевского, Владимирского, Константиновского военных училищ и ударники, стоявшие во дворце Кшесинской, подняли мятеж. Заговорщики рассчитывали, что удар

в спину Советской власти поможет войскам Керенского и Краснова быстрее справиться с ней. Но бойцы революции были наготове. Военно-революционный и Военно-морской революционный комитеты немедленно бросили большие силы на ликвидацию мятежа. Кронштадтские матросы, солдаты и рабочие участвовали в упорных боях.

После ликвидации мятежа кронштадтцев из Петрограда направили под Пулково и Царское Село. Туда же пришел отряд в 590 человек во главе с комиссаром Василием Громовым и еще 370 морских артиллеристов с трехдюймовками с форта Ино. Батареями командовал мичман С. Ф. Юрьев. Меткая стрельба балтийцев вносила панику в ряды мятежников, заставила их отступить. В тылу противника работала группа агитаторов-кронштадтцев во главе с Тимофеем Ульянцевым. Свыше 10 тысяч моряков было послано в те дни на Гатчинский фронт. О их боевых делах Военно-революционному комитету сообщали: «Матросы держат себя героически...»

30 октября революционные войска заняли Царское Село, 1 ноября вошли в Гатчину. Через два дня на мачте морского телеграфа в Кронштадте, на флагштоках кораблей взвились алые полотнища. Бастион революции приветствовал доблестных защитников Советской власти, возвращавшихся в родную гавань. Победа стоила многих жертв. П. И. Скворцов писал, что после боев с мятежниками в 1-м Балтийском флотском экипаже из 760 моряков осталось в живых только 400. Большие потери понесли и другие части. Некоторых погибших героев похоронили в братской могиле на Якорной площади.

Под Петроградом в те дни враг был повержен. А в Москве шли упорные бои. Туда по указанию В. И. Ленина из Петрограда и Кронштадта направили большие силы. Это задание выполнял Иван Колбин, Владимир

Ильич лично его инструктировал. На помощь московским рабочим 29 октября выехали 500 кронштадтцев, 31 октября — 2000 моряков и красногвардейцев, а 2 ноября отправились несколько эшелонов с войсками под общим командованием члена ВРК К. С. Еремеева. Матросским эшелоном руководили командир Федор Раскольников, комиссар Николай Ховрин, начальник штаба Александр Ильин-Женевский. Здесь находились Анатолий Железняков, Алексей Баранов и другие кронштадтцы. В Москве отряд обезвреживал контрреволюционные и бандитские гнезда, а затем двинулся на юг, в Донбасс.

Не только силой оружия, но и саботажем, голодом, развалом транспорта пыталась контрреволюция свалить Советскую власть. Враги рассчитывали, что народ не сумеет наладить жизнь страны, управлять государством и придет на поклон к буржуазии. «Самая хорошая глушка не может заменить плохой пишущей машинки и самый храбрый матрос — скромного писца из какого-нибудь департамента», — подстрекал чиновников соглашательский журнал. Но и эта надежда эксплуататоров, их слуг не сбылась. Матросы не только заменили писцов, но с успехом руководили многими государственными учреждениями.

Кронштадтцы составили значительную часть первых сотрудников Народных комиссариатов продовольствия, труда, народного просвещения. Отряд, поступивший в распоряжение В. Р. Менжинского, обеспечил национализацию и охрану банков, работу финансовых учреждений. Федор Раскольников стал заместителем наркома по морским делам, Владимир Зайцев — комиссаром внутренних водных путей страны, Артемий Любович — заместителем народного комиссара почт и телеграфов. О Николае Маркине Я. М. Свердлов сказал с уважением: «...простой матрос, он был долгое время фактически управляющим действиями Комиссариата

иностранных дел». С помощью флотских специалистов Маркин организовал расшифровку тайных договоров царского и Временного правительств с империалистическими государствами, быструю публикацию этих документов. Его работе придавал большое значение В. И. Ленин, отметил ее в речи на I Всероссийском съезде военного флота. В том же выступлении, говоря о борьбе с саботажем, призывая «практически учиться управлять страной», Владимир Ильич подчеркнул: «В этом отношении во флоте мы видим блестящий образец творческих возможностей трудящихся масс, в этом отношении флот показал себя, как передовой отряд».

Важными участками борьбы с саботажем были связь и транспорт. И здесь кронштадтцы действовали образцово. Корабельные телефонисты и телеграфисты, слушатели Электроминной школы полностью заменили саботажников на узлах связи. Исполком Кронштадтского Совета сформировал отряд, который расположился на железнодорожных станциях магистрали Москва — Петроград, а потом и на других линиях. В. Д. Бонч-Бруевич отметил, что такие отряды «заставили железнодорожников работать по-военному».

Военно-революционный комитет распорядился проверить на Петроградском железнодорожном узле все вагоны, склады, пакгаузы, а также учесть запасы муки в пекарнях города. Для выполнения этой задачи Тимофею Ульянцеву поручили сформировать 10 отрядов по 50 человек «из наиболее сознательных товарищей-кронштадтцев». В результате были обнаружены сотни тысяч пудов зерна, муки, масла, сахара, рыбы. Иван Сладков ту же работу выполнял в Шлиссельбурге. Там застряли баржи с продовольствием, продукты расхищались. Отряд Сладкова прибыл в Шлиссельбург на буксире, навел в порту порядок и доставил баржи в Петроград.

Еще больше моряков отправилось в хлебные районы страны. Для этого уже 27 октября Военно-революционный комитет вызвал из Кронштадта большую группу матросов. Центробалт и Кронштадтский Совет сформировали 17 отрядов общей численностью 629 человек. Они не ограничивались заготовками хлеба, а вели агитацию за Советскую власть, становились ее организаторами и защитниками.

По всей России разлетелись орлы Кронштадта. Повсюду в центре бурных событий можно было увидеть крепкую, ладную фигуру в бескозырке и в бушлате. Повсюду в грохоте боев слышалось гордое и грозное: «Мы — из Кронштадта!»

Этот клич гремел в снегах под Псковом, где под огнем немецких войск в феврале 1918 года рождалась Красная Армия. Там воевала и особая группа кронштадтцев под командованием члена Центробалта Р. Р. Грундмана. Она была сформирована из специалистов минного дела и совершала диверсии в тылу у немцев. Множились опасности, нависшие над молодой Советской республикой. Белогвардейцы и интервенты рвались к Москве и Петрограду. Но всюду вставали перед ними красные цепи. Кронштадтцы дрались на кораблях — в Волжской, Днепровской, Северо-Двинской, Онежской флотилиях. Сражались и на сухопутье — в пехоте, в кавалерии, на «степных кораблях» — бронепоездах. Солдаты и рабочие города-крепости тоже шли в первых рядах революционных армий. Посланцы Пароходного завода влились в отряд, громивший банды Каледина, стали грудью на пути войск Юденича.

В степях Украины, в сыпучих песках Средней Азии, на каменных уральских тропах и таежных просторах Сибири отстаивали кронштадтцы Советскую власть. В очерке «Как дрались балтийцы» бывший пулеметчик канонерской лодки «Ваня-коммунист» и бронепоезда

«Коммунар» Всеволод Вишнеvский рассказал о таком отряде:

«Когда они уходили из Кронштадта, их было пятьсот. Пятьсот, и все, как один, похожие друг на друга, как сосны прибрежные.

После первого боя их осталось триста...

Они появлялись всегда там, где они были нужны... Если белые наступали цепями, как волнами, то они были волнорезом, о который эти волны разбивались. Они имели привычку никогда не отдавать своих позиций...

Когда они наступали, их порыв был неудержим — стремителен. Традиционное тогдашнее «даешь» боевым кличем проносилось по рядам, мешалось с огневым «ура» и замирало только тогда, когда на горизонте нельзя было увидеть ни одного живого белого...»

Это рассказ только об одном экспедиционном отряде. Но вместе с тем это и рассказ обо всех кронштадтцах, об их беспредельной преданности делу большевиков.

Для защиты завоеваний Октября Советской республике были нужны мощные вооруженные силы. Они рождались в огне боев. 15 января 1918 года Совет Народных Комиссаров принял декрет о создании Рабоче-Крестьянской Красной Армии, 29 января — о роспуске старого и создании Рабоче-Крестьянского Красного Флота. Основой Советских Вооруженных Сил стали отряды Красной гвардии и революционные матросы, добровольно оставшиеся служить на флоте.

В то время германские империалисты еще раз попытались прорваться к Петрограду. Для осуществления этого плана они стремились захватить Балтийский флот, наиболее мощные корабли которого находились в гаванях Ревеля и Гельсингфорса. Но Центральный Комитет партии и Совет Народных Комиссаров не собирались отдавать в руки врага грозную морскую силу респуб-

лики. 17 февраля правительство дало директиву Центробалту: немедленно перевести корабли из Ревеля в Гельсингфорс, а затем в Кронштадт.

Благодаря героическим усилиям заметно поредевших команд, отбиваясь от немецких самолетов, испытывая пехватку топлива, сквозь льды Балтики в Кронштадт на службу революции пришли 236 кораблей и судов. На них было доставлено десять тысяч русских беженцев из Эстонии и Финляндии, продовольствие и военная техника. Ледовый поход явился первой стратегической операцией советского флота. Она имела огромное значение для жизни республики, для победы в гражданской войне и дальнейшего развития военно-морских сил.

Покидая Финляндию, советские войска не могли оставить в руках враждебных сил мощный форт Кронштадтской крепости Ино. Его взорвали 14 мая с помощью телефонного кабеля, соединявшего Ино с Красной Горкой. Эта мера, необходимая в той обстановке, ослабила оборону Петрограда. А Германия продолжала угрожать Советской России. В Берлине открыто готовились к наступлению. Летом в восточной части Финского залива началось сосредоточение кайзеровского флота.

В. И. Ленин, понимая всю серьезность опасности, телеграммой начальнику морских сил Балтийского флота С. В. Зарубаеву и главному комиссару флота И. П. Флеровскому 9 августа распорядился немедленно усилить минное заграждение на подступах к Кронштадту. Оно было поставлено между маяками Шепелев и Стирсудден еще в начале первой мировой войны. По указанию вождя балтийцы 10 и 14 августа поставили здесь еще 1435 мин. Это заграждение в сочетании с огнем фортов Красная Горка и Серая Лошадь сыграло важную роль в обороне Кронштадта и Петрограда.

Брестский мир, затем ноябрьская революция в Гер-

мании прекратили враждебные действия немецкой армии и флота против Советской республики. Однако началась интервенция Антанты. Англия ввела свою эскадру в Финский залив. В конце декабря англичане захватили советские эсминцы «Спартак» и «Автроил». Агрессивность британцев, военные приготовления белогвардейцев в Эстонии делали неотложной задачу поднять боеспособность Балтийского флота.

Его основной базой на долгое время снова стал Кронштадт. В его гаванях и на рейдах стояли самые мощные корабли. Но все они были изранены, требовали серьезного ремонта. Чтобы скорее ввести их в строй, В. И. Ленин 2 января 1919 года подписал декрет об установлении сдельной оплаты на заводах морского ведомства. Необходимо было срочно усилить и Кронштадтскую крепость. 21 января правительство отпустило Наркомату по морским делам более 13 миллионов рублей на спешные оборонительные работы. В феврале на содержание усиленного гарнизона в Кронштадте было выделено еще 30 миллионов рублей. А 19 мая В. И. Ленин приказал «Петроградскому и Кронштадтскому портам производить работы по ремонту военных судов самым быстрым, энергичным порядком, без всякого ограничения времени, отнюдь не прекращая сверхурочных работ, ввести немедленно ночные работы».

Трудная задача выпала на долю рабочих Пароходного завода — привести в боевую готовность весь флот. Не хватало инструментов, материалов, топлива. Многие искусные мастера давно покинули станки и ушли защищать власть Советов. И все же корабли один за другим вступали в строй.

Однако Балтийский флот испытывал острую нужду в кадрах, топливе, продовольствии. Большинство кораблей пришлось поставить на консервацию, а для отражения врага сформировать Действующий отряд кораб-

лей из 3 линкоров, крейсера, 6 эсминцев, 4 миноносцев, 3 минных заградителей, 6 сторожевых кораблей, 7 подводных лодок, 8 тральщиков и вспомогательных судов.

В ночь на 13 мая 1919 года войска Юденича провалили фронт 7-й армии и к 21 мая вышли на подступы к Гатчине и фортам Кронштадтской крепости. Английские и белоэстонские корабли обстреливали берег, высаживали десанты и стремились заблокировать наши корабли, не дать им выйти за минно-артиллерийскую позицию. Однако им это не удавалось.

18 мая «Гавриил» сопровождал 4 тральщика, которые получили задание очистить Копорский залив от мин. Внезапно появились 4 вражеских миноносца. Командир «Гавриила» В. В. Севастьянов и комиссар Н. П. Лепешкин, не колеблясь, приняли бой. Умелый и отважный командир блестяще маневрировал и не давал врагу вести точный огонь. 1500 снарядов выпустили англичане. «Гавриил» получил 17 пробоин, но продолжал сражаться, спасая тихоходные тральщики. В бой вступил форт Серая Лошадь и подбил вражеский миноносец. Интервентам пришлось спасаться бегством.

В тот же день заговорила артиллерийская батарея, установленная белофиннами на территории форта Ино. Ее снаряды начали рваться на Красной Горке. В ответ загремели залпы 305-миллиметровых орудий. Вскоре на Ино возник пожар. Белофинская батарея умолкла. Вражеские самолеты почти ежедневно бомбили Кронштадт и его гавани. Лишь за полторы недели в середине мая город-крепость 27 раз подвергался налетам.

17 мая под председательством В. И. Ленина Совет Обороны обсудил положение Петрограда, наметил важные меры для его защиты. 19 мая в Петроград прибыли уполномоченный Совета Обороны И. В. Сталин, главнокомандующий Вооруженными Силами республики И. И. Вацетис, командующий Западным фронтом Д. Н.

Надежный, затем член Реввоенсовета республики С. И. Аралов. 19 и 30 мая в Смольном состоялись два совещания, на которых присутствовали командующий 7-й армией А. К. Ремезов, члены Реввоенсовета армии С. П. Восков, В. С. Шатов, И. И. Лепсе, командующий Балтийским флотом А. П. Зеленой, члены Реввоенсовета флота В. И. Зоф и А. В. Баранов. На основе указаний В. И. Ленина был намечен план разгрома войск Юденича.

25 мая группа военных руководителей приехала в Кронштадт. На митинге трудящихся города, матросов и солдат выступил Зоф. Участники митинга поклялись стойко сражаться за Советскую республику. Затем состоялось совещание ответственных работников Военно-Морского Флота.

На совещаниях особое внимание обращалось на решительную борьбу с внутренней контрреволюцией, с происками иностранных разведок. Враг раскинул в нашем тылу широкую сеть шпионажа. Главари похода на Петроград хорошо знали о слабых участках фронта, о перебросках войск. Агенты врага пробрались на многие ответственные должности в армии и в тылу. Возглавляла заговор антисоветская организация «Национальный центр».

Врагам мешали развивать наступление на Петроград форты Кронштадтской крепости Красная Горка и Серая Лошадь. Не рассчитывая овладеть ими в открытом бою, англичане и белогвардейцы готовили мятеж. В заговоре участвовали коменданты Красной Горки — Неклюдов и Серой Лошади — Оглоблин, командиры батарей и подразделений из бывших царских офицеров. В гарнизоны проникли белогвардейские агенты. Контрреволюционеры стремились восстановить матросов и красноармейцев против Советской власти. Задерживали выдачу обмундирования и денег, уменьшали хлебный паек, сеяли панические слухи о скором паде-

нии Петрограда. Такая же подспудная работа велась на форту Обручев. В самом Кронштадте тоже орудовала группа «Национального центра». В нее входили начальник штаба военно-морской базы Рыбалтовский, начальник артиллерии крепости, другие командиры. В крепости и на ее фортах, в 1-м и 2-м Кронштадтских полках, прикрывавших подступы к Красной Горке и Серой Лошади, вели антисоветскую пропаганду эсеры. Они имели определенное влияние на красноармейцев — недавно мобилизованных крестьян, недовольных разрозверсткой, экономическими трудностями, вызванными гражданской войной и разрухой.

Действия врагов не ускользнули от внимания чекистов, комиссаров и коммунистов, рабочих, рядовых бойцов армии и флота. Неудачи наших войск, диверсии, факты предательства насторожили В. И. Ленина. Владимир Ильич телеграфировал в Петроград: «Вся обстановка белогвардейского наступления на Петроград заставляет предполагать наличность в нашем тылу, а может быть и на самом фронте, организованного предательства». Глава Советского правительства потребовал «принять экстренные меры для раскрытия заговоров».

К особоуполномоченному Петроградского комитета обороны на форту Красная Горка М. К. Артемову стали поступать от матросов и красноармейцев сигналы о стремлении предателей разложить гарнизон. Часть заговорщиков поймали. Но дело не довели до конца. Этому помешала напряженная военная обстановка.

4 июня в Кронштадте получили радиogramму, что в Копорском заливе появились английские миноносцы и транспорты с десантом. Немедленно в море вышли «Азард» и «Гавриил». В пути сигнальщики заметили две торпеды. Их выпустила вражеская подводная лодка. Удачно уклонившись от торпед, корабли приготовились таранить врага. В этот момент из воды показалась

рубка. Комендоры носовых орудий Семен Богов на «Азарде» и Сергей Буховцев на «Гаврииле» молниеносно навели на нее орудия и выстрелили. Раздался взрыв, в воздух взлетели обломки, поднялось облако черного дыма. Так была потоплена новая английская подводная лодка «Л-55». «Азард» и «Гавриил» метким огнем повредили вражеский миноносец и заставили врага отказаться от высадки десанта.

8 июня Реввоенсовету флота и Кронштадтскому комитету партии стало известно, что в 1-м и 2-м крепостных стрелковых полках неблагополучно. В тот же день в ненадежные части было направлено 15 комиссаров из Кронштадтского коммунистического отряда, стоявшего в Ораниенбауме. На этот участок фронта выступил сформированный в Кронштадте 2-й коммунистический отряд под командованием испытанного большевика С. С. Гредюшко. Сюда же прибыл сводный комсомольский отряд. Все 500 юношей и девушек из 17 коллективов РКСМ Кронштадта выразили готовность защищать дело революции с оружием в руках. Но в отряд вошли только лучшие из лучших, создатели организации, вожаки ячеек — 80 человек во главе с Федором Митрофановым. Остальные были посланы на другие участки фронта, несли караульную службу в крепости.

Однако заговорщики действовали решительнее. 11 июня они устроили пожар на форту Павел, где находились минные склады. Весь день там гремели взрывы, разрушавшие форт. А бойцы 1-го и 2-го Кронштадтских крепостных полков под влиянием вражеской пропаганды оставили свои позиции и отошли в тыл. К ним в деревню Коваши приехали председатель Кронштадтского комитета обороны Л. А. Брегман, М. К. Артемов и М. И. Мартынов. Коммунисты выступили с горячими речами на митинге, призывали красноармейцев немедленно вернуться на позиции — ведь линия фронта

приблизилась к Красной Горке на 7 километров. Но бойцы, обработанные предателями, отказались сражаться.

12 июня на Красной Горке состоялось партийное собрание. Большевики обсудили создавшееся положение. Они выразили политическое недоверие Неклюдову и еще нескольким бывшим офицерам. Условились арестовать их на следующий день. Промедление оказалось гибельным. На собрании присутствовал предатель... Ночью Неклюдов явился в казарму пулеметной команды форта, заранее укомплектованной эсерами и другими нестойкими элементами.

— Плохие вести,— заявил комендант. — Москва взята, а на Питер идут 120 английских кораблей. Нужно сдаваться белым, это единственный выход. Но к нам прислан отряд коммунистов. Их, как вы знаете, не уговоришь. Предлагаю коммунистов арестовать.

К утру были схвачены более 370 человек, из них большинство члены партии. Под арестом оказались М. И. Мартынов, С. С. Гредюшко, комиссар форта Л. Т. Паньков. В эти же часы вспыхнул мятеж на форту Серая Лошадь. И здесь арестовали комиссара форта П. П. Федорова, всех большевиков. На свободе остался только Л. А. Брегман, раньше уехавший в Большие Ижоры. Он по телефону сообщил о мятеже Реввоенсовету Балтфлота и штабу Кронштадтской крепости.

В 8 часов утра Неклюдов направил две радиogramмы. Адмиралу Коуэну: «Красная Горка в вашем распоряжении». И гарнизону Кронштадта: «Присоединитесь к нам, иначе Кронштадт будет уничтожен». Но гарнизоны всех остальных фортов, экипажи кораблей гневом и презрением встретили гнусное предложение предателей. К ним присоединился лишь тральщик «Китобой». Мятежники выступили и на форту Обручев, но поддержки не получили. Гарнизон их арестовал.

Тем не менее положение создалось исключительно

тяжелое. 305-миллиметровая артиллерия мятежных фортов, оборудованных по последнему слову техники, могла бить через весь залив, поражать Кронштадт, Ораниенбаум и корабли. Потеря двух опорных точек на южном берегу Финского залива могла обернуться катастрофой для всего фронта. Мятеж надо было ликвидировать в кратчайший срок. Борьбу с ним возглавили Совет Обороны и ЦК партии. По указанию В. И. Ленина петроградцам была направлена помощь. В Ораниенбауме спешно формировалась Береговая группа войск под командованием комбрига А. А. Стороженко. В нее наряду с частями 7-й армии и коммунистическими отрядами вошли крупные силы Балтфлота, в том числе экспедиционные отряды кронштадтских моряков.

Реввоенсовет Балтийского флота направил обращение мятежникам, предложил им загладить свою вину, пока не поздно. В ответ около 15 часов 13 июня Красная Горка начала обстрел Кронштадта. Он усилил ярость советских людей, их желание покарать изменников. Когда среди кронштадтцев объявили запись в отряды для штурма мятежных фортов, добровольцев оказалось гораздо больше, чем требовалось.

14 июня командование 7-й армии и Балтийского флота провело с участием И. В. Сталина совещание командиров, поставило четкие боевые задачи. Тем временем линкоры «Петропавловск» и «Андрей Первозванный», крейсер «Олег», эсминцы, батареи фортов Риф и Обручев громили предателей огнем орудий. Обстрел продолжался три дня. Над Красной Горкой клубился дым. Горели казармы и склады, рвались патроны и гранаты, взлетали к небу обломки деревьев и глыбы камня. Неключдов и его приспешники укрылись за броней. Солдаты же, ставшие жертвой обмана, начали разбегаться. Утром 15 июня Береговая группа войск пошла в наступление. В половине первого ночи на 16 июня мат-

русские отряды заняли форт Красная Горка. Ровно через 12 часов красный флаг взвился и над Серой Лошадью. Напрасно надеялись мятежники на английскую эскадру. В Петрограде и в Кронштадте знали, что она вышла из Либавы. Об этом был извещен В. И. Ленин. Но на подступах к Кронштадту полностью господствовал Балтийский флот, и англичане не решились поддержать мятежников.

Революционные бойцы спешили освободить из плена своих товарищей. Но лишь немногие из арестованных остались живыми. Они рассказали, что предатели их пытали, избивали, морили голодом. Они стойко переносили страдания. Всех подбадривал Михаил Мартынов. Почувствовав, что их черное дело проиграно, озлобившиеся главари мятежников перед бегством с форта устроили кровавую расправу. В каземат ввалились солдаты во главе с офицером и вызвали Мартынова и Артемова. Было ясно: их поведут на расстрел. Не обращая внимания на удары прикладами, заключенные подбегали к Мартынову и Артемову, обнимали и целовали их. Остановившись в дверях, Михаил Мартынов обратился к товарищам: «Прощайте! Передайте от меня, если останетесь живы, привет, или, не колеблясь, умрите!..» Конвойный ударил его прикладом по голове, но Мартынов, собрав силы, крикнул: «Да здравствует коммуна!»

29 коммунистов, ответственных работников, вывели на опушку леса у Ковашинского кирпичного завода. Перед смертью герои запели «Интернационал». Местные крестьяне слышали и навсегда запомнили последние слова Михаила Мартынова: «Вы убиваете нас, коммунистов, но коммунизма вам не умертвить!» Озверевшие палачи кололи штыками и били прикладами тела расстрелянных. Остальных повели под конвоем дальше. По дороге, в деревнях Коваши и Калище их истязали и расстреливали. Последнюю группу перебили в

деревне Керново. Так 14 июня 1919 года погибли видные коммунисты, ветераны Кронштадтской партийной организации, лучшие политработники Балтфлота, цвет комсомольской молодежи.

Останки героев перевезли в Кронштадт и торжественно, с воинскими почестями похоронили на Якорной площади. Жертвы кровавого мятежа лежат и в братских могилах близ Красной Горки, возле деревни Керново.

Победа над мятежниками, уничтожение контрреволюционных организаций в Петрограде и Кронштадте помогли добиться больших успехов на фронте. Войска Юденича терпели одно поражение за другим.

Проходивший в июле Пленум ЦК РКП(б) разобрался в положении на Петроградском фронте. Была внесена четкость в организацию обороны, в структуру военных органов, решен вопрос об улучшении снабжения продовольствием 7-й армии и Балтийского флота. Особо в решениях Пленума была поставлена задача максимально усилить партийно-политическую работу среди красноармейцев и матросов — защитников Петрограда.

Большое значение имели и перевыборы местных Советов. В Кронштадте они прошли с 15 по 20 июля. Из 233 депутатов были избраны 97 коммунистов, 84 сочувствующих им, 50 беспартийных и 1 максималист. В Кронштадтский Совет вошло много рабочих и других стойких коммунистов, лучших людей города. На первом заседании вновь избранного Петроградского Совета в Таврическом дворце 11 июля Балтийский флот получил почетную награду за подвиги в боях при обороне города революции — Красное знамя Петроградского Совета. Принимая его, комиссар линкора «Петропавловск» Н. М. Разин под бурные овации депутатов сказал, что это знамя матросы Балтики донесут до полной победы коммунизма.

Важное значение для укрепления обороноспособности города имела перерегистрация членов партии, проводившаяся по решению VIII съезда РКП(б). В Петроградской губернии она проходила с 23 июля по 17 августа. До начала перерегистрации в Кронштадте насчитывалось 742 члена партии, а после нее стало 617. Остальные были исключены или переведены в сочувствующие. Одновременно Петроградский комитет РКП(б), выполняя решение съезда широко открыть двери партии перед здоровыми пролетарскими элементами, провел «партийную неделю». В Балтийском флоте она проходила с 10 по 17 августа. Успех превзошел все ожидания: было подано свыше 4 тысяч заявлений!

Успешно шли дела и на фронте. 5 августа красноармейцы вместе с отрядами курсантов и моряков взяли Ямбург. Развивалось наступление на Псков. Стремясь переломить ход событий, руководители белогвардейского похода подготовили удар по Балтийскому флоту в Кронштадте.

...Ночь на 18 августа была тихой, почти безветренной. Море слабо плескалось у бортов кораблей. В тишине вахтенным слышалось отдаленное жужжание. Они быстро определили шум моторов. Пробили воздушную тревогу. Палубы спавших кораблей мигом ожили. Самолеты гудели над головой, но в мглистом небе их не было видно. По ним наугад били пушки и пулеметы. По кораблям хлестали струи огненного дождя — это английские летчики стреляли трассирующими пулями. В гаванях и на берегу рвались бомбы.

В бою не участвовал эсминец «Гавриил». Потушив огни, он стоял в дозоре на рейде. Вдруг к воротам гавани подлетели восемь вражеских торпедных катеров. Сигнальщики «Гавриила» вовремя заметили их. Эсминец немедленно открыл огонь. Первыми же выстрелами комендоры Л. Арсеньев, С. Буховец, Ф. Корпузов

потопили три катера. Остальным все же удалось вернуться в гавань и выпустить торпеды. База подводных лодок «Память Азова» легла на бок, перегородив гавань мачтами. Уткнулся носом в грунт линкор «Андрей Первозванный». Третья торпеда разворотила гранитную стенку гавани. Катера понеслись прочь. Но по ним метко били пушки и пулеметы. Не дойдя до своей базы, три из них затонули.

На следующий день балтийские летчики нанесли сильный удар по английскому аэродрому в Биорке. Это было возмездие за систематические налеты на Кронштадт, за жертвы среди жителей города. Особенно много людей пострадало во время бомбежки 1 августа, когда бомбы обрушились на Летний сад, в котором шло гулянье. Об этих разбойничьих налетах Петроградский Совет писал в «Обращении к английскому народу». Обращение активизировало деятельность комитета «Руки прочь от Советской России!».

31 августа из Кронштадта в Копорский залив вышла подводная лодка «Пантера». Недалеко от острова Сескар она обнаружила два английских эсминца. Командир лодки А. Н. Бахтин решил их атаковать. Две торпеды были пущены точно. Эсминец «Виттория» окутался дымом, стал быстро крениться и погрузился в воду. Балтийские подводники открыли боевой счет! Уцелевший вражеский корабль начал стрельбу, но «Пантера» ушла в глубину и благополучно вернулась в Кронштадт. Уклоняясь от преследования, лодка находилась под водой без регенерации воздуха более 28 часов и прошла около 80 миль. Для кораблей ее типа это был мировой рекорд продолжительности подводного плавания.

Первый поход Антанты закончился провалом. Но затишье оказалось недолгим. В наступление перешли все силы контрреволюции. Петроград, Балтийский флот, Кронштадт мобилизовали лучших людей для помощи

фронтам, в первую очередь — самому опасному, Южному. На борьбу с Деникиным уходили коммунисты и комсомольцы Кронштадта. Политотдел Балтфлота и Кронштадтский райком РКП(б) мобилизовали на Южный фронт тысячу матросов.

Советская республика переживала жестокие трудности. Бойцов революции не меньше, чем белогвардейские пулеметы, косили тиф, холера, дизентерия, оспа. Коллектив Морского госпиталя, санитарное управление флота, Кронштадтский комитет РКП(б) приняли все меры для борьбы с эпидемиями. Каждый врач работал за двоих и троих, не выходя из госпиталя по нескольку суток. Они заражались, умирали, но не покидали своих постов. Благодаря самоотверженности медицинских работников Кронштадта опасность эпидемии была резко сокращена, тем не менее в 1918 и 1919 годах здесь сколо 1200 человек переболели сыпным тифом и свыше 400 — холерой.

Рабочие Кронштадта, матросы, красноармейцы голодали, несмотря на то, что по настоянию В. И. Ленина Совет Обороны республики разрешил выдавать дополнительное питание трудящимся Петрограда и Кронштадта, занятым особо важными оборонными работами. Поэтому в сентябре 1919 года было принято решение о частичной эвакуации рабочих и нетрудоспособного населения Кронштадта.

В это время белогвардейцы и интервенты предприняли еще одну отчаянную попытку прорваться к Петрограду. Части 7-й армии отошли к Пулковским высотам — последнему рубежу, прикрывающему город революции. Военные агенты Антанты поспешили послать радиogramму в Лондон о взятии Питера. А генерал Родзянко на предложение посмотреть в бинокль на Петроград ответил: «Завтра я увижу его без бинокля, прогуливаясь по Невскому проспекту...»

Обстановка обострилась до последней степени. В

этот решающий момент В. И. Ленин обратился с воззванием «К рабочим и красноармейцам Петрограда». Владимир Ильич с исключительной силой обрисовал трагическое положение Петрограда, от судьбы которого, по выражению вождя, наполовину зависела судьба Советской власти. Обращение заканчивалось горячим призывом: «Бейтесь до последней капли крови, товарищи, держитесь за каждую пядь земли, будьте стойки до конца, победа недалека! победа будет за нами!»

Воззвание, опубликованное 19 октября, произвело на трудящихся и бойцов огромное впечатление. Оно пробуждало высокое чувство ответственности перед Советской Родиной. Всем сердцем восприняли слова вождя кронштадтцы. За одни сутки Балтийский флот отправил 11 тысяч моряков на поддержку 7-й армии. На улицах осажденного Питера было расклеено воззвание балтийцев: «Петроград не должен, не может пасть. Моряки-балтийцы до последнего патрона, до последнего вздоха будут стоять на своих постах...»

В тот же день добровольческий отряд кронштадтских коммунистов, в котором было много рабочих Пароходного завода и порта, вступил в бой с врагом у деревни Усть-Рудицы. Здесь героически погибли активные участники революционных событий П. К. Аммерман, П. И. Велещинский, М. А. Сургин. Большие потери понесла и комсомольская организация города. Она ушла на фронт в полном составе.

20 и 21 октября на Пулковских высотах моряки, красноармейцы и питерские рабочие дали жестокий отпор войскам Юденича. Пять суток продолжался кровопролитный бой. Линкор «Севастополь», миноносцы «Всадник» и «Гайдамак» посылали тяжелые снаряды на передовые и в тылы белогвардейцев. Кронштадтские форты, выдерживая многократные бомбежки, почти непрерывно били по сухопутным силам врага, по английским кораблям.

В историю этих героических боев незабываемой страницей вошел подвиг моряков эсминцев «Гавриил», «Константин», «Свобода» и «Азард». 20 октября они получили задание заминировать Копорский залив, чтобы не допустить высадку вражеского десанта. Погрузив по 60 мин, эсминцы глухой ночью покинули кронштадтскую гавань. Они двигались кильватерной колонной. И вдруг шедший первым «Гавриил» сотрясло мощным взрывом. Корпус разламывался. В трюмы хлестала вода. «Гавриил» стал сигнализировать «Свободе»: «Задний ход!» Но тотчас же послышался новый оглушительный взрыв. На втором эсминце поднялся столб огня, и корабль стал погружаться в морскую пучину. Почти одновременно подорвался на минах «Константин». Только «Азарду» удалось вернуться в Кронштадт.

Мужественные моряки до последнего мгновения пытались спасти корабли. Но это было невозможно. По древнему обычаю на гибнущем «Гаврииле» остались командир дивизиона эсминцев Л. Н. Ростовцев, комиссар дивизиона В. Г. Флягин, командир миноносца В. В. Севастьянов и комиссар Н. П. Лепешкин. Они крикнули уходящим на шлюпке: «Передайте привет родным и товарищам. Да здравствует Советская власть во всем мире! Ура!» Герои обнялись, расцеловались. С пением «Интернационала» они вместе с кораблем скрылись под водой. На трех эсминцах погибли 488 человек. Только 25 моряков спаслись на шлюпках.

Тяжело переживали кронштадтцы гибель товарищей. Но их героическая смерть вызвала не уныние, а гордость и желание отомстить врагу. Моряков, чьи тела прибило к берегу, похоронили на Красной Горке. Комиссар форта известный всему флоту Иван Сладков от имени гарнизона дал во время траурной церемонии клятву, что никогда враг не ступит на землю, в кото-

рой покоятся герои. В дни контрнаступления корабли Балтфлота нанесли жестокий урон белогвардейцам и интервентам. Форты Красная Горка и Серая Лошадь в течение нескольких суток вели почти непрерывный огонь по сухопутным силам Юденича и кораблям Антанты.

По приказу Черчилля англичане бросили против Кронштадтской крепости только что пришедший на Балтику монитор «Эребус» с двумя сверхмощными 381-миллиметровыми орудиями. 27 октября монитор неожиданно начал обстрел Красной Горки и Серой Лошади снарядами весом свыше тонны. Враг считал, что эти гигантские снаряды посеют панику среди советских войск, заставят их бросить позиции. Под прикрытием огня с «Эребуса» белогвардейцы пошли в атаку на форты. Но моряки не дрогнули и отбили все атаки. 12-дюймовые орудия кронштадтских фортов одержали верх над 15-дюймовыми английскими. Успех решил не артиллерийский калибр, а героизм советских воинов, их стойкость и мастерство. Израсходовав весь боезапас, «Эребус» бесславно удалился.

Измотав и обескровив противника, советские войска вместе с отрядами рабочих нанесли ему решительное поражение. К концу ноября жалкие остатки войск генерала Юденича были вышвырнуты на территорию белой Эстонии. Еще раньше, 14 ноября, из Финского залива бесславно ушел последний корабль заметно поредевшей английской эскадры: 34 корабля потонули, 24 были повреждены. Балтийцы потеряли 7 кораблей и 2 получили повреждения. Так советские воины вышли победителями в единоборстве с сильнейшим в то время флотом мира.

В грозном 1919 году моряки, красноармейцы, рабочие Кронштадта покрыли себя неувядаемой славой.

К началу 1921 года в Кронштадте и на кораблях почти не осталось старых матросов, закаленных борьбой с царизмом и буржуазией, беспредельно преданных ленинской партии. По первому зову уходили они отстаивать революцию. «За три года гражданской войны на многочисленные фронты Республики с кораблей флота было направлено более 40 тысяч матросов — весь цвет революционного Кронштадта», — вспоминал К. Е. Ворошилов.

Признанные, любимые кронштадтцами вожаки масс, испытанные руководители большевистской организации и Совета, горячие трибуны, люди сильных характеров, твердой пролетарской воли, те, кто вел матросов, солдат и рабочих города сквозь все бури 1917 года, ушли далеко от родных берегов Котлина. Ушли туда, куда послала их в грозную годину Коммунистическая партия, Советская власть. И многих уже не было в живых.

Комиссара Советского правительства на Румынском фронте Семена Рошаля в декабре 1917 года предательски убили белогвардейцы во время переговоров. Тимофей Ульянов погиб 28 июля 1919 года под Ленкоранью. 1 октября 1918 года на Каме под селом Пьяный Бор пошла ко дну исклеванная осколками и пулями канонерская лодка «Ваня». До последнего мгновения косил врага из пулемета комиссар Волжской флотилии Николай Маркин. Он приказал команде покинуть корабль, а сам погиб вместе с ним. Не в степи под Херсоном, как поется в песне, а под станцией Верховцево 26 июля 1919 года вражья пуля сразила Анатолия Железнякова — легендарного матроса Железняка, тогда командовавшего бронепоездом. Лучший агитатор Кронштадтского комитета партии матрос линкора «Заря свободы» Павел Хохряков еще в августе 1917 года во главе группы моряков по рекомендации Я. М. Свердлова отпра-

вился на Урал для подготовки масс к вооруженному восстанию. В дни Октября он стал начальником штаба Красной гвардии Екатеринбурга, а 17 августа 1918 года погиб под станцией Крутиха.

Тяжелой потерей для города-крепости была гибель во время мятежа на Красной Горке и Серой Лошади более 100 коммунистов и 80 комсомольцев. Комсомольская организация Кронштадта в 1919 году дважды фактически прекращала существование, так как почти в полном составе уходила на фронт. Правда, в декабре 1919 года в Петрограде и Петроградской губернии была проведена «неделя красной молодежи». Инициатива получила одобрение В. И. Ленина и своей цели — укрепить ячейки РКСМ — достигла. В Кронштадте стало 700 комсомольцев. Но вскоре большинство их ушло воевать с Врангелем, с белополяками и не вернулось на Котлин.

Новые люди пришли в казармы и кубрики кораблей. В 1918 году флот в основном комплектовался на добровольных началах, без глубокой политической проверки и классового отбора. На смену рабочим на Балтику пришли крестьяне — не закаленные, нестойкие идейно, зараженные мелкобуржуазными настроениями. Таких новобранцев нетрудно было обмануть и толкнуть на антисоветский путь.

А силы контрреволюции, получив отпор в открытом бою, не сложили оружия. Они делали основную ставку на провокацию и мятеж. Бывшие офицеры, эсеры и меньшевики, притаившись в штабах, на кораблях и фортах, мечтали о свержении Советской власти. Они поддерживали связи с границей, опирались на уголовников и хулиганов.

Все чаще в Кронштадте стали раздаваться недобровольные голоса. Основания для этого были. Страна переживала исключительно трудное время. Империалистическая и гражданская войны, интервенция вызвали

разруху, голод, неисчислимые бедствия. А они, как отмечал В. И. Ленин, привели «к недовольству не только значительной части крестьянства, но и рабочих». Эти настроения нашли благоприятную почву среди политически незрелой части матросов Балтфлота и гарнизона Кронштадта. Тем более что здесь тоже случались перебои в питании, выдаче обмундирования, снабжении топливом. Нужно отметить, что в других воинских частях было еще хуже. Например, курсантский паек значительно уступал матросскому. Но стойкие, преданные Советской власти воины, будучи полуголодными и полураздетыми, сохраняли непоколебимую верность присяге. Иное дело «жоржики», «клешники», «иванморя», как презрительно называли матросов, потерявших облик советского моряка. К началу 1921 года на кораблях и в частях флота резко упала дисциплина, увеличилось дезертирство.

В то время начальником политотдела Кронштадтской морской базы был назначен В. П. Громов, активный участник большевистского подполья и революционных событий 1917 года, член Кронштадтского комитета партии и Совета. Теперь, принимая дела, Василий Громов почувствовал: в городе неблагополучно. Не мог не понимать этого и секретарь Кронштадтского комитета РКП(б) Лазарь Брегман, обладавший солидным политическим опытом. Но он, комиссар Балтийского флота Н. Н. Кузьмин и другие политработники не приняли достаточных мер для того, чтобы оздоровить обстановку. В сложившемся положении был повинен и Ф. Ф. Раскольников. С июля 1920 года он командовал Балтийским флотом, однако свою энергию тратил на фракционную борьбу, выступая на стороне Троцкого, шел против ленинской линии в дискуссии о профсоюзах. Троцкистские позиции занимал и начальник политотдела Балтфлота Э. И. Батис.

Коммунисты Кронштадта не поддерживали платфор-

му Троцкого, хотя на собрании 14 января 1921 года с докладом от имени оппозиции выступил Раскольников. На следующий день фракционеры потерпели поражение на партийном собрании делегатов частей Укрепленного района южного побережья Финского залива (УРЮП). В состав района входили форты Краснофлотский (Красная Горка) и Передовой (Серая Лошадь), береговая батарея в Устье и части, дислоцированные в Ораниенбауме. Политическую зрелость проявили и делегаты 2-й партийной конференции Балтийского флота, проходившей в середине февраля. Они признали деятельность политотдела флота неудовлетворительной.

Но руководство Петрограда, возглавляемое Г. Е. Зиновьевым, не сделало выводов из критики. Политработники флота продолжали заниматься просветительством вместо боевой коммунистической пропаганды, уходили от разъяснения острых вопросов жизни партии и страны или давали им неверное толкование, усиливая идейную сумятицу среди военных моряков. Дисциплина на кораблях и в береговых частях все больше разваливалась.

Тем временем враги действовали. А их было немало. Только потерей бдительности и нехваткой надежных кадров можно объяснить то, что в судебных органах Кронштадта преспокойно работали и плели нити заговора бывший начальник штаба крепости генерал Козловский и полковник Соловьянов, еще в 1919 году выявленные чекистами как участники мятежа. Во главе отдела народного образования стоял максималист (максимальный обыватель, как иронизировали кронштадтцы) А. Ламанов, чья беспринципность в 1917 году вошла у большевиков в поговорку.

Обстановка в Кронштадте с каждым днем накалялась, грозила взрывом. Руководители города и флота еще медлили, но рядовые коммунисты забили тревогу. Центральному Комитету партии, правительству стало

известно, что в Кронштадте началось брожение. 28 февраля на собрании экипажа линкора «Петропавловск», подготовленном контрреволюционерами, была принята антисоветская резолюция.

Партия направила в Петроград и его морской форпост Михаила Ивановича Калинина. Когда 1 марта он поднялся на трибуну митинга на Якорной площади, многие встретили выдающегося ленинца аплодисментами. Калинин произнес яркую речь, в которой призывал моряков, солдат, рабочих, все население города не поддаваться провокациям. Главари заговора, видя, что настроение участников митинга складывается не в их пользу, враждебными выкриками и шумом старались сорвать выступление «всероссийского старосты». Они выпустили на трибуну своих единомышленников и сумели протащить контрреволюционную резолюцию.

М. И. Калинин выступил снова. Он бросил гневные и резкие слова в лицо предателям. История не забудет и не простит этого позорного поступка, говорил Михаил Иванович. Будущие поколения проклянут кронштадтцев «за сегодняшний день, за этот час, за то, что вы своими руками сегодня предаете рабочий класс».

Но предотвратить мятеж не удалось. В тот же день, 1 марта, на линкорах «Петропавловск» и «Севастополь» были отстранены от дел комиссары. На следующий день контрреволюционеры арестовали руководителей Кронштадтского Совета и политических органов флота. Возник орган власти мятежников — «временный революционный комитет». Во главе его оказался эсер Петриченко, а в составе — бывший жандармский офицер, бывший сыщик, крупный домовладелец, меньшевики и другие заклятые враги Коммунистической партии и Советской власти.

Кронштадтские коммунисты растерялись. Брегман и Громов попытались было собрать членов партии у штаба, но из этого ничего не вышло, так как все ка-

налы связи уже находились в руках мятежников. Тогда Василий Громов пошел в районную партшколу, принял руководство над ней и увел около ста человек с винтовками и пулеметами в Ораниенбаум.

Главарь мятежа устраивали облавы и по заранее заготовленным спискам арестовывали убежденных советских борцов. Их бросали в тюрьмы, угрожали расстрелом. У них отобрали обувь и заставляли босиком ходить по снегу за кипятком и хлебом — единственной едой. Передачи родных и друзей съедали приставленные мятежниками сторожа — уголовные преступники. Жестоким обращением, угрозами изменники пытались сломить дух коммунистов, перетянуть их на свою сторону. Ежедневно им подбрасывали белогвардейскую газетенку, издававшуюся от имени «ревкома». Ее заполняли лживые сообщения о «крахе большевиков». Но стряпня предателей среди заключенных успеха не имела. Они выпускали свою рукописную газету, в которой пародировали «лжеизвестия временного контрревкома прохвостов, белогвардейцев и прочих отбросов».

Ответственные работники Кронштадта, заточенные в морской следственной тюрьме, сумели установить связь с товарищами, оставшимися на свободе. А те подпольно вели большевистскую агитацию среди обманутых матросов. Подпольщикам удалось даже встретиться с проникшими в крепость разведчиками Красной Армии и передать важные сведения о положении в городе.

А положение прояснилось довольно быстро. За спиной «ревкома», маскировавшегося под орган «народной» власти, вырос «штаб обороны», целиком состоявший из белогвардейских офицеров во главе с генералом Козловским. В Кронштадте под флагом американского Красного Креста объявился английский разведчик, бывший командир линкора «Севастополь» Вилькен. Он

предложил военную помощь и организовал доставку из Финляндии продовольствия и снаряжения. Представитель руководства партии эсеров тоже добрался на Котлин и обещал мятежникам поддержку русской контрреволюционной эмиграции.

Враги овладели первоклассной морской крепостью и пользовались преимуществами ее островного положения. Подходы к Котлину прикрывали 34 артиллерийские батареи, в основном с крупнокалиберными орудиями. От нападений с воздуха город защищали 10 зенитных батарей. В гаванях стояли линкоры «Петропавловск», «Севастополь» и «Андрей Первозванный», минный заградитель «Нарва», тральщик «Ловать» и вспомогательные суда. Численность экипажей, частей и подразделений в Кронштадте составляла около 27 тысяч человек. Особое значение имело пограничное положение мятежной крепости. При благоприятной ледовой обстановке на Балтике к берегам Котлина могли быстро подойти эскадры империалистических государств. В эту брешь хлынула бы и русская контрреволюционная эмиграция.

Важна и политическая сторона дела. Учитывая популярность в народе Советской власти, мятежники не выступали против нее. Они провозгласили себя революционерами, выбросили лозунг «Вся власть Советам, а не партиям!». Враги стремились противопоставить органы власти большевикам, лишить ленинскую партию государственной силы, уничтожить ее, использовать форму Советов для восстановления буржуазного строя, а потом ликвидировать и Советы. С такой программой действий соглашались все отряды контрреволюции, кроме принципиальных монархистов. Кронштадтский мятеж служил объединению идейно разрозненных антисоветских сил внутри и вне России.

ЦК РКП(б) и Совет Народных Комиссаров приняли срочные и энергичные меры, чтобы сорвать планы

реакции. 3 марта газеты опубликовали правительственное сообщение, подписанное В. И. Лениным. Бывший генерал Козловский и его сподвижники были объявлены вне закона. Петроград и Петроградская губерния переведены на осадное положение. Балтийский флот возглавил Иван Кузьмич Кожанов — стойкий большевик, опытный моряк, в гражданскую войну начальник десантных отрядов Волжской флотилии. Он мог твердо опираться на основные силы флота. Верными Советской власти остались все военно-морские части Петрограда, экипажи всех кораблей, зимовавших на Неве. Не опозорили себя предательством и гарнизоны южных фортов Кронштадтской крепости. Они тоже почти полностью состояли из вчерашних крестьян, в основном середняков, большей частью малограмотных. Здесь испытывали те же трудности, что и везде. Но в укрепрайоне действительно работали политорганы и партийные организации. Комиссары, политруки, командиры, особенно коммунисты, постоянно находились с личным составом, говорили с людьми честно и прямо, не скрывая правды. В то же время они проявляли твердость и бдительность, не допускали малейшей расхлябанности. Поэтому, несмотря на уговоры засланных из Кронштадта подстрекателей, гарнизоны фортов отказались поддержать мятежников.

6 марта тяжелые орудия Красной Горки начали обстрел островных фортов и гаваней. Первый залп дала батарея, которой командовал участник боев против Деникина и Юденича В. П. Шишлов. Но ликвидировать мятеж можно было только штурмом никем за двести с лишним лет не побежденной крепости. Пехоте предстояло преодолеть 10-километровое ледяное поле, где не было ни малейшего укрытия от огня орудий и пулеметов.

Первая атака Кронштадта проходила в ночь с 7 на 8 марта. Со стороны Сестрорецка наступали курсан-

ты военных школ, а от Ораниенбаума — полк особого назначения и другие части. Красные курсанты ворвались на форт № 7 — ближайший к сестрорецкому берегу. Батальоны чоновцев под командованием В. П. Громова в белых маскировочных халатах подошли к Петроградским воротам Кронштадта, захватили караулы и пулеметы, ворвались в город. Но здесь их встретило ожесточенное сопротивление мятежников. Подкреплений не было, чоновцы несли большие потери. Лишь немногим из них удалось вырваться из окружения. Василий Громов сбросил маскхалат и в суматохе боя был принят мятежниками за своего. Он пробрался домой, провел здесь нелегальное совещание с товарищами, оставшимися в подполье, а вечером, в темноте, ушел из города.

После этой неудачной попытки руководство подавлением контрреволюционного бунта взял на себя непосредственно ЦК РКП(б). В это время в Москве проходил X съезд партии. По предложению В. И. Ленина 320 военных делегатов съезда направились на борьбу с мятежниками. Президиум съезда во главе с В. И. Лениным в специальном обращении призвал трудящихся Петрограда «твердо до конца стоять за то, что ценою великих жертв было завоевано четыре года тому назад». Питерские рабочие ответили на это обращение усиленным формированием отрядов в помощь Красной Армии, энергичным трудом на предприятиях, беспощадной борьбой с классовым врагом. Коммунистические отряды прибыли также из Москвы, Твери, Тулы и других городов.

Подавить контрреволюционный мятеж было приказано 7-й армии под командованием прославленного полководца М. Н. Тухачевского. Делегаты X съезда, цвет партии, взяли на себя политическую и военную подготовку штурма. Вместе с ними приехала группа слушателей Академии Генерального штаба — выдаю-

щиеся командиры Красной Армии и Военно-Морского Флота. Герои гражданской войны повели бойцов в невиданное в истории наступление. Южной группой войск руководил А. И. Седякин, Северной — Е. С. Казанский. Талантливые военачальники и политработники П. Е. Дыбенко, К. Е. Ворошилов, Я. Ф. Фабрициус, И. Ф. Федько, В. К. Путна, П. И. Баранов, А. С. Бубнов, В. П. Затонский и многие другие посланцы партии действовали вдохновляющим словом, воинским искусством, личным примером. Их легендарные имена, их коммунистическая убежденность и боевой опыт воодушевили красноармейцев и курсантов.

Утром 16 марта советская артиллерия открыла энергичный и точный огонь по мятежной крепости. Самолеты сбросили бомбы на укрепления и корабли. Изменники ответили ураганным обстрелом берега Финского залива у Лисьего Носа и Ораниенбаума. Артиллерийская канонада грохотала до темноты.

В час ночи бойцы 7-й армии ступили на лед. Трудно было идти по рыхлому подтаявшему снегу, по воде, леденившей ноги. Резкий ветер пронизывал промокших бойцов. Щупальца прожекторов беспрестанно скользили по ледяному полю. То и дело приходилось падать прямо в воду, прижиматься ко льду, чтобы не заметил враг. Это удавалось. Лишь к 5 часам утра 17 марта, когда части Южной группы подходили уже к Петроградским воротам, мятежники обнаружили атакующих. Грянули орудия, затрещали пулеметы, защелкали винтовочные выстрелы. Снова вспыхнули, заискрились на льду лучи прожекторов, взлетели десятки ракет. Стало светло, как днем. В пламени боя красноармейцы увидели перед собой твердыни Кронштадта, опоясанные рядами колючей проволоки.

Тяжелые снаряды ломали лед, образуя огромные трещины и полыньи. Перед фортом № 6, на который наступали войска Северной группы, мятежники взо-

рвали фугасы. Но бойцы бросились в десятиметровую полынью, переплыли ее и ринулись в штыковую атаку. Ни свинцовый ливень, ни ледяная вода, ни отчаянное сопротивление предателей не могли удержать наступательного порыва красных воинов, ведомых лучшими сынами Коммунистической партии. Петроградскими воротами крепости овладели красноармейцы 187-й бригады под командованием И. Ф. Федько.

Несколько часов в городе шел ожесточенный бой. Красные части несли большие потери. Силы и боеприпасы были на исходе. К 5 часам дня мятежники прижали атакующих к кромке льда. Но в решающий момент подошло подкрепление — по льду проскакала кавалерия, подоспел отряд питерских коммунистов. Бойцы батальона Василия Громова пробились к морской следственной тюрьме, освободили заключенных в ней кронштадтских большевиков. Мятежники собирались утром 17 марта расстрелять 27 ответственных работников города. Теперь узники присоединились к красным бойцам. Наконец предатели дрогнули и стали отступать. Утром 18 марта мятеж был окончательно подавлен. П. Е. Дыбенко, назначенный военным комендантом города, наводил в нем порядок.

Генерал Козловский и его «ревком» бежали в Финляндию. Но не всем главарям мятежа удалось уйти от расплаты. По приговору революционного суда был расстрелян Ламанов, арестованы некоторые активные заговорщики. Рядовые матросы и солдаты, осознавшие свою вину, были только разоружены и не получили строгих наказаний.

Делегаты X съезда партии, политработники 7-й армии и Кронштадта вели в массах пропагандистскую работу. Немало сделала и газета «Красный Кронштадт». Ее выпуск организовал журналист Михаил Кольцов. Позже он вспоминал, как «в морозной мгле, при свечке, колеблемой ледяным ветром, в ораниенба-

умском домишке без крыши, сорванной снарядом, под гром десятидюймовых чудовищ верстал номер «Красного Кронштадта», чтобы через два часа выбросить с первыми ротами в захваченную крепость». Этот первый номер газеты, датированный 18 марта, вышел под шапкой «Советская власть вернулась в Кронштадт. Слава ее доблестным защитникам! Горе изменникам и предателям!».

Многие замечательные люди отдали свою жизнь на кронштадтском льду, в кровопролитных уличных боях. Один из них — поэт и воин, член партии с 15 лет, в 18 — комиссар полка, в 19 — секретарь Иваново-Вознесенского губкома комсомола Г. Г. Фейгин. Его подвиг описан в боевом донесении: «Делегат X съезда РКП(б) Фейгин Герасим, пошедший добровольцем на подавление кронштадтского мятежа, проявил невероятное геройство, храбрость и мужество. Он пренебрегал смертью и был впереди, увлекая за собой наступающую массу, энергично и умело руководил группами, не теряясь под градом пуль, и тем самым исполнил свой долг перед лицом всего трудового народа».

Сотни бойцов и мирных жителей погибли от пуль и снарядов в Сестрорецке и Ораниенбауме, на льду Финского залива. На улицах Кронштадта шесть санитарных отрядов Морского госпиталя подобрали свыше 300 раненых, около 500 трупов. Погиб и крупный врач, член партии с 1905 года, революционер и организатор медицинского дела Иван Васильевич Русаков. Вместе с делегатами X съезда РКП(б) он штурмовал Кронштадт, взял под свое руководство Морской госпиталь, но мятежники схватили его и расстреляли перед зданием госпиталя. И. В. Русаков похоронен на Красной площади в Москве, у Кремлевской стены.

Главарям заговора удалось привлечь на свою сторону не более четверти матросов и солдат. Многие из подавшихся вначале провокационной пропаганде бы-

стро поняли, что стали слепым орудием в руках маховой реакции.

Некоторые воинские части Кронштадта совершенно не участвовали в мятеже. Крепостной Минный отряд под командованием бывшего офицера А. Н. Никитина отказался выполнять приказы предателей и во время занятия города красными войсками выступил на их стороне.

Меньше всего поддержки нашли мятежники среди рабочих Пароходного завода и других предприятий. Правительство стремилось сбересть специалистов-судоремонтников, необходимых для жизни военно-морского флота. В мае 1919 года В. И. Ленин отменил решение военного отдела Петроградского Совета о мобилизации трех процентов рабочих Кронштадтского порта. Правда, позже обстановка заставила и трудящихся Котлина взять в руки оружие, но все же ленинское требование было выполнено: костяк кадровых рабочих Пароходного завода и портовых мастерских удалось сохранить. Эти закаленные в классовых битвах люди, конечно, не пошли на поводу у предателей. Мятежники натолкнулись и на сопротивление наборщиков и печатников городской типографии. Они всеми силами срывали выход в свет изданий контрреволюционеров.

Центральный Комитет партии, В. И. Ленин, явившиеся организаторами разгрома мятежа, глубоко проанализировали его причины и извлекли серьезные уроки из этого поучительного события. Прежде всего, Ленин выразил спокойную уверенность в неминуемом крахе мятежников. В «Отчете о политической деятельности ЦК РКП(б) X съезду партии» 8 марта Владимир Ильич сказал: «Я... не сомневаюсь, что это восстание, быстро выявившее нам знакомую фигуру белогвардейских генералов, будет ликвидировано в ближайшие дни, если не в ближайшие часы. В этом сомнения быть не может».

На кронштадтском опыте вождь революции убедительно показал, что любая «передвижка власти» — вправо к меньшевикам или влево — к анархистам, равно служит делу реакции: «...уклон может быть либо в сторону пролетарской диктатуры, либо в сторону капиталистов».

Владимир Ильич сделал вывод о необходимости повысить роль партии в жизни страны, укрепить ее единство, поднять дисциплину коммунистов. Отсюда же вытекало требование развернуть бескомпромиссную борьбу с эсерами, меньшевиками и анархистами. «Эта мелкобуржуазная контрреволюция, — предупреждал Ленин, — несомненно, более опасна, чем Деникин, Юденич и Колчак вместе взятые, потому что мы имеем дело со страной, где пролетариат составляет меньшинство...»

В то же время Владимир Ильич указывал, что кронштадтские события — это «политическая сторона и политическое выражение экономического зла»: бедственного положения страны, и в первую очередь крестьянства, то есть подавляющего большинства населения России. «Неотложнее всего теперь меры, способные поднять производительные силы крестьянского хозяйства немедленно, — писал В. И. Ленин. — Только через это можно добиться и улучшения положения рабочих, и укрепления союза рабочих с крестьянством, укрепления диктатуры пролетариата». Важнейшим «уроком Кронштадта» стала настоятельная потребность «удовлетворить возможно больше среднее крестьянство». Это привело к замене продразверстки продналогом. Произошел переход от военного коммунизма к новой экономической политике.

Конечно, не только под влиянием событий в Кронштадте Коммунистическая партия и Советское правительство под руководством В. И. Ленина осуществили крутой поворот в жизни республики. Но не случайно

в заключительном слове по отчету ЦК РКП(б) Владимир Ильич сказал: «...в докладе, мной сделанном, я все подвел к урокам Кронштадта, все от начала до конца...»

ВТОРОЕ РОЖДЕНИЕ

Тяжкие испытания выпали на долю Кронштадта и Балтийского флота в 1917—1921 годах. Глубокие раны нанесли кораблям, укреплениям, городу войска Германии и Антанты, белогвардейцы и мятежники.

Корабли, лишенные топлива, с палубами, заваленными горами шлака, сиротливо стояли у стенок гаваней. На рейдах царила мертвая, гнетущая тишина. Казармы, классы Учебных отрядов были пустынными и мрачными. Через забитые досками окна корпусов Пароходного завода едва проникал дневной свет, а электрические лампочки слабо мерцали под потолком или совсем потухали — энергии не хватало. По цехам гулял ветер, сквозь крышу лил дождь. В городе обветшало и пришло в негодность до 30 процентов каменных и 40 процентов деревянных зданий.

Советская страна, победившая полчища белогвардейцев и интервентов, постепенно набирала силы, чтобы строить новую жизнь. Для ее защиты республике был необходим мощный флот. А он потерял лучшую часть матросов и командиров, многие базы и корабли. Теперь требовалось создать его почти заново.

Еще весной 1920 года В. И. Ленин поставил задачу привести в порядок Петроградский порт. 23 октября в Совете Труда и Оборона рассматривался «Проект постановления об организации специальной комиссии для восстановления Балтфлота». Владимир Ильич написал решение, обязавшее Петроградский Совет и Комитет обороны Петрограда обратить особое внимание на ускорение работ по возрождению флота на Балти-

ке. В январе 1921 года Ленин подписал декрет Совнаркома о подъеме затонувших кораблей и судов. X съезд РКП(б) специально рассмотрел вопрос о состоянии флота и постановил, «в соответствии с общим положением и материальными ресурсами Советской республики, принять меры к возрождению и укреплению Красного военного Флота».

Специалисты оценили состояние всех кораблей Балтики. Восстанавливать некоторые из них было признано нецелесообразным. Их разобрали, часть продали на слом.

Чтобы возродить Балтийский флот и Кронштадт — его главную военную и ремонтную базу, партия приняла решительные меры. Только в 1921—1922 годах на флот вернулись около 700 коммунистов-моряков, находившихся на партийной, советской и хозяйственной работе. Снова увидел Кронштадт своих замечательных сыновей. И. Д. Сладков в марте 1921 года был назначен комиссаром Морских Сил республики и до безвременной смерти в июне 1922 года часто бывал в Кронштадте. Балтиец Ф. С. Аверичкин, находившийся на посту комиссара морских сил Каспийского моря, стал главным командиром Кронштадтского порта. Вернулись на Котлин и другие моряки. Ветераны революционных битв горячо принялись за любимое дело.

Партия призвала комсомол укрепить флот своими лучшими воспитанниками. В ответ на этот призыв более 2000 комсомольцев пришли служить на флот только в начале 1922 года. А в октябре V съезд РКСМ решил взять шефство над Военно-Морским Флотом. С огромным энтузиазмом восприняли советские юноши это решение. За 1922—1924 годы комсомол дал Советскому Военно-Морскому Флоту около 10 тысяч человек. Группа питерских комсомольцев, уезжая в Кронштадт, направила В. И. Ленину телеграмму: «Даем клятвенное обещание твердо охранять берега Совет-

ской России, омываемые морями, и, если нужно,— мы выступим и на суше по примеру старых моряков-революционеров».

Комсомольцы заполнили и военно-морские учебные заведения, возобновившие свою работу после долгого перерыва и созданные вновь. В Кронштадте действовали школы специалистов: Артиллерийская, Электроминная, Машинная. Здесь же были организованы Специальные курсы усовершенствования командного состава флота. В 1926 году состоялся первый выпуск командиров-комсомольцев из военно-морских училищ, созданных в Петрограде. На корабли приплыли красные командиры, соединившие в себе коммунистические убеждения, глубокие знания и энергию молодости.

Возрождение флота началось в трудных условиях. Страна еще не справилась с хозяйственной разрухой, топливной проблемой, голодом, безработицей. Как тяжело жилось народу в те годы, видно и на примере Кронштадта. Здесь в январе 1922 года на бирже труда насчитывалось 1225 безработных, а население города сократилось до 18 тысяч человек. Кроме того, на Котлине скопилось много беженцев из голодных губерний, в том числе 800 детей. Их нужно было спасти.

Кронштадтские моряки, рабочие и красноармейцы стремились помочь своим голодающим братьям. В газете «Красный Кронштадт» из номера в номер публиковались сообщения о том, что корабли, форты, цехи, мастерские решили отчислить часть своего хлебного пайка и заработка жителям Поволжья, безработным, инвалидам гражданской войны. Работницы парусной мастерской шили костюмы. По всему городу собирали вещи и пожертвования для разутых, раздетых, голодных людей.

Но после решений партии и комсомола вся страна пришла на помощь флоту. С 15 января 1923 года всю-

ду проходила Неделя Красного Флота, растянувшаяся в некоторых городах и областях на 2—3 месяца. Она нашла горячую поддержку. В Кронштадт хлынул поток грузов. Тысячи пар ботинок и белья, тысячи метров сукна, деньги, мыло, соль, спички — все это советские люди направляли балтийцам.

А главное, на корабли, в казармы, в учебные заведения флота пришло молодое, задорное, огневое племя. Посланцы комсомола упорно, настойчиво постигали военно-морское дело, вместе с коллективом Пароходного завода энергично взялись за ремонт кораблей.

Предприятие находилось в очень тяжелом состоянии: доки и мастерские были полуразрушены, многие станки изнашивались и устарели, подъемные краны, паро- и воздухопроводная сеть нуждались в срочном ремонте. Остро ощущалась нехватка квалифицированных рабочих, техников и инженеров. Весь коллектив завода в 1922 году составляли 824 человека — в несколько раз меньше, чем в предвоенные годы. Требовалась коренная реконструкция производства, пополнение и подготовка кадров. Но для этого не было ни времени, ни средств. Пришлось пока ограничиться проведенной на ходу реорганизацией. Завод объединил раньше разрозненные кораблестроительную, механическую и электротехническую части порта — 17 мастерских, доки и элинг. Теперь на предприятии насчитывалось 980 человек. И они, несмотря на все трудности, выполнили летнюю программу на 20 дней раньше срока. Через доки прошло около 40 кораблей и судов, в том числе линкор «Парижская коммуна», ледоколы «Ермак», «Трувор».

В 1923 году Пароходный завод успешно справился с заданием по постройке шлюпок, необходимых для обучения молодых моряков. Кронштадтские судоремонтники за эту работу получили благодарность ко-

мандующего Морскими Силами. Постройка гребных судов велась одновременно с плановым судоремонтом, который был выполнен полностью и досрочно.

Первые успехи мирного строительства явились результатом больших усилий коммунистов завода и всей городской партийной организации. Правда, в 1923 году членов партии на предприятии было очень мало — всего 36 человек, из них около половины — безграмотные и малограмотные.

Смерть Владимира Ильича Ленина вызвала у советских людей не только невыразимую скорбь, но и горячее стремление теснее сплотиться вокруг созданной вождем Коммунистической партии, чтобы отдать все силы осуществлению ленинских идей и предначертаний. ЦК РКП(б) объявил Ленинский призыв в партию рабочих от станка. Среди лучших трудящихся страны стали в ряды партии 300 рабочих Кронштадта, 600 моряков, а всего 1100 человек. В апреле 1924 года в городе насчитывалось 1918 членов и кандидатов в члены РКП(б) и 1715 комсомольцев, причем только около 200 моряков комсомольского возраста не состояли в рядах РАКСМ.

Огромным было желание кронштадтцев увековечить в своем городе память любимого вождя. В райком стали поступать от трудящихся и военнотружеников деньги на сооружение памятника Владимиру Ильичу. 29 января 1924 года пленум райкома постановил: «Признать необходимым постройку в городе Кронштадте памятника тов. Ленину, для постройки коего должны идти жертвуемые суммы всех частей, находящихся в Кронштадте». Кроме того, коллектив Пароходного завода решил создать памятник у себя на предприятии. 24 января все рабочие вышли на воскресник, чтобы заработать деньги на памятник. Его открыли весной 1924 года. На гранитном пьедестале установлен бронзовый бюст В. И. Ленина работы ленинградского

скульптора М. Я. Харламова, отлитый на заводе «Красный выборжец». Это один из первых памятников Ленину в стране.

По просьбе моряков имя «Ленин» получил эскадренный миноносец Балтийского флота. С особой ответственностью кронштадтские рабочие отремонтировали корабль и пустили его на морские просторы.

Осенью 1922 года состоялись первые маневры Красного Балтийского флота. Несколько боевых кораблей с линкором «Марат» во главе дошли почти до Таллина и Хельсинки. Успех маневров стал настоящим праздником для моряков. Во время маневров 1923 года флотилия достигла выхода из Финского залива в Балтийское море. А крейсер «Аврора» даже обошел вокруг шведского острова Готланд. Это был первый советский боевой корабль, показавшийся в водах Балтики. «Авроре» вместе с учебным судном «Комсомолец» с 10 июля по 24 августа 1924 года довелось совершить первый в истории Военно-Морского Флота СССР дальний заграничный поход. Он начался и закончился в Кронштадте, а проходил вокруг Скандинавии. Впервые корабли под советским Военно-морским флагом вышли в океан. Впервые иностранные порты приветствовали их Салютом наций.

Успехи Балтийского флота заставили зарубежных специалистов пересмотреть свое мнение о нем. Еще совсем недавно они, видимо по воспоминаниям о «клешниках», «жоржиках» и «иванморах» 1921 года, утверждали, что Советский флот — это «орава» и считаться с ним не приходится. Солидный знаток в не менее солидном английском военном журнале высокомерно писал: «Я думаю, что большинство англичан, прочитав о вооружении русского флота и о намеченном крейсерстве в датских и германских водах, не обнаружит большого интереса и разве только улыбнется».

Каково же было удивление адмиралов западноевропейских стран, когда ранней весной 1925 года, вслед за последними льдинами, Балтийский флот вышел в море. Утром 3 мая по сигналу с флагманского корабля несколько отрядов кораблей покинули Большой Кронштадтский рейд, предварительно выслав воздушную разведку. Флот находился в плавании 36 часов и прошел 500 миль. Это была настоящая сенсация. Ведь царский флот начинал навигацию почти на полтора месяца позже.

Одна из крупнейших скандинавских газет по этому поводу писала: «В морских кругах считают достойным внимания, что русский флот так рано готов к плаванию и уже начал летнюю кампанию. Из этого следует, что техническое оборудование и личный состав находятся на более высокой ступени совершенства, чем в прошлом году».

Еще большее впечатление на западных специалистов произвели маневры, проходившие в июле того же года. В походе участвовал почти весь флот. Он прошел 1732 мили по маршруту Кронштадт — Кильская бухта — Кронштадт. За 7 дней плавания и сложных боевых учений не произошло ни одной аварии или задержки. Знатоков поражали образцовый вид кораблей, исключительная дисциплина и четкие действия их экипажей.

«Большой поход» — под таким названием он вошел в историю — проходил под флагом народного комиссара по военным и морским делам М. В. Фрунзе. Выдающийся полководец и деятель Коммунистической партии Михаил Васильевич Фрунзе постоянно заботился об укреплении Балтийского флота, добивался, чтобы он стал боеспособным, грозным для врага. Весной 1925 года, обращаясь к балтийским морякам на III съезде Советов, Фрунзе сказал: «Друзья, позаботьтесь о том, чтобы тот, кто захочет повторить ту про-

гулку под стены Кронштадта, какую сделал в 1919 году английский флот, встретил там самый жаркий прием». Фрунзе лично руководил походом, находясь на линкоре «Марат».

Отмечая десятую годовщину Рабоче-Крестьянской Красной Армии, правительство наградило Балтийский флот орденом Красного Знамени. Это была награда за революционную стойкость, за доблесть и мужество, проявленные в боях гражданской войны, и за колоссальную работу по воссозданию морской мощи Родины.

Успешно продолжались восстановление и модернизация Советского флота. В эту огромную работу весомый вклад внесли кронштадтцы. Но это было только начало. Советский Союз, крупнейшая морская держава, разворачивал гигантское строительство кораблей всех классов с новейшими техническими средствами. Всего с 1929 года по 1940 год наша промышленность дала флоту 533 боевых корабля, не считая нескольких тысяч катеров. Одних только подводных лодок насчитывалось 218 — больше, чем в любой другой стране.

В кронштадтских гаванях появились первоклассные корабли, соединившие в себе последние достижения науки, техники и индустрии. Символом обновления Краснознаменного Балтийского флота стал «Киров» — первенец крейсеров советской постройки. Высокая скорость, огневая мощь, прочная броня, прекрасные пропорции и маневренные качества, строгость и изящество линий — все это сделало корабль гордостью красных моряков. Лучшими в мире по скорости хода и вооружению считались эскадренные миноносцы типа «Гневный».

Одновременно укреплялась береговая и противовоздушная оборона флота. Эта работа пошла особенно эффективно после того, как в 1926 году Кронштадтскую крепость, а с 1930 года — все морские крепости

страны передали флоту. Форты и батареи Кронштадта стали получать новые артиллерийские установки. Старую технику модернизировали. Благодаря этому дальность стрельбы 305-миллиметровых орудий увеличилась до 30,2 километра. Возросла и скорострельность. Были созданы части железнодорожной артиллерии.

Такие подвижные батареи вместе с фортами Краснофлотский и Передовой, с полевой и зенитной артиллерией, а также со стрелковыми частями вошли в состав Ижорского укрепленного района, сформированного в 1932 году. В те годы форт Краснофлотский считался лучшим в береговой обороне ВМФ и стал для нее кузницей кадров. Питомцы Красной Горки командовали батареями, дивизионами, укрепленными районами всех флотов.

Балтийский флот не только получал, но и отдавал корабли. В ноябре 1929 года из Кронштадта в Севастополь для усиления Черноморского флота ушли линкор «Парижская коммуна» и крейсер «Профинтерн». Из кораблей Балтики был целиком создан Северный флот и в значительной мере — Тихоокеанский.

Поистине сказочными темпами рос Советский флот. И это ставило труднейшие проблемы перед коллективами Морского (бывшего Пароходного) завода. Предприятие не имело оснащения для ремонта кораблей новых типов. Эта задача была решена при личном участии крупнейших работников партии и правительства, руководителей Ленинградской партийной организации.

Огромную роль в строительстве флота, в развитии крепости и города Кронштадта сыграли выдающиеся деятели Коммунистической партии и Советского государства С. М. Киров и А. А. Жданов, прославленные военачальники К. Е. Ворошилов и М. Н. Тухачевский. Они неоднократно посещали Кронштадт и форты крепости, участвовали в походах кораблей Балтфлота, присутствовали на учениях, бывали на Морском заводе.

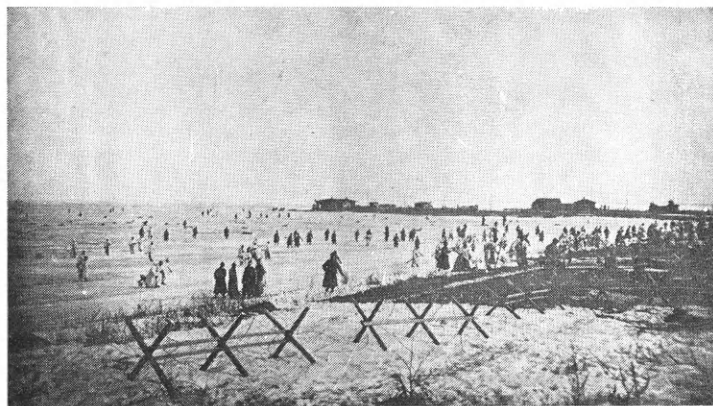
И. П. Флеровский с группой моряков, отправляющихся на фронт.
1918 год.

Памятник А. Г. Железнякову.

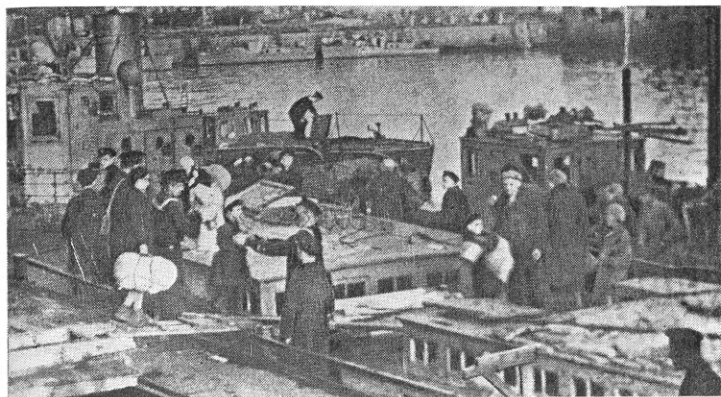
С. Г. Рошаль.

Штурм Кронштадта в марте 1921 года.

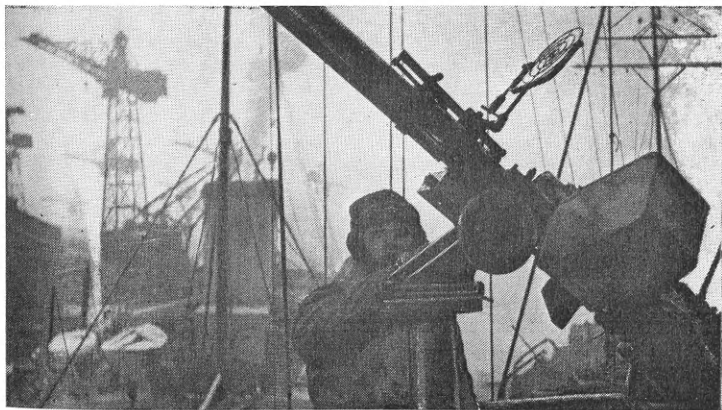

Бюст В. И. Ленина на Морском заводе.

Эвакуация жителей из Кронштадта в 1941 году.

Кронштадтский моряк стережет ленинградское небо (1941—1942 гг.).

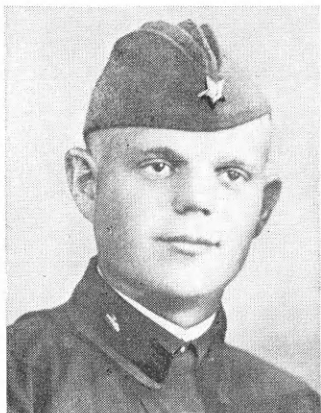

Форт ведет огонь.

Герой Советского Союза
Я. З. Слепенков.

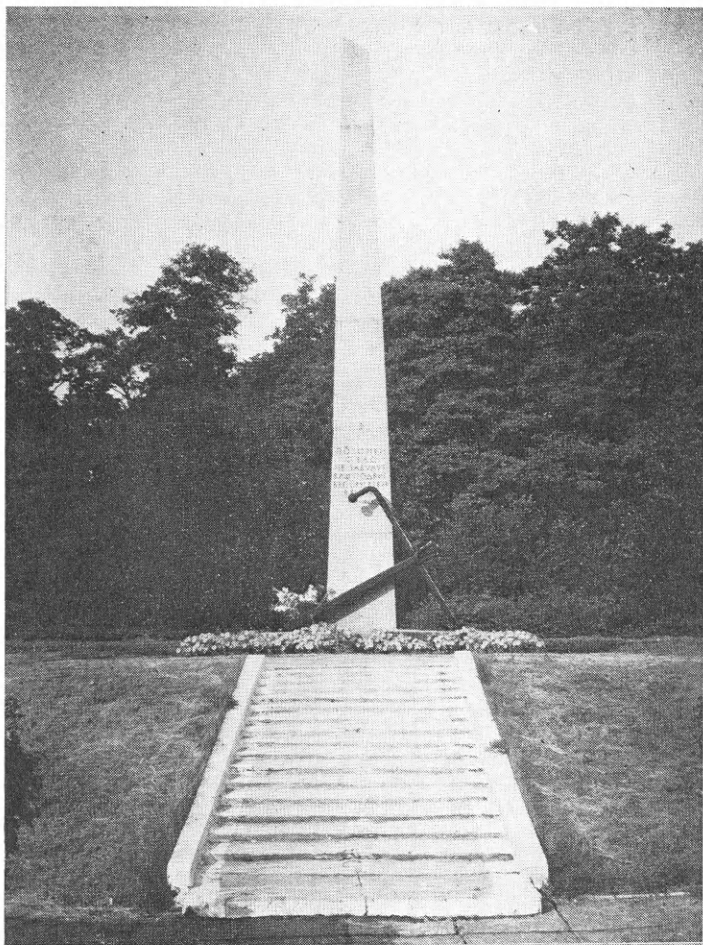
Герой Советского Союза
Н. А. Лебедев.

Герой Советского Союза
Д. Д. Ходаков.

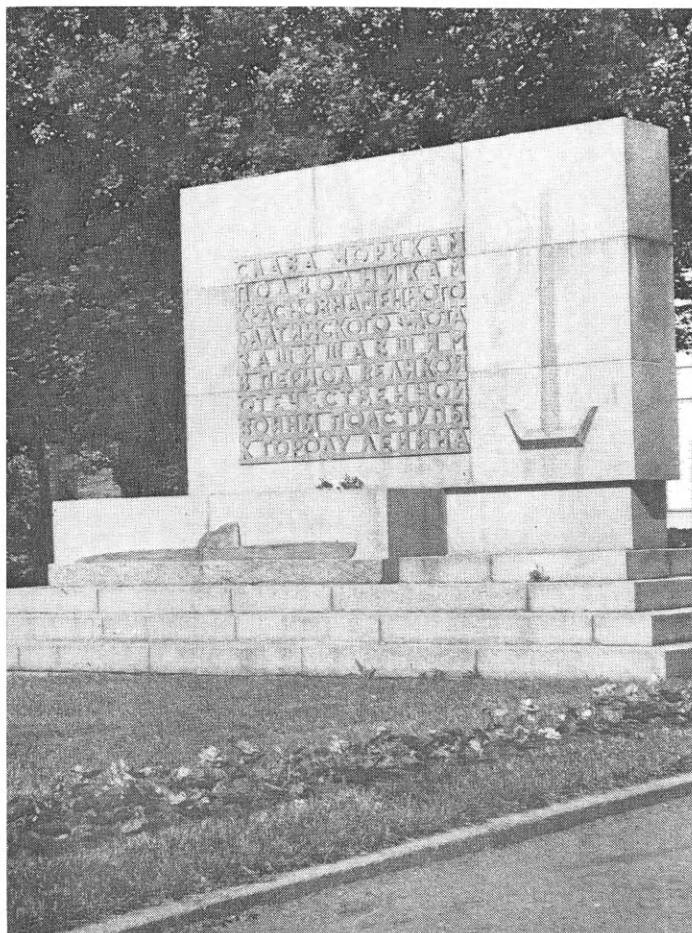

Полный кавалер ордена Славы
Н. П. Петрова.

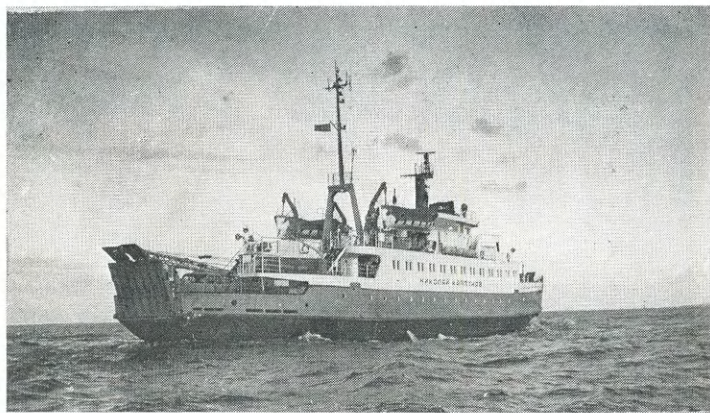

Памятник защитникам Кронштадта.

Памятник подводникам.

Паром «Николай Каплунов».

Орудие Тамбасова.

Кинотеатр «Бастіон».

Братская могила на Якорной площади

Представители старейших династий кронштадтских корабелов
Прокофьевы (слева) и Ладановы.

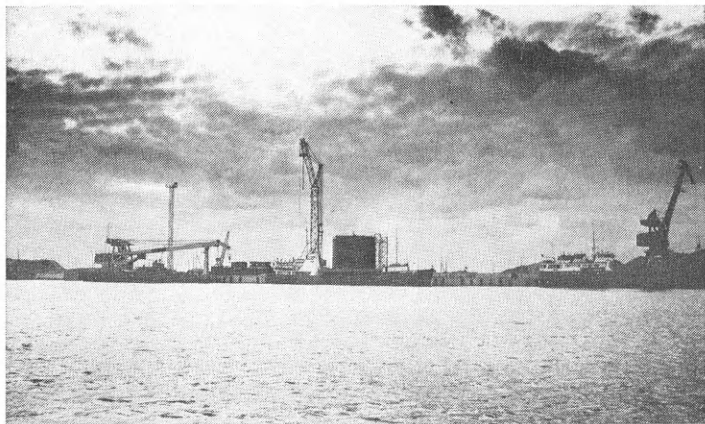
В мастерской профессионально-технического училища.

В клубе «Юный моряк».

Павильон мареографа.

Строительство защитных сооружений от наводнений.

Вручение Кронштадту ордена Красного Знамени.

Они постоянно подчеркивали большие задачи воинов Кронштадтской крепости и балтийских моряков по охране подступов к городу Ленина. В то же время стремились полнее удовлетворить нужды кронштадтцев.

Это внимание способствовало успешному выполнению заказов флота предприятиями Ленинграда и других городов страны. Морской завод получил средства на строительство и переоборудование, на техническое оснащение. Были модернизированы доки, механический, литейный и котельный цехи, построены новые корпуса.

Для того чтобы освоить новую технику, поступившую на вооружение Балтийского флота, всему заводскому коллективу пришлось учиться в кружках, в филиале Института повышения квалификации, созданном на предприятии.

Могучим рычагом роста производительности труда стали на заводе различные формы социалистического соревнования. Вскоре после того как в апреле 1929 года на «Красном выборжце» родилось это замечательное начинание, кронштадтцы обратились в наркомат с предложением учредить переходящее Красное знамя. Инициатива получила одобрение. Коллектив Морского завода стал не только родоначальником соревнования судоремонтных предприятий, но и первым его победителем. В 1932 году на заводе насчитывалось уже более 400 ударных бригад. Партийный комитет завода, Кронштадтский райком ВКП(б) всемерно поддерживали трудовое соперничество между цехами, участками, бригадами, отдельными рабочими.

Первыми на Морском заводе добились высокой выработки за счет совершенствования производства и методов труда рабочие кузнечного цеха: С. Клоков при дневной норме 100 болтов штамповал 180, И. Перцев изготавливал 125 болтов вместо 85. Передовиком социалистического соревнования стал участник большевист-

ского подполья и октябрьских боев токарь И. А. Хамеляйнен. Через многотиражную газету «Правда завода» он призвал своих товарищей поддержать его инициативу выполнить месячный план на 200 процентов. На него, как и на других коммунистов, завоевавших и отстаивавших Советскую власть, равнялись молодые рабочие.

В годы довоенных пятилеток родилась и окрепла трудовая слава фрезеровщика П. П. Милявского, медника А. А. Шабана, кузнеца П. А. Семенова, слесаря Н. А. Игнатьева, расточника И. М. Жукова. Они в числе первых подписали договоры о социалистическом соревновании, постоянно показывали пример творческого труда, отдавали много сил обучению молодежи.

Надежным помощником коммунистов стала заводская комсомольская организация. Она часто выступала застрельщиком важных начинаний. В 1933 году по инициативе комсомольцев кузнечного цеха родилась новая форма социалистического соревнования — право на первый удар молотом. Каждая бригада стремилась начать работу одновременно с гудком, чтобы ни одна минута не пропала впустую. Бригада, которой удавалось раньше других ударить молотом, получала красный флажок и звание первой ударной. Партком завода, а затем райком партии поддерживали эту инициативу, помогли распространить ее на всех предприятиях и стройках города. В результате сократились простои, поднялась дисциплина, увеличилась производительность труда.

Современная техническая оснащенность предприятия, рост производственной квалификации трудящихся, их стремление принести как можно больше пользы социалистической Родине позволили коллективу Морского завода помимо плановой работы успешно выполнить несколько очень ответственных и срочных заданий партии и правительства.

Когда зимой 1934 года арктические льды раздавили пароход «Челюскин», на спасение мужественных ученых-полярников и экипажа корабля устремился ледокол «Красин». Но прежде чем он вышел в море, кронштадтские рабочие подготовили его к трудному рейсу. Были мобилизованы лучшие судокорпусники. Каждый из них вдвое и втрое перевыполнял нормы. Рабочие Л. Шихарко, М. Яковлев, мастер М. Лампеяйнен и другие люди, движимые горячим стремлением спасти героев Арктики, трудились по 10—16 часов в сутки. Сроки были очень жесткими. Но заводской коллектив значительно опередил их и выполнил работу отлично.

Велика заслуга кронштадтцев и в успешном походе ледокола «Ермак» зимой 1938 года в Гренландское море. Рабочие Морского завода отдали все силы, знания и мастерство для того, чтобы корабль смог как можно скорее прийти на выручку бесстрашным покорителям Северного полюса И. Д. Папанину, Э. Т. Кренкелю, П. П. Шишову и Е. К. Федорову. Дрейфующая льдина, на которой они разбили свой лагерь, стала разламываться. Весь мир тревожился за судьбу отважной четверки. В то время «Ермак» стоял на капитальном ремонте в Кронштадте. Требовалось выполнить работы вместо нескольких месяцев в несколько дней.

Клепальщики, сварщики, чеканщики, котельщики, судокорпусники трудились по 3—4 суток без отдыха. Стоял трескучий мороз, студёный ветер пробирал до костей. Но когда рабочим предлагали отдохнуть часок, погреться, они отвечали: «Папанинцам труднее. Сейчас не до отдыха!» На ледоколе работали лучшие в стране мастера, специалисты высшей квалификации. Однако даже для них выработка тех дней была невероятно высокой. Кронштадтские рабочие показали образец трудового героизма, самоотверженности, кровного братства советских людей. Особенно отличились

судоремонтники мастера корпусного цеха М. К. Банькова. Каждое задание они выполняли вдвое быстрее.

8 февраля 1938 года «Ермак» вышел из дока. А 15 марта он доставил Папанина и его товарищей в Ленинград.

Не жалея сил, заводчане вместе с моряками крепко Краснознаменный Балтийский флот. Его мощь сполна ощутила на себе финская военщина, осенью 1939 года спровоцировавшая при пособничестве империалистов войну против СССР.

12 марта 1940 года между СССР и Финляндией был подписан мирный договор, отодвинувший государственную границу от Ленинграда и Кронштадта. Еще сильнее на положение города-крепости и всего Балтийского флота повлияло вступление Эстонии, Латвии и Литвы в семью советских республик. В результате Советский Союз получил Карельский перешеек, острова в Финском заливе Сескар (Лесной), Лавенсари (Мощный), Соммерс (Маяк), Нерва (Нарвский), Гогланд и другие. У флота появились открытые выходы в море, новые базы. Протяженность морской границы СССР увеличилась на 1740 километров.

С июня 1940 года главной базой флота стал Таллин. Началось спешное освоение новых районов Балтики. Для этого в течение нескольких месяцев на флоте сформировали 245 новых частей и подразделений. Большинство их возглавили командиры и комиссары, прошедшие школу Кронштадта. Он по-прежнему оставался важной учебной, тыловой, ремонтной, снабженческой базой.

После победы над белофиннами снова без светомаскировки засияли окна домов, школ, клубов, библиотек. И в этом радостном свете еще отчетливее стало

видно, как преобразился город на Котлине за годы Советской власти. По решению правительства все наркоматы с 1923 года начали приводить в порядок подведомственные им учреждения в Кронштадте. Затем был принят план восстановления народного хозяйства на 1926—1930 годы. В соответствии с ним ремонтировались водопровод и канализация, тротуары и мостовые, реконструировались общественные здания, достраивалась Морская библиотека. Вошла в строй станция хлорирования воды мощностью 10 тысяч кубометров в сутки. Благодаря этому положение с питьевой водой значительно улучшилось.

Приступили и к решению жилищной проблемы. А она была исключительно трудной. В дореволюционном Кронштадте общая жилая площадь составляла 340 тысяч квадратных метров. После Великого Октября из нее исключили подвалы, чердаки и другие непригодные для жилья помещения, в которых ютились трудящиеся. Осталось 204 тысячи квадратных метров. В период гражданской войны и контрреволюционных выступлений вышло из строя еще 45 252 квадратных метра. Таким образом, жилая площадь города сократилась на 52 процента. Из сохранившихся 790 жилых строений 407 были деревянными, ветхими.

В первые же годы Советской власти пролетарии получили благоустроенные квартиры в центре города, раньше принадлежавшие местной буржуазии, купечеству, контрреволюционному офицерству. Первым перешел в полное владение хозяев новой жизни дом по проспекту Ленина, 40. В него переселились многие труженики Морского завода.

На месте деревянных хибарок, трактиров и пустырей стали подниматься каменные дома советской постройки. Начало положил дом № 4 по Ленинградской улице. Три его четырехэтажных корпуса в 1931 году заселили 260 рабочих семей. Затем поднялись дома по

улицам Карла Либкнехта, 15, Аммермана, 2, 44, 46, Урицкого, 22...

Строились не только жилые дома. Открылись больница и поликлиника, тысяча ребят заполнила новое здание школы на площади Рошаля, вступил в строй хлебозавод, реконструировалась, механизировалась швейная фабрика.

К началу 40-х годов в Кронштадте насчитывалось уже свыше 40 тысяч гражданских жителей. 77 процентов трудящихся работало на предприятиях и в учреждениях военного и морского ведомств. Вчерашние рабочие становились руководителями.

Матрос царского флота, участник Октябрьской революции, Ледового похода, подавления мятежа на Красной Горке Иван Яковлевич Стеценко в 1925 году пришел работать на Морской завод. Советская власть дала ему возможность учиться. Стеценко проявил себя умелым организатором, знающим специалистом. Он возглавлял различные службы завода, а затем стал главным инженером предприятия. Слесарь Николай Григорьевич Калинин в 1917 году вступил в партию большевиков, сражался на фронтах гражданской войны, а вернувшись на завод, стал мастером механического цеха. Потомственный судоремонтник Александр Гаврилович Гаврилов был в продотряде, а когда снова пришел в цех, то вскоре был выдвинут старшим мастером, позже — начальником корпусной мастерской. Стали руководителями Д. К. Перский, П. П. Милаевский, М. К. Баньков, И. Е. Сарпов и многие другие лучшие производственники.

В 1930 году 19 процентов населения еще оставалось неграмотным. В 1931 году 300 комсомольцев и пионеров провели необычный субботник: переписали всех детей, которые должны были учиться. Коллективы ВЛКСМ взяли шефство над школами, заключили между собой договоры на социалистическое соревнование

за лучшую организацию шефства. Осенью сели за парты все дети школьного возраста. Для взрослых ввели непрерывный год по ликбезу. И неграмотность отошла в прошлое.

Культурными центрами города стали Дом Красной Армии и Флота, Матросский клуб, клубы металлистов, водников и химиков. Здесь показывали свое искусство артисты Ленинграда, гастролировали сценические коллективы Москвы, других городов. Регулярно организовывались массовые культпоходы в ленинградские театры и музеи. Кроме того, трудящиеся получили широчайший простор для развития своих дарований. Самодеятельные артисты Морского завода ставили пьесы классического и советского репертуара. Открылась Центральная общественная библиотека. В год она выдавала около 200 тысяч книг. Городскую детскую библиотеку ежедневно посещали 200—400 ребят. Бывший Сухопутный манеж превратился в кинотеатр «Памяти трех эсминцев». Были созданы Антирелигиозный музей, Дом коммунистического воспитания детей, различные кружки, секции, объединения... Ярким, насыщенным стал досуг кронштадтцев.

Вместе с духовной, нравственной культурой поднималась и физическая культура горожан. Особенно полюбились им оборонные виды спорта, и в первую очередь — марафонские лыжные пробеги. Вошли в традицию походы по маршруту Кронштадт — Ленинград. В марте 1936 года шестеро лыжников впервые совершили переход от Кронштадта до Москвы. За 12 суток они прошли 760 километров.

...Несколько лет назад писатель Всеволод Азаров опубликовал в сборнике «Пламя над Невой» письма кронштадтской комсомолки Риммы Волковой. Это, пишет во вступлении В. Б. Азаров, «повесть молодой жизни, чистая и проникновенная». Это и рассказ о том, как красиво, полнокровно жили молодые

кронштадтцы, когда сияло над их головами мирное небо.

«Итак, до войны я жила в Кронштадте, работала токарем на Морском заводе, завод был для меня родной дом, я любила мою работу, товарищей, подруг; там очень хороший, боевой коллектив, он был для меня родной семьей. Коллектив мне отвечал любовью на любовь, недаром теперь называют меня «дочь завода»...

Я занималась на стадионе, каждое лето ездила на большие соревнования в Москву, Харьков, Ростов-на-Дону, Севастополь... Я защищала честь своего завода, Кронштадта, Балтики. И защищала не так уж плохо...

Еще у меня есть одно серьезное увлечение — живопись и скульптура. До войны я училась полтора года в изостудии Дома флота, в сорок первом должна была поступать на подготовительное отделение в Академию художеств...

Я сделала себе ключ и каждый вечер лепила в студии одна, все забывала, все отодвигалось куда-то далеко; хотелось без конца работать, осязая под своими пальцами послушную глину... Так я ощутила радость творчества...

В общем, жизнь была счастливой...»

Жизнь была счастливой. Но письма эти Римма Волкова написала в 1943 году. Она была уже не токарем и не могла стать скульптором. Она стала бойцом.

ОГНЕВОЙ ЩИТ ЛЕНИНГРАДА

Волшебная, пленительная ночь стояла над Финским заливом. Нежными переливами красок играло чистое небо в ожидании скорого восхода солнца. Ни ветерка, ни звука над спокойным зеркалом вод, над спящими деревьями и травами.

Всю эту удивительную красоту видели только вах-

тенные, не смыкавшие глаз на фортах Кронштадтской крепости. На Котлине, на побережье, на маленьких гранитных островах, разбросанных по заливу,— всюду зорко всматривались и чутко вслушивались они в безмятежную тишину белой ночи.

Той ночью по приказу народного комиссара ВМФ Н. Г. Кузнецова командующий Краснознаменным Балтийским флотом В. Ф. Трибуц объявил боевую готовность. В каждой воинской части, на каждом корабле командиры и краснофлотцы собирались по тревоге. С орудий снимали чехлы, получали боеприпасы. Погасли все маяки и створные огни. Усилилось наблюдение. В 23 часа 37 минут 21 июня 1941 года флот был готов немедленно отразить нападение противника. Все понимали: эти приготовления не напрасны. И все же в сердцах советских воинов жила надежда: может быть, ничего страшного не произойдет... Между тем время отсчитывало уже последние минуты мирного счастья.

В начале четвертого часа утра несколько наблюдателей на фортах и на кораблях почти одновременно увидели группу чужих самолетов. 12 «юнкерсов» низко шли к Котлину со стороны северного берега. Занималось яркое солнечное утро. Прекрасная видимость позволила обнаружить нарушителей воздушного пространства Родины на предельной дальности. На боевых постах подразделений противовоздушной обороны пронзительно зазвенели электрические колокола: боевая тревога! Послышались четкие команды, лязг орудийных замков, грозно вздыбились стволы пушек и пулеметов. На фортах Обручев и Первомайский, на линкоре «Марат» ударили зенитки.

Незванные гости отвернули перед огневой завесой, сбросили какие-то предметы в стороне от Кронштадтского корабельного фарватера. Все, кто видел это, ожидали взрыва бомб. Но взрыва не последовало. Днем выяснилось, что немецкие летчики сбросили маг-

нитные мины. Около 3 часов 30 минут вражеский самолет обстрелял пароход «Луга» на Красногорском рейде.

Гитлеровцы не смогли застать врасплох защитников города-крепости. Артиллеристы 1-го зенитного полка, расположенного на территории Котлина и островных фортов, 2-го и 5-го полков, дислоцированных на южном берегу Финского залива, открыли боевой счет, сбив два и повредив один самолет. В ночь на 22 июня открыл огонь по самолетам врага и дежурный катер младшего лейтенанта Михаила Макаренко, стоявший в дозоре западнее Котлина. Через несколько минут из гавани Кроншлота вынеслись по тревоге другие «малые охотники» 1-го дивизиона сторожевых катеров, чтобы занять линию дозоров вокруг Котлина, взять под охрану идущие в Ленинград суда, вернуть в гавань яхты с отдыхающими.

В 3 часа 45 минут командир Кронштадтской военно-морской базы контр-адмирал В. И. Иванов позвонил в Таллин и доложил В. Ф. Трибуцу о происшедшем. К тому времени штабу флота стало известно и о других агрессивных действиях немцев. В 5 часов 17 минут командующий КБФ подписал телеграмму для всех соединений, частей и кораблей: «Германия начала нападение на наши базы и порты. Силой оружия отражать противника».

Так на Балтику пришла война. А гражданское население Кронштадта еще жило в мирной обстановке. Этим ясным воскресным утром сотни людей, нарядно одетых, радостных, отправились в Русский музей, на дневной спектакль в театр имени Пушкина, на Кировские острова, в Петергоф. Любители спорта собрались на площади Рошала — там открылся футбольный сезон. Многие слышали ночную канонаду, но приняли ее за учебную тревогу. Жителям города-крепости учения привычны.

В полдень в правительственном сообщении по всей стране прозвучало грозное слово «война». Кронштадтцы сразу же поспешили на свои предприятия, в райком партии, в райвоенкомат. Труженики Морского завода пришли на рабочие места, чтобы выполнять срочные оборонные задания. Они поступили в тот же день: переоборудовать катера и рыболовные траулеры в электромагнитные тральщики.

К началу войны Кронштадтская военно-морская база представляла собой крупное соединение боевых кораблей, береговой и противовоздушной обороны. Водный район базы простирался на 100 миль к западу от Котлина, до меридиана острова Родшер. Обороняли этот район 2 дивизиона тральщиков, 2 дивизиона сторожевых катеров, дивизион сетевых заградителей, а также шхерный отряд кораблей и бригада торпедных катеров. Кроме того, командиру базы подчинялся отдельный учебный дивизион подводных лодок. Береговая оборона состояла из трех укрепленных секторов: Кронштадтского (артиллерия Котлина, островные и береговые форты с приданными им стрелковыми подразделениями), Выборгского и Гогландского, расположенного на нескольких островах средней части Финского залива. Противовоздушную оборону базы обеспечивали 2 зенитных артиллерийских полка и 4 отдельных дивизиона. В составе базы находилась и 1-я бригада морской пехоты. Именно она положила начало этому роду войск.

«Никто из нас, руководителей флота, не предполагал, что Кронштадтская военно-морская база, занимавшая тыловое положение, окажется в короткий срок после начала войны на переднем крае боевых действий,— писал адмирал В. Ф. Трибуц.— Поэтому, естественно, мы не готовили территорию базы и ее объекты к решению сухопутных оборонительных задач».

Уже 22 июня на подступах к Красной Горке и Серой Лошади начали создавать укрепленные рубежи. Бойцы рыли окопы, строили дзоты, землянки. На танкоопасных направлениях выставили минные заграждения, надолбы. Срочно формировали новые артиллерийские батареи. Но вскоре потребовалось переоборудовать старые. Ведь их орудия были нацелены на запад, в сторону моря. С таким расчетом давным-давно установили пушки, определили секторы обстрела, построили бетонные орудийные дворики и погреба для боеприпасов. А враг наступал и с севера — на Карельском перешейке, и с юга, и даже с юго-востока, когда гитлеровцы прорвались к Петергофу и Красному Селу. Орудия приходилось разворачивать почти на 180 градусов. Для того чтобы поражать противника на неожиданных направлениях с высокой скорострельностью, артиллеристы фортов вместе с тружениками кронштадтских предприятий выполнили большой объем работ в боевой обстановке, под обстрелами и бомбежками.

Командование принимало все меры для того, чтобы превратить Кронштадт в неприступный заслон Ленинграда. Для этого в начале июля Кронштадтский укрепленный сектор береговой обороны разделили на три: Кронштадтский, Ижорский и Лужский. Каждый из них усиливали стационарными и передвижными железнодорожными батареями, бронепоездами. Для этого использовали орудия, находившиеся в Кронштадте, — они предназначались для строившихся кораблей. Одновременно в Финском заливе создавались минные поля, на Котлине шло формирование подразделений морской пехоты и народного ополчения, строились укрепления. Скверы и парки города были перекопаны, всюду сотни людей рыли щели, траншеи, огневые позиции зенитных батарей.

Кронштадтцы в первый же день войны по призыву

райкома партии вышли на оборонные работы под руководством опытных военных инженеров В. И. Рогачева, Л. Н. Фуксона, Д. И. Сууровова, И. М. Воронцова. На строительстве подавали пример землякам секретарь райкома ВКП(б) Е. И. Басалаев и председатель райисполкома М. И. Парамонов. «Население трудилось с таким воодушевлением, что работы были закончены на 10 суток раньше срока», — писал комиссар штаба крепости Г. М. Яичников. В августе горожане, в основном школьники, построили на Бычьем поле, рядом с кладбищем, аэродром. Камни и кирпичи носили ведрами, возили в тележках и детских колясках. На этот аэродром, оставив Эстонию, приземлился 71-й истребительный авиаполк КБФ.

Тем временем взрослое население Кронштадта проходило всеобщее военное обучение. В райкоме партии подготовили свыше 600 сандружинниц и медсестер, затем открыли курсы телефонисток, телеграфисток, радисток. В двухэтажном здании райкома занималось одновременно 7 групп, но в них приняли лишь часть желающих. Здесь же отбирали лучших коммунистов и комсомольцев в действующую армию, в группы для борьбы в тылу врага. Пять тысяч кронштадтцев ушло в народное ополчение.

Морской завод провожал отряды добровольцев 10, 14 и 21 июля — всего 345 человек. Кроме того, более 300 работников предприятия было призвано в армию. Взял в руки оружие старый большевик, участник штурма Зимнего М. Г. Ладанов. Командование не хотело удовлетворять просьбу начальника корпусной мастерской М. К. Банькова, считая, что этот крупный специалист нужен производству. Но коммунист, боец гражданской войны подал пять заявлений и добился отправки на фронт. Комсомольцы электротехнического цеха во главе с комсоргом З. В. Горкиным в коллективном заявлении просили зачислить их в танковый

экипаж и поклялись громить врага до последнего дыхания.

Оставшиеся на рабочих местах трудились за двоих. Они спешно переоборудовали мобилизованные гражданские суда в военные, вооружали их пушками, пулеметами, тралами. Руководили этими работами квалифицированные специалисты Е. Н. Киселев, С. А. Захаров, Н. Н. Ганичев. Такие спешно созданные канонерские лодки, тральщики, другие боевые корабли и вспомогательные суда с насоро обученными экипажами мужественно и стойко сражались с врагом. Ветеран предприятия А. М. Захаров руководил изготовлением артиллерийских плит. Инженеры М. О. Бевзюк, А. А. Рябинин, Б. К. Алексеев возглавили освоение разработанного ленинградскими учеными во главе с А. П. Александровым и И. В. Курчатовым размагничивающего устройства. Шло оснащение флота новыми навигационными приборами — эхолотами, лагами, гирокомпасами. Инженеры, бригадиры монтажников Г. П. Кулинич, Г. Д. Балоба, Ф. З. Ведерников, рабочие не только досрочно выполняли эти ответственные задания, но и ввели много новшеств, проявив смекалку и изобретательность.

В ремонтных цехах умельцы под руководством мастера Я. Табоякова быстро переделали учебные пулеметы, автоматы и винтовки в боевые. Станочники А. А. Мелентьев, Д. Ф. Степанов, Д. И. Иванов модернизировали «максимы». Восстанавливали и пострадавшее в боях стрелковое оружие. Его так не хватало на фронте!

27 июня в док Морского завода стал подрывавшийся на mine крейсер «Максим Горький». Он потерял носовую часть. Чтобы устранить такие тяжелые повреждения, рабочим пришлось выполнять новые для предприятия операции, по которым не было специалистов. Учились на ходу, не выходя из цеха по 18—20 часов.

Ремонт занял 44 дня вместо 90, назначенных аварийной комиссией. 2 июля пришел эсминец «Карл Маркс» с разрушенной кормой. Его тоже восстановили быстрее, чем намечалось.

В конце августа флоту пришлось оставить Таллин. Около 140 кораблей и судов прорвались в Кронштадт через блокированный минными заграждениями, авиацией и кораблями Финский залив. В ходе операции погибло около пяти тысяч человек, затонули 34 транспорта, 16 боевых кораблей и катеров. И все же участник перехода писатель Всеволод Вишневский справедливо отметил в дневнике: «История запишет прорыв Балтийского флота в ряды славнейших дел». Действительно, несмотря на тяжелые потери, КБФ сохранил ядро своих сил. Грозные корабли и 18 тысяч закаленных воинов пришли на защиту Ленинграда.

Кронштадт снова стал главной базой флота. Ею руководил непосредственно командующий КБФ, а комендантом был назначен генерал-майор Г. С. Зашихин.

Гитлеровское командование считало взятие города Ленина делом нескольких дней. Фашисты полагали, что Балтийский флот будет прорываться в нейтральную Швецию. Они усилили минные поля, расставили корабли у входа в Финский залив и приготовились «ловить» балтийцев. Однако вскоре германские адмиралы и генералы поняли, что моряки Краснознаменной Балтики намерены не бежать, а побеждать.

31 августа враг подошел к побережью Финского залива на дальность выстрела тяжелых орудий Красной Горки. Командир форта капитан Г. В. Коптев поставил задачу перед 311-й батареей старшего лейтенанта В. К. Мустафаева поддержать наши части в районе Копорья. Меньше года назад эта батарея по результатам практических стрельб заняла первое место в Военно-Морском Флоте СССР, ее командира нарком Н. Г. Кузнецов награждал именными золотыми часами.

Теперь настал час подтвердить высокое воинское мастерство в боевых условиях.

«Уже в 13.45 дали первые залпы,— вспоминал В. К. Мустафаев.— Прошли десятки томительных секунд — до цели было больше 30 километров,— прежде чем корректировщики В. Д. Тоболовский и Н. П. Пушкарев доложили по телефону, что цель накрыта и противник в панике бежит. Вводим корректуры, и батарея дает еще несколько залпов. Отбой! Из штаба Копорской группы сообщают результаты стрельбы: уничтожено несколько танков, автомашин, орудий и десятки солдат врага».

Ораниенбаумский плацдарм, основной обороны которого служили форты Красная Горка и Серая Лошадь, имел огромное значение. Он обеспечивал возможность выхода кораблей и подводных лодок КБФ в Финский залив и Балтийское море, прикрывая Кронштадт, оттягивал на себя значительные силы гитлеровцев, постоянно угрожая левому флангу их 18-й армии. Враги предпринимали отчаянные попытки сломить здесь оборону советских войск, захватить форты. Свежим резервам оккупантов противостояли измотанные в боях части 8-й армии, подразделения Ижорского укрепленного сектора и сильно поредевшие батальоны 2-й и 5-й бригад морской пехоты. На поддержку им командование направило несколько матросских батальонов. О подвиге одного из них свидетельствует генерал-майор Т. М. Зубов:

«Его командир, сапер капитан С. И. Боковня, собранный, плотно сбитый, с волевыми чертами лица, был дисциплинированным и смелым человеком. Когда немцы повели наступление от Копорья к берегу Финского залива, его батальон должен был остановить гитлеровцев, не допустив их к берегу... Весь день бой не стихал ни на минуту. Раненный в ногу, командир батальона проявил исключительное мужество и стой-

кость... Боковня со своим батальоном в течение дня 16 раз ходил в контратаку. Говорили, что в первый раз он пошел в контратаку со всем батальоном, затем с частью его, а в последний раз втроем — с ординарцем и связным...»

Так же самоотверженно защищали Приморский плацдарм артиллеристы фортов, железнодорожных батарей, бронепоездов «Балтиец» и «За Родину». Зенитчики били прямой наводкой по танкам. С предельной скорострельностью вели огонь корабли, находившиеся в районе Кронштадта. Советские патриоты несли большие потери, но сорвали план захватчиков полностью овладеть южным берегом Финского залива.

Лучшие силы отдал защите города Ленина Балтийский флот. Моряки сражались в составе каждой стрелковой дивизии. Кроме того, КБФ сформировал 7 бригад, полк, 7 батальонов, несколько отрядов и маршевых подразделений морской пехоты. Не успели высадиться на котлинскую землю остатки героически сражавшейся под Таллином 1-й бригады морской пехоты, как ее начали усиленно пополнять. Не закончив комплектование, она выступила на северную окраину Красного Села, чтобы задержать крупные силы оккупантов. Моряки получали оружие и боеприпасы, знакомились с командирами уже в пути. Им пришлось выйти на указанный рубеж без пушек и пулеметов и с ходу вступить в бой. Балтийцев своим присутствием воодушевлял командующий войсками Ленинградского фронта маршал К. Е. Ворошилов. Трое суток дралась бригада, отстаивая каждую пядь земли. Она потеряла 70 процентов рядовых, 80 процентов командного состава, но не отступила ни на шаг, усеяв поле боя трупами гитлеровцев.

В тех же боях получила боевое крещение 6-я бригада, сформированная в Кронштадте из личного состава подводных лодок и учеников матросов. 8 тысяч мор-

ских пехотинцев самоотверженно выполняли приказ «Ни шагу назад!». Позже они спасали положение под Волховом, затем отбросили врага на 25 километров в районе Войбокала. Доблестно сражалась на южной окраине Ленинграда 7-я бригада, созданная за счет экипажей линкоров, эскадренных миноносцев и подводных лодок.

Яростно и упорно, воскрешая лучшие традиции времен гражданской войны, дрались сыновья Кронштадта, морские пехотинцы Краснознаменной Балтики, у стен Ленинграда Гитлеровцы панически боялись встречаться с ними лицом к лицу. Осенью 1941 года обер-лейтенант Эрих Шток жаловался в своем дневнике: «Все можно вынести, только не атаки моряков. Эти люди, из которых все или почти все большевики, с развевающимися на ветру черными ленточками, в полосатых рубашках похожи на тигров; они страшнее пулеметов и пушек».

Впрочем, другим фашистским воякам больше всего неприятностей доставляли именно пушки Кронштадта и стоявших в его гаванях кораблей. С огневых позиций на фортах и на Котлине артиллеристы видели танки и пехоту противника, штурмовавшего окраины Ленинграда, и обрушивали на них всю мощь огня. Вражеская артиллерия с выходом немецких войск на побережье тоже получила возможность вести прицельный обстрел кораблей в Кронштадте. Но они заняли открытые позиции на Восточном рейде, в Морском канале, против Петергофа и Ораниенбаума, чтобы бить точнее, перемалывать цепи гитлеровцев и их военную технику.

18 сентября на рейд Петергофа вышел линкор «Октябрьская революция». С его мостика моряки увидели психическую атаку гитлеровцев: впереди, как на параде, маршировал тысячный оркестр. Немедленно корабль ударил из своих орудий. Один из первых же

снарядов угодил прямо в оркестр и разметал его. Оставшиеся в живых фашисты в панике бежали.

Фашистские войска намеревались с ходу форсировать Неву и выйти на ее правый берег в районе Невской Дубровки. Но там еще в августе моряки с помощью кронштадтских рабочих установили мощные артиллерийские батареи. Захватчики получили решительный отпор. Гитлеровцы всеми силами старались уничтожить орудия, смять оборону Невской оперативной группы, за время блокады Ленинграда выпустили по ней свыше 18 тысяч мин и снарядов. Но позиция осталась непреодолимой для врага.

В те же дни начала сентября вся артиллерия Кронштадтского укрепленного сектора, особенно фортов «О» и «П», а также линкоров, крейсеров и канлодок, интенсивно обстреливала узлы дорог, переправы, скопления живой силы противника в центре Карельского перешейка. Там финские войска прорвали наш основной оборонительный рубеж. Создалась реальная угроза их соединения с немцами. Поэтому тяжелая артиллерия день и ночь вела огонь по районам Оллила — Александровка и Белоостров — Куоккала. Благодаря этой мощной поддержке 23-я армия выбила противника из Нового Белоострова. Деморализованные огнем сокрушительной силы, финские дивизии отошли и заняли оборону, которая продолжалась почти три года — до наступления советских войск.

Кровопролитные сентябрьские бои доказали германским стратегам огромное значение морской артиллерии в обороне Ленинграда. Поэтому гитлеровцы решили ее уничтожить, в первую очередь самые уязвимые цели — корабли. С 14 сентября начались обстрелы каждого крупного корабля из тяжелых орудий, с 16-го — атаки авиации. В тот день в «Марат» попали две бомбы и 6 снарядов, линкор ушел в Кронштадт исправлять повреждения. На следующий день постра-

дал крейсер «Максим Горький». Эти удачи обрадовали фашистов. Они решили нанести по Кронштадту массированные удары, пустить на дно самые грозные корабли Балтийского флота.

Первый налет враг совершил 19 сентября. 15 «юнкеров» сбросили бомбы в Средней гавани, в районе Морского завода и госпиталя. Повреждения были незначительными, зенитчики и истребители быстро отогнали фашистские бомбардировщики. Небольшая их группа нанесла удар по гавани Ораниенбаума, где стоял Краснознаменный крейсер «Аврора». Основная часть экипажа ушла на сухопутный фронт. Орудия главного калибра били по врагу прямой наводкой с позиций между Дудергофом (поселок Можайский) и Пулковскими высотами. Часть артиллерии корабля, в том числе знаменитое баковое орудие, холостой выстрел которого послужил сигналом к началу штурма Зимнего дворца, установили на бронепоезде «Балтиец». На крейсере оставались только зенитные пушки. Авроровцы достойно встретили немецких стервятников, плотным огнем заставили их беспорядочно сбросить бомбы в воду. Но этот налет, по замыслу врага, был только репетицией...

21 сентября к Кронштадту прорвалось 180 меченных свастикой самолетов. Воздушная тревога, объявленная в 11 часов, не прекращалась до 18. В небе было черно от бомбардировщиков «Ю-87» и «Ю-88». Группами по 30—40 машин они устраивали «карусели» над целями, поочередно с воем ложились в пике и бросали бомбы. Вода в гаванях закипала, земля сотрясалась от взрывов. У берегов Котлина в те дни стояло много кораблей: у стенки Лесной гавани — крейсер «Киров», в Средней гавани, у стенки Усть-Рогатки, — линкор «Марат», эсминцы, минзаги. Были заняты все причалы Морского завода. Сюда главным образом и целил враг.

На Восточном рейде, накрытый серией бомб, затонул эсминец «Стережущий». Лег на дно сторожевой корабль «Вихрь». Немецкие пикировщики сбросили более 300 бомб на линкор «Октябрьская революция», стоявший на якоре у Петергофа.

Враг метил не только на корабли. Он хотел уничтожить весь Кронштадт, в особенности его артиллерию и Морской завод. На территории предприятия упало 16 бомб. Сильно пострадали механический и деревообделочный цехи, шлюпочная мастерская. Погибло более 50 человек, в том числе начальник одного из цехов С. А. Захаров. Превратились в развалины несколько жилых домов. Перестали действовать водопроводная и электрическая станции.

Три большие бомбы разрушили приемный покой и терапевтическое отделение Морского госпиталя. Из строя вышли пищеблок, теплоцентраль, водо- и паропровод, электрические линии, канализация. Погибли 53 человека, в том числе 13 врачей, медсестер и других сотрудников госпиталя. 58 человек получили ранения.

В тот ясный осенний день на Кронштадт было сброшено более 500 бомб.

22 сентября фашистские стервятники снова с расвета до темноты вились над городом. Получили повреждения миноносцы «Сильный» и «Грозный». В Морской завод попало 20 бомб. В гаванях и на улицах города разорвались первые снаряды, выпущенные гитлеровцами с южного берега Невской губы.

Особенно тяжелым для Кронштадта и флота выпал день 23 сентября. Базу бомбили 272 пикирующих бомбардировщика. Они шли с разных направлений, волна за волной, сыпали бомбы на крепость, на гавани и рейды, на пирсы подводных лодок, на позиции артиллерийских батарей, на Морской завод, в доках которого стояли поврежденные корабли...

На крейсер «Киров» «юнкерсы» сбросили 90 бомб. Две из них пробили палубу с правого борта, на корабле возник пожар. Однако экипаж флагмана КБФ мужественно выдержал шесть «звездных» налетов противника, продолжая в то же время обстрел дальних целей. Орудия главного калибра обрушили на них свыше 200 снарядов. Более 4 часов подряд успешно отражали воздушные атаки зенитчики линкора «Октябрьская революция». Все же одна бомба разорвалась на палубе. Но матросы хладнокровно погасили пожар и уже в сумерках отразили последний налет. Трагичнее сложилась судьба других кораблей. Сел на грунт лидер «Минск», затонули подводная лодка «М-74», буксир и транспорт. Весь флот, весь Кронштадт болезненно переживали тяжкие раны «Марата». Линкору оторвало носовую часть до 2-й башни. Взрыв колоссальной силы потряс гавань и осветил заревом весь город. Столб пламени и черного дыма поднялся высоко в небо. Погибли более 300 человек, в том числе командир корабля капитан 2-го ранга П. К. Иванов и комиссар С. И. Чернышенко, многие рабочие Морского завода, находившиеся в тот день на линкоре.

Кроме бомб захватчики сеяли над Котлином тучи листовок: «Сопrotивляясь немецким войскам, вы погибнете под развалинами, под ураганом немецких бомб и снарядов. Мы сравниваем Ленинград с землей, а Кронштадт — с водой...» Фашисты надеялись утратить советских людей. Город-крепость отвечал огнем всех калибров. На стволах зениток обугливалась краска. Подвиги бесстрашия совершали летчики Г. Д. Костылев, Т. А. Усыченко, Н. К. Ткачев, А. Ф. Руденко, С. И. Львов. Впятером они сражались с десятками «юнкерсов» и «фокке-вульфов» и одерживали победы.

Налеты на Кронштадт дорого обошлись немецкой авиации. За три дня она потеряла 37 машин. Но одни вражеские самолеты, объятые пламенем, падали в за-

лив, другие успевали нанести чувствительные удары. Ведь основные силы морской авиации защищали Ленинград, а в районе Котлина дежурили всего 5—6 истребителей, отживших свой век «И-15» и «И-153». Только отвага балтийских асов делала эту устаревшую технику грозной для врага, располагавшего более совершенными машинами.

Командование сделало серьезные выводы из анализа потерь, понесенных флотом и Кронштадтом. На Котлин срочно перебазировали полк истребителей ПВО и зенитный полк. Это сразу же сказалось на результатах боев. При очередном налете воздушные пираты встретили сильный отпор. 27 сентября в воздушных боях над Кронштадтом отличились летчики Т. И. Бондаренко, М. А. Ефимов, И. А. Каберов, М. Г. Мартыщенко, А. Ф. Мясников, А. Ф. Руденко.

Правда, гитлеровцам удалось вывести из строя одну башню линкора «Октябрьская революция» и нанести новые повреждения крейсеру «Аврора», в результате которых команде пришлось открыть кингстоны и затопить трюмные отсеки, иначе корабль мог опрокинуться. «Аврора» стала на ровный киль. Но эти эпизоды не имели существенного значения. А потери фашистской авиации значительно возросли.

С 29 сентября массовые налеты на Кронштадт прекратились. Операция фашистов, в которой в общей сложности участвовало около 400 самолетов, успеха не имела.

Еще раньше, 25 сентября, штаб группы армий «Север» сообщил в Берлин, что оставшимися силами продолжать наступление на Ленинград невозможно. Стратеги третьего рейха официально признали крушение своих планов захватить город Ленина с ходу. Впервые во второй мировой войне германские вооруженные силы перешли к долговременной обороне. Это стало залогом полного их разгрома.

В том, что зловещие синие стрелы на немецких картах бессильно застыли на подступах к Ленинграду, огромная заслуга и кронштадтцев. Ни один форт крепости не замолчал, ни один орудийный расчет не дрогнул. Морская артиллерия пригвоздила оккупантов к земле у ворот великого города революции, только в сентябре подавила огонь 673 батарей врага, уничтожив более 100 пушек. В основном благодаря главному калибру Красной Горки и Серой Лошади, других фортов Кронштадта и кораблей советские войска сумели удержаться на Приморском плацдарме — будущей стартовой площадке нашего наступления. Бессмертной славой покрыли себя летчики, зенитчики, команды кораблей, морские пехотинцы.

Особую роль сыграли матросские десанты, высаженные с целью упредить возможный удар противника на опасном участке, постараться ликвидировать петергофско-стрельнинскую группировку немцев. Командующий фронтом Г. К. Жуков, по существу, не отвел времени для подготовки десантов. 1 октября он отдал приказ начальнику штаба КБФ контр-адмиралу Ю. Ф. Раллю, а в ночь на 3-е рота 6-й бригады морской пехоты, занимавшей оборону в районе Урицка, была переправлена на катерах и шлюпках к заводу «Пишмаш». 225 моряков высадились на берег тихо, без потерь. Но и без артиллерийской подготовки: она, по мнению командования, лишила бы десант преимущества внезапности.

В ночь на 5 октября катера охраны водного района Кронштадта под командованием капитана 2-го ранга И. Г. Святова высадили в Новом Петергофе сформированный на Котлине отряд добровольцев с линкоров, крейсера «Аврора», из Учебного отряда и Высшего военно-морского политического училища — 520 коммунистов и комсомольцев, самых надежных и крепких физически, вооруженных всем, что мог дать флот. Ко-

мандовали десантом участник гражданской войны полковник А. Т. Ворожилов и полковой комиссар А. Ф. Петрухин.

Страшен был удар кронштадтских матросов по фашистам. Захваченные врасплох гитлеровцы заметались в панике. Но обескровленные части 42-й и 8-й армий не смогли нанести предусмотренных командованием встречных ударов. К моменту высадки петергофского десанта стрельнинский уже попал в окружение, связь с ним прекратилась. Опомнившиеся захватчики подтянули резервы, бросили в бой танки, сумели отрезать отряд от берега и тем самым лишили его подкреплений.

На помощь товарищам, ожесточенно сражавшимся в Нижнем парке, пробивался со стороны Английского парка батальон курсантов Военно-морского хозяйственного училища. Его поддержали бойцы 163-го стрелкового полка. Батальон рванулся в атаку, по мосткам Английского пруда подошел к траншеям гитлеровцев, но дальше продвинуться оказался не в силах. 14 октября курсантов вывели из боя. А в Нижнем парке все еще гремели выстрелы, автоматные очереди, взрывы гранат. Постепенно они замолкли...

Почти все десантники, лучшие сыны Кронштадта, погибли на петергофском и стрельнинском берегу. Но гибель их была не напрасна. Они отвлекли на себя войска, предназначенные для штурма Ленинграда, сорвали планы врага, заставили его защищаться. В тот момент это было равносильно победе.

Наступление врага выдохлось. Но он продолжал осыпать Котлин, стоянки кораблей бомбами и снарядами. Кронштадтские гавани и рейды насквозь простреливались прицельным огнем немецкой артиллерии. С южного берега Невской губы, особенно с Петергофского собора, оккупанты видели всю оборону крепости.

Улицы города стали фронтовыми магистралями. На них вместе с бойцами погибали гражданские жители, дети. Но и дети Кронштадта сражались с врагом. Девятилетний Витя Ростов был связным группы самозащиты. Школьница Соня Власова перевязывала раненых возле дома 49 на улице Урицкого. Эти ребята погибли на своих постах. Так же, как 55-летний рабочий Морского завода С. М. Трунов. Он не ушел в убежище во время тревоги, потому что должен был подавать сжатый воздух на участок, где продолжали ремонт. Электромонтер Н. И. Иванов во время обстрела исправлял повреждение, из-за которого прекратилась подача тока, остановились станки. Монтер был убит. Но завод продолжал работать.

Бомбы в 18 местах повредили главную магистраль городского водопровода. Восстанавливать ее взялся с группой слесарей и матросов водопроводчик И. А. Володенков. «Трудно в это поверить, но скоро неделя, как вся бригада работает без единой минуты перерыва,— писал военный корреспондент В. А. Рудный.— Запасов пресной воды в Кронштадте нет, а без нее корабли не могут жить. Меньше всего кронштадтцы думают о себе. Женщины и дети в ведрах и бидонах носят воду из каналов домой, кипятят ее, хлорируют и несут на причалы к кораблям».

В середине октября Морской завод получил задание выпускать минометы и мины для них. На освоение нового вида продукции, с которой никогда не имели дела судоремонтники, они получили три дня. Работали при свете костров, разведенных прямо в цехах,—электролиния была повреждена. На ходу создали инструменты и приспособления, придумали, как заменить отсутствовавшие материалы, и тут же применили новшества. Фронт получил оружие в срок и в нужном количестве.

«Здесь война еще ощутимее, чем у нас в Ленин-

граде,— писала Вера Инбер.— Еще пустынное улицы, еще виднее разрушения». По улицам приходилось ходить под свист осколков. Но кронштадтцы словно не замечали опасности. Неторопливо, спокойно шли в родные цеха ветераны завода, давно отработавшие свой срок по нормам мирного времени. Но теперь нормы поведения были военными. Все старые рабочие восстанавливали корабли, пострадавшие при переходе из Таллина, обучали молодежь не только тонкостям профессии, но и бесстрашию, мужеству, самоотверженности. 60-летний мастер Т. И. Горобчук устранял повреждения орудия на одном из фортов. Ему раздробило ногу. Но старый рабочий, лежа на носилках, истекая кровью, продолжал руководить ремонтом. Он решил увезти себя с форта, только выполнив задание. Горобчук умер от потери крови, но тяжелое орудие, возвращенное им в строй, снова било по врагу.

Учебный год в кронштадтских школах начался с опозданием — 3 ноября, но потом занятия продолжались нормально, с той только разницей, что во время обстрела уроки прерывались, школьники бежали помогать старшим — переносили малышей из яслей в бомбоубежища и сами оставались там. Пожилые учителя — молодежь ушла на фронт — под землей, иногда в темноте, вели занятия. В школьных программах по указанию райкома партии появился новый предмет — агротехника.

Работники Кронштадтского райкома ВКП(б) и райисполкома понимали: ждать доставки продовольствия, особенно свежих овощей, не приходится. Поэтому еще в первые дни войны жители города стали разводить огороды. Работники Морского госпиталя получили в загородном районе Котлина участок в 4 с половиной гектара, очистили его от камней и засадили картофелем. Кроме того, разбили грядки на каждом свободном клочке земли на территории госпиталя. И хотя

прямые медицинские обязанности отнимали почти все силы, за три года войны вырастили 200 тонн овощей.

На острове оказалось мало пригодной для огородов земли. Сотни кронштадтцев занялись овощеводством на южном берегу залива. Сбирать урожай пришлось под огнем. Его перевозили на виду у захватчиков, на шлюпках и плотах, не отвлекая для этого плавучих средств крепости и флота. Собирали грибы, ягоды. Руководители города создали несколько рыболовецких бригад. И Кронштадт не только не потребовал продовольствия от Ленинграда, но вместе с флотом даже помог ему. Из кронштадтских запасов до ледостава было перевезено более 3000 тонн продуктов. Помощь Кронштадта пришла в тяжелую пору, когда Ладожское озеро начало замерзать, но ледовая Дорога жизни еще не действовала, и ленинградцы получали самую скудную блокадную норму.

В гаванях Котлина лишённые маневра корабли превратились в малоподвижные мишени. Они почти ежедневно подвергались интенсивному обстрелу. Военный совет КБФ решил перевести большинство кораблей в Ленинград. В Кронштадте остались только линкор «Марат», лидер «Минск», канонерские лодки «Волга» и «Кама», а также отряд охраны водного района под командованием капитана 2-го ранга И. Г. Святова: 5 сторожевых кораблей, 18 тральщиков, катера разных типов. В начале ноября в Ленинград переехали штаб, политуправление и тыл флота. В связи с этими переменами Кронштадтскую военно-морскую базу 21 октября 1941 года преобразовали в крепость. Ее возглавил генерал-лейтенант А. Б. Елисеев (позже — генерал-лейтенант И. С. Мушнов).

В связи с приближением зимы и новыми задачами командование фронта и флота провело перегруппировку сил. На островах и берегах Балтики советские воины еще удерживали немало опорных пунктов: Мо-

онзунд, Ханко, Бьёркский архипелаг, Гогланд, Большой и Малый Тютерс... Их гарнизоны до конца выполнили свой долг. В напряженной до предела обстановке было трудно обеспечивать бойцов всем необходимым, поддерживать безопасность протяженных морских коммуникаций. Да и силы балтийцев, распыленные на сотни километров, были теперь нужнее у стен Ленинграда. Тем более что командование фронта решило вывести 8-ю армию с Ораниенбаумского плацдарма в свой резерв.

Выполняя эту задачу, небольшие конвои кронштадтских судов под прикрытием катеров-дымзавесчиков, артиллерии крепости и флота, морской авиации перевозили с 2 октября по 12 ноября в Ленинград 6 стрелковых дивизий, управление и тылы армии. Для обороны плацдарма была создана Приморская группа войск. В нее вошли уже находившиеся там части морской пехоты, гарнизоны островов Выборгского залива, Гогландского сектора и Ханко.

Осенние перевозки продолжались с августа по декабрь 1941 года. В них участвовали все исправные корабли и суда Кронштадта. Они многократно пересекали минные поля, выдержали вражеские артобстрелы и налеты авиации, боролись со штормами и льдами. Несмотря на трудности и потери, моряки провели операцию блестяще. Эти дерзкие, мастерски организованные походы опрокинули все представления о морской блокаде. Балтийцы спасли от верной гибели на изолированных участках фронта около 170 тысяч бойцов и командиров, дали им возможность с оружием в руках стать на защиту города Ленина. Кроме того, в Кронштадт, Ленинград и Ораниенбаум было доставлено большое количество орудий, автомашин, тракторов, других оборонных грузов.

«Перевозки есть перевозки. Формально это даже не бой, не операция,— писал адмирал В. Ф. Трибуц.— Но

хочу подчеркнуть: это был подвиг военных, торговых и речных моряков, подвиг, который позволил командованию фронтом не только накопить резервы, но и сосредоточить их на главных участках».

Одним из таких участков был Котлин. Его зимняя оборона требовала дополнительных сил и средств. Как только ударили ранние морозы и в Невской губе окреп лед, гитлеровцы начали предпринимать попытки минировать фарватер, перебрасывать группы разведчиков и диверсантов к Кронштадту и его фортам, в тылы наших войск. 22 ноября под покровом темноты крупные силы фашистской пехоты с танками вышли на лед и двинулись к открытой части Морского канала. Однако далеко пройти им не удалось. Уцелевшие башни «Марата» огромными снарядами 305-миллиметровых орудий поставили непроходимый огневой заслон, взломали лед вдоль берега. Гитлеровцы в панике бежали.

Морское направление, ставшее на время зимы сухопутным, внушало серьезные опасения. Военный совет КБФ рассмотрел план укрепления Котлина. В крепости почти не было стрелковых частей. Поэтому здесь оставили 3000 бойцов островных гарнизонов, формировали батальоны лыжников, отряды дозоров. С недостроенных подводных лодок, поврежденных кораблей и катеров сняли орудия и пулеметы, установили в Петровском парке, у Ленинградской пристани, на территории Морского завода, на кладбище и в других местах 9 артиллерийских и 10 зенитных батарей, 250 пулеметных точек. Оборона города развивалась и в глубину: укреплялись здания на магистральных улицах, западную часть Кронштадта прикрыл противотанковый ров. А передовой линией обороны стали противопехотные минные поля на льду, затем цепь из 504 подводных управляемых фугасов протяженностью 25 километров, провололочные заграждения в 46 кило-

метров длиной. За ними располагалось боевое охранение, усиленное 64 подвижными артиллерийскими и 47 пулеметными гочками. Для них Морской завод изготовил бронированные плавучие доты и санные платформы. В лед вмораживали тысячи столбов, рыли окопы, ходы сообщения, создавали укрытия, строили обогреваемые будки, часть которых имела телефонную связь с берегом. Работали только ночами, под пронизывающим ветром, в лютые морозы.

Кронштадтцы понимали: главные трудности впереди. Защитники и жители города-крепости были готовы к любым испытаниям, вместе с ленинградцами встретили их твердым духом, сплоченными, сильными любовью к Родине и ненавистью к врагу.

КАЖДЫЙ ДЕНЬ БЫЛ ПОДВИГОМ

Первой военной зимой в руках Балтийского флота остались западнее Котлина только три небольших острова: Сескар, Пенисари и Лавенсари. Немецкий контр-адмирал П. Доннер писал: «Ленинград окружен; так же, как и при падении Ревеля, произойдет катастрофа проклятого флота. Кронштадт с военными гаванями находится под артиллерийским огнем и бомбами, многие русские корабли уже уничтожены, а к остаткам флота все ближе продвигаются германские минные заграждения. Видимо, скоро придет конец».

Но балтийцы готовились не к концу, а к новым боям, губительным для врага. Действительно, корабли не могли выйти в море. Самый короткий переход — из Ленинграда в Кронштадт — превращался в сложную боевую операцию. Ее заранее разрабатывали в штабе, обеспечивали огнем артиллерии, дымовыми завесами с катеров, прикрытием авиации. Немецкие пушки в Лигове, Стрельне, Петергофе били прямой наводкой даже по рыболовным баркасам, а зимой — по автома-

пшине или по человеку на льду залива. Но балтийцы верили: придет время, и они вырвутся на морские просторы. Они вместе с ленинградскими и кронштадтскими рабочими не жалели сил, чтобы отремонтировать и усовершенствовать свои корабли.

Тяжелой была первая блокадная зима. В 1942 году в Морском госпитале находилось более 2 тысяч больных дистрофией. А сколько было тех, кому уже не могла помочь медицина? А сколько тех, кто, побеждая муки голода, держался на ногах, вопреки людоедским расчетам гитлеровцев? Они упрямо шли на свои рабочие места, на свои посты борьбы с фашизмом. Шли ковать победу.

Перед войной в Кронштадте насчитывалось около 40 тысяч гражданских жителей. Осенью 1941 года их количество заметно увеличили эвакуированные из Прибалтики. Людей, лишенных крова и имущества, кронштадтцы приняли как родных. Но город оказался перегруженным. С августа начали вывозить в Ленинград и дальше в тыл детей, часть взрослых. Всего отправили свыше 30 тысяч человек. К середине 1942 года осталось около 13 тысяч. В основном это были люди, кровно связанные с флотом, с Морским заводом, и их семьи.

Каждый из 900 дней блокады, прожитых кронштадтцами, был подвигом. Город-крепость находился как бы в двойном кольце вражеских войск: он был отрезан от страны, как Ленинград, и еще — от Ленинграда. Фашистские батареи пристрелялись к каждому дому и почти ежедневно осыпали город тяжелыми снарядами. Только за 1942 год он подвергся 870 налетам вражеской авиации с участием 2248 самолетов. Они сбросили около 11 000 бомб. Наряду с воинами обстреливали и бомбили рабочих, женщин, стариков, детей...

Но город жил и боролся. Пример остальным пока-

зывали коммунисты. Об огромной роли, которую сыграл Кронштадтский райком ВКП(б) в поддержании духа земляков, их сплочении, организации обороны, взволнованно рассказал писатель В. А. Рудный:

«Зимой 1942 года районный комитет Коммунистической партии в Кронштадте издал самое короткое из постановлений тех времен: «Не опускаться!» Оно было обращено к партийному активу и ко всем гражданским жителям...

В дни, когда люди падают на улицах, когда в море не просто трупы, а твои знакомые лежат, надо не дать городу стать арктической пустыней, позаботиться, чтобы по улицам можно было ездить и ходить, не допустить загрязнения нечистотами, помочь обзавестись саночками, чтобы возить из колонок воду — хоть одними на каждый жилой дом, сохранить, насколько возможно, от разрушения замерзшую канализацию, отопительные системы и водопровод, собирать в детский дом ежедневно сиротеющих ребят... Райком стал штабом борьбы...»

В городе кончилось топливо, остановилась поврежденная бомбами единственная электростанция. Тогда райком организовал установку маленьких блок-станций на Морском заводе, хлебозаводе, водопроводной станции и других предприятиях. Для них собрали по капле все остатки горючего, необходимого, чтобы пустить движки. Для детей устроили новогодний праздник в Матросском клубе. словно не стоял рядом лютый враг, светилась огнями разноцветных свечей украшенная игрушками пахучая елка. Это было для ребят чудом. И еще большим чудом — обед из трех блюд, вкусные подарки Деда Мороза. По решению райкома партии на помощь ослабевшим людям пошли бытовые отряды. Создали два стационара, где за десять дней усиленным питанием и заботой восстанавливали силы тем, у кого они иссякали. В Морской гос-

питаль были направлены 30 добровольных санитарных дружин. Свыше 300 трудящихся Морского завода регулярно приходили в больничные палаты на ночные дежурства, ухаживали за ранеными. Широкий размах приобрело донорство.

Сотрудники Морского госпиталя во главе с начальником госпиталя Ш. Н. Ермаковым, главным хирургом А. П. Никитиным и старшим политруком П. И. Алексеевко почти не знали отдыха. За годы войны они приняли почти 39 тысяч раненых и больных, оперировали и выхаживали их под огнем, испытывая затруднения на каждом шагу. И почти 94 процента людей, лечившихся в госпитале, вернулись в строй, в том числе около 5 тысяч рабочих и служащих Кронштадта. Самоотверженность, высокое профессиональное мастерство, стойкость коллектива медиков получили признание Родины. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 17 июня 1942 года Кронштадтский военно-морской госпиталь был награжден орденом Ленина.

Город-крепость, осыпаемый бомбами и снарядами, не отступал от своих привычек. Всю войну ежедневно работала Центральная библиотека. Несмотря на трудности с топливом, в ней было тепло. Об этом тоже позаботился райком партии — организовал разборку на дрова около ста деревянных домов, разрушенных бомбами и снарядами. Действовали баня и парикмахерская. Как до войны, в клубах, на кораблях и фортах выступали артисты — Клавдия Шульженко, Софья Преображенская, Леонид Кострица. При Доме флота (ныне Дом офицеров) существовала постоянная труппа Ленинградского театра комедии и сатиры, давала спектакли и концерты. Часто встречались кронштадтцы со старыми друзьями — актерами театра КБФ, руководимого А. В. Пергаментом, — аплодировали героям первых пьес о войне: «Русские люди» Константина Симонова и «Фронт» Александра Корнейчука.

Осенью 1941 года политуправление флота создало группу писателей-моряков во главе со старым балтийцем, автором сценария фильма «Мы из Кронштадта» Всеволодом Вишневским. Он выступал по радио, публиковал статьи и очерки, работал над книгой об истории Кронштадта. Александр Зонин поселился на линкоре «Октябрьская революция» и писал документальную повесть «Железные дни». Всеволод Азаров создал много стихотворений о Балтике, Кронштадте, героях обороны Ленинграда. Николай Чуковский и Григорий Мирошниченко стали летописцами подвигов морских летчиков, Владимир Рудный — гангутцев, Александр Крон — подводников, Лев Успенский — артиллеристов, Петр Капица — катерников. В Кронштадте часто бывали Ольга Берггольц, Вера Инбер, Вера Кетлинская. Вместе с военными литераторами они были постоянными авторами газет «Красный Балтийский флот», «Огневой щит», «Крылья Балтики». Писатели редактировали многотиражки кораблей и соединений. О ратных делах балтийцев страна узнала из очерков Николая Тихонова и Александра Фадеева.

Выполняли задания политуправления флота, оформляли газеты, листовки, фотоальбомы многие художники: Б. И. Пророков, Ю. М. Непринцев, А. В. Соифертис, С. К. Вишневецкая и другие. Дружили с моряками и музыканты. Константин Листов подолгу жил на базе подводных лодок «Полярная звезда» и линкоре «Октябрьская революция», за годы войны написал около 200 песен, многие из них — на слова флотских поэтов. Музыкальной самодеятельностью руководил на Балтике Николай Будашкин, Николай Минх возглавлял флотский джаз. Так продолжалась давняя традиция живой связи русской литературы и искусства с Кронштадтом.

Поразительно: в огненном голодном городе существовала художественная самодеятельность, а с 1943 го-

да начала оживляться и физкультурная работа. В Морском госпитале в самостоятельности участвовало 50 человек, 20 медиков составляли агитколлектив, тренировались волейболисты, футболисты, лыжники, устраивали турниры шахматисты. Краснофлотец Валентин Никитенко руководил струнным оркестром бойцов 59-го отдельного зенитного дивизиона и отдельной роты МПВО. Он написал на стихи Михаила Исаковского, опубликованные в «Правде», одну из самых популярных песен Великой Отечественной войны — «Огонек».

С 1942 года позиции вокруг Котлина заняли бойцы 4-й (260-й) отдельной бригады морской пехоты. Окопы в снегу, укрепления на льду... Ночью еще можно встать, размяться, по очереди погреться в будке. А днем — лежать, в мороз и вьюгу, в оттепель и снова в мороз. Кто мог это выдержать, кроме советских людей? А они шли в дозоры и в разведку на лед Финского залива добровольцами, «охотниками».

В ночь на 1 февраля 1942 года от форта «П» в сторону врага вышли две пары дозорных: матросы Вихров и Епихин, Зябков и Лукин. Шел густой снег. Близкий берег, на котором засели оккупанты, терялся во мгле. Но враг оказался еще ближе. По первой паре дозорных неожиданно открыли огонь около 20 фашистских солдат, притаившихся в торосах. Лукин и Зябков, шедшие в другом направлении, тоже наткнулись на засаду. Лукин был ранен в ногу, но, лежа, истекая кровью, повел яростный огонь. На льду залива трещали автоматные очереди, гремели взрывы гранат. Звуки боя донеслись до матроса Шиншикова, находившегося в секрете. По его сигналу гарнизон форта изготовился к отпору. Но враг не дошел до укрепления. Пост боевого охранения обратил его в бегство. В этом бою погибли младший сержант Н. Королёв,

матросы Н. Вихров и А. Епихин. Двое дозорных были буквально изрешечены пулями, изрезаны ножами. Удар финского ножа прошел сквозь комсомольский билет Н. Вихрова. Он погиб героем, но остановил фашистов на подступах к городу-крепости.

Герою Советского Союза В. Д. Федорову тоже несколько раз приходилось на льду Финского залива вступать в ожесточенную перестрелку с гитлеровцами. Ни один вражеский солдат не прошел через ледовый рубеж обороны. Федоров и его товарищи уходили в смелые рейды по тылам фашистов. Однажды добрались до отдаленного острова за десятки километров от Кронштадта. Крохотный островок буквально кишел фашистами. Каждую секунду балтийцев могли обнаружить. Но они трое суток находились на этом клочке суши и доставили в штаб крепости важные сведения.

Ледовая оборона почти на 50-километровом фронте, фланги которого упирались в Ораниенбаумский плацдарм и в район Сестрорецка, выдержала все испытания. Это дало возможность кронштадтцам развернуть подготовку флота к летней кампании, усилить ремонт кораблей. Труженики Морского завода в самые грозные дни не прекращали восстанавливать пострадавшие в боях линкоры, минный заградитель «Марти», эсминец «Грозящий», лидер «Ленинград», другие корабли и суда.

Грянули морозы, доходившие до 40 с лишним градусов. Почти такая же температура стояла в искалеченных цехах Морского завода. Половину рабочих свалили голод, болезни. Умирали лучшие мастера. А враг все бил и бил по заводским корпусам, по докам. На территории предприятия в 1941 году взорвались 1241 снаряд и 31 бомба. И за то же время завод выполнил 1800 оперативных заданий командования флота и фронта.

О великих душевных силах кронштадтцев писали авторы книги об истории Морского завода Э. Б. Рагозина и Н. Е. Майоров: «По утрам рабочие длинной вереницей тянулись на завод. Именно тянулись, так как едва двигались. Кто с опухшими ногами, у кого ослабление мышц, кто весь распух, но все же двигались, хотя бы при помощи палок. Казалось, что это двигаются старики, достигшие самого преклонного возраста, а это были молодые люди, иногда совсем юноши, истощенные и изнуренные голодом... Их стремление было одно — своим трудом ускорить победу».

Во имя этой великой цели отдал последние силы и умер у дверей своей квартиры, возвращаясь с завода, слесарь-комсомолец Алексей Громов, скончался в красном уголке кузницы молотобоец Кириллов, упал возле станка старый токарь, лучший специалист по правке гребных валов М. А. Кукулин. Казалось — нечем их заменить. Но завод работал. Сутками не уходили домой, по существу жили в цехах и на кораблях строитель Л. Г. Ермилов, токарь И. М. Жуков, чеканщик П. П. Павлов, мастера А. М. Захаров, Б. П. Заглядимов. Ветеран предприятия слесарь Н. С. Игнатьев обучал мальчишек, присланных из тыла. Бригадир судосборщиков Т. Е. Доронин, почувствовав себя плохо, привел сына Петра, школьника, чтобы передать ему специальность.

Бригада Доронина работала в Петровском парке. Впервые в истории Кронштадта среди древних деревьев, под открытым небом, в стужу начала действовать мастерская. Здесь ремонтировали катера, которые после эвакуации дальних гарнизонов не смогли ошвартоваться у стенок кронштадтских гаваней: там уже образовался полуметровый лед. Деревянные «мошки» («малые охотники») и дюралевые «ласточки» (торпедные катера) стояли с поломанными рулями, срезанными лопастями винтов, погнутыми валами. Команды каждый

день обкалывали лед, чтобы он не раздавил хрупкие корпуса. А потом под вражеским прицельным огнем катера сумели поднять и установить на стенках гаваней на кильблоки. Командование поставило задачу к весне ввести их в строй. Экипажи трудились вместе с рабочими, учились клепать металл, обрабатывать дюраль, собирать механизмы. Судосборщик Доронин так и не поправился. Но остались в строю кадровые рабочие И. П. Павлов, Ф. И. Волков, мастер В. С. Сергеев, флотский механик Г. Е. Романов. Приказ Военного совета КБФ катерники и заводчане выполнили в срок.

Лучшие производственники завода и флота развернули соревнование «двухсотников». В ремонтных бригадах свыше 50 человек выполняли нормы на 200 и более процентов. Токари А. Богданов и И. Лебедев давали по 400, слесарь Л. Шихарко — свыше 500 процентов нормы. Так же самоотверженно трудились коллективы ленинградских предприятий. Их совместными усилиями к 1 мая 1942 года были отремонтированы более 200 надводных и подводных кораблей, около 300 «морских охотников», торпедных катеров, катерных тральщиков.

По-своему готовился к открытию навигации и противник. Гитлер еще раз потребовал от своих генералов и адмиралов уничтожить корабли Краснознаменного Балтийского флота. Фашистские военачальники разработали операцию «Айсштосс» («Ледовый удар»). Они планировали потопить советские корабли на их зимних стоянках. С 23 марта начались огневые налеты по кораблям, судоремонтным заводам, складам, береговым батареям Ленинграда и Кронштадта. Вечером 4 апреля одновременно с артобстрелом фашисты предприняли массированную атаку с воздуха. С разных сторон на скованные толстым льдом корабли налетели 190 самолетов. Однако к заранее намеченным целям прорвались лишь 58 бомбардировщиков. Наши зенитчики и истребители сбили 18 машин. В течение апреля захватчики

устроили еще 5 налетов. В них участвовало 596 самолетов. Однако они лишь нанесли повреждения нескольким кораблям да потопили старое учебное судно «Свирь», удачно замаскированное под крейсер «Киров» и специально поставленное на его стоянку. Большие потери — около 60 самолетов — и ничтожные результаты вынудили немцев отказаться от налетов на корабли КБФ. Операция «Айштосс» провалилась.

Тогда гитлеровцы решили запретить Балтийский флот, прежде всего — подводные лодки. Ведь они за лето и осень 1941 года уничтожили около 20 транспортов, повредили несколько десятков кораблей и судов Германии и ее союзницы Финляндии. Чтобы избавиться от этой угрозы, противник минировал Морской канал, фарватеры и рейды Котлина, Сескара и Лавенсари. Специальные отряды кораблей построили противолодочные рубежи в районах Гогланда и острова Найссар (Таллин) — полуострова Порккала-Удд (Хельсинки). Военные авторитеты Германии доказывали, что скорее английские подлодки прорвутся в Балтику, чем советские выйдут из Кронштадта.

Специалисты всего мира издавна считали Балтику труднейшим морским театром военных действий. Финский залив и в мирное время называли академией судовождения. Его малые глубины, множество островов, банок, мелей, сложный рельеф дна, узость, запутанные фарватеры — все это очень затрудняло подводную войну. К естественным трудностям добавилась небывало мощная противолодочная оборона. Вот как оценил ее бывший командир подводной лодки «Щ-303» Герой Советского Союза И. В. Травкин:

«Основу ее составляли две позиции, стянувшие противоположные берега Финского залива на всю его глубину сплошным минным заслоном. Каждая позиция — слоеный пирог из мин... Прибавьте сюда корабли, катера и подводные лодки врага, его авиацию, береговые

батарей, и вам станет ясно: гитлеровцы и впрямь сделали все возможное, чтобы запереть нас, подводников, в Кронштадте и устье Невы.

С этой угрозой советские воины боролись всеми средствами. Зимой дозоры непрерывно курсировали на буерах и лыжах по трассе Морского канала, вокруг Котлина и островных фортов. Они обнаруживали вражеские мины, спущенные под лед. Специальные службы воздушного и противоминного наблюдения пеленговали места приводнения мин, сброшенных на парашютах с самолетов. Бдительно несли вахту зенитчики кораблей и береговых батарей. В 71-м авиаполку ввели ночное патрулирование. Лучшие летчики В. Корешков, И. Сербин, П. Бискуп, К. Соловьев, А. Алексеев, выполнив боевое задание, пересаживались на заранее подготовленные самолеты и снова взмывали в небо. Каждый из них за ночь проводил 10—15 воздушных боев.

Как только появилась чистая вода, дивизионы тральщиков М. М. Безбородова, Ф. Е. Пахольчука, В. К. Князева принялись очищать от мин фарватеры от Ленинграда до Кронштадта и дальше — к Сескару и Лавенсари. На Морском заводе переоборудовали рыболовные суда «Скат», «Поводец», «Пикша», «Сиговец» и катера типа «КМ-5» в тральщики, оснащенные средствами борьбы с магнитными и акустическими минами. Основные силы бригады траления базировались в Кронштадте. Гитлеровцы всячески срывали работу «пахарей моря», но они под огнем артиллерии, отбиваясь от самолетов, проходили галс за галсом и открыли флоту дорогу на запад.

В связи с новыми задачами с 1 мая 1942 года крепость Кронштадт снова преобразовали в главную базу КБФ. Ее возглавили капитан 1-го ранга Г. И. Левченко и бригадный комиссар П. В. Боярченко. Охрану водного района Кронштадта возложили на капитана 1-го ран-

та Ю. В. Ладинского. На Сескаре и Лавенсари базировались корабли, обеспечивающие выход подводных лодок. Благодаря этому на первом участке пути длиной 60 миль они имели надежное прикрытие. Бригада подплава (капитан 1-го ранга А. М. Стеценко, полковой комиссар И. А. Рывчин) состояла из 3 дивизионов, имела более 30 лодок, пригодных к боевым действиям. Их разделили на 3 эшелона, которые последовательно вводились в бой.

Один за другим уходили из Купеческой гавани Кронштадта в дальние походы подводные корабли. Их боевой счет, открытый головной лодкой первого эшелона «Щ-304» Я. П. Афанасьева, быстро увеличивался. Особо отличившиеся «Щ-406» Е. Я. Осипова и «С-7» С. П. Лисина стали Краснознаменными, их командиры — Героями Советского Союза, а все экипажи — орденоносными.

Понеся крупные потери, противник принялся укреплять противолодочную защиту. Он усиливал основные заграждения, ставил новые минные поля и банки, защищал их всеми средствами, комбинировал способы постановки и разные типы мин, вдоль побережья раскинул сеть шумопеленгаторных и радиолокационных станций, постов наблюдения. Над заливом постоянно барражировали самолеты, высматривая в воде советские подводные лодки. Минные поля охраняли флотилии дозорных и противолодочных кораблей.

Кронштадтские тральщики вновь и вновь «прочесывали» фарватеры, обнаруживали и подрывали мины. Им приходилось отражать вражеские атаки. 23 июля «КТЩ-808» получил около 200 пробоин, все члены экипажа были ранены. В «КТЩ-702» попала бомба. Мужественные моряки потушили пожары, заделали пробоины, починили механизмы и сумели вернуться на базу. Быстроходные базовые тральщики, проводившие подводные лодки до Лавенсари, сопровождавшие их

«морские охотники» постоянно подвергались воздушным налетам. «Юнкерсы», «хейнкели» и «мессершмитты» не давали покоя ни днем, ни белыми ночами. Но и для них атаки не проходили безнаказанно. 29 июня катера «МО-302» И. П. Чернышева и «МО-308» М. Д. Амусина сбили 2 самолета, а через день, атакованные 12 истребителями одновременно, меткими выстрелами подожгли еще 3 машины. 4 матроса были убиты, 11 ранены, но балтийцы с честью вышли из тяжелого боя.

Особенно много хлопот стало у катерников во время походов подводных лодок второго эшелона. Для облегчения их переходов «морские охотники» выходили в море 158 раз. Самолеты противника сбросили на каждый катер до 80 бомб. Но маленькие корабли безукоризненно выполняли свою задачу.

Первая лодка второго эшелона, «Л-3», пробралась в самое логово врага — на меридиан Берлина, в Поморанскую (ныне Поморская) бухту. Противник чувствовал себя здесь в полной безопасности: на берегу горели огни, пароходы ходили без затемнения, между германскими и шведскими портами курсировали паромы... Советские моряки во главе с П. Д. Грищенко быстро нарушили безмятежную жизнь фашистов. Экипаж добился побед над 7 транспортами, эскадренным миноносцем и подводной лодкой. Командование удостоило подводный минный заградитель «Л-3» гвардейского звания.

Подводные лодки находились в море по месяцу и даже дольше. Иногда неделями не давали вестей, чтобы не обнаружить себя. Их молчание тяжело переживали в Кронштадте. Зато как торжественно и радостно встречали друзей! На пирсе Купеческой гавани протягивались флаги расцветивания, алел лозунг «Слава вам, доблестные советские подводники Краснознаменной Балтики!». Партийные и советские работники Крон-

штабта и Ленинграда, члены Военных советов КБФ и Ленинградского фронта, представители соединений подводных кораблей и береговой обороны, делегации трудящихся чествовали героев. Оркестр играл встречный марш... К этой торжественной церемонии добавилась еще одна, неизвестно кем выдуманная, юмористическая традиция — подводникам вручали визжащих поросят, перевязанных ленточками, на которых были обозначены цифры побед. Процедура их вручения вызвала много смеха, так необходимого морякам после всех испытаний.

Об этих испытаниях говорили помятые, ободренные корпуса лодок, потемневшие, осунувшиеся лица людей. Ведь большую часть времени они находились под водой. Становилось трудно дышать, мутилось сознание. Очень часто, едва всплыв, лодка должна была немедленно погружаться, потому что рядом оказывались вражеские корабли. Лодка стремительно уходила в глубину, а это давало страшные перегрузки на сердце, кровеносные сосуды, уши. И снова приходилось подолгу отлеживаться на грунте, пока враги «утюжили» море. От взрывов глубинных бомб сотрясался и вибрировал корпус лодки, выходили из строя приборы, звенели разбитые лампочки, расходились швы обшивки и отсеки заливала вода. Но и наступавшей вслед за этим тишине верить было нельзя: враг наверху мог затаиться и караулить. Оставалось одно: ни единым звуком не выдать, что лодка здесь, что она жива. Люди ели холодную пищу, ходили бесшумно, говорили вполголоса, не включали ни одного мотора. Наконец враг уходил. Гитлеровцы считали, что потопили лодку, — ведь, по их расчетам, все пределы физических возможностей человека давно пройдены. Так каждый раз побеждали балтийцы. Побеждали силой воли, мужеством, стойкостью.

Лодка «Д-2» у Гогланда запуталась в противолодоч-

ной металлической сети, прорвала ее, но изрядный кусок прицепился к корпусу, повредил рули. Избавиться от губительного груза, устранить повреждения можно было только с помощью водолазов. Командир лодки Р. В. Линденберг предупредил экипаж, что появление противника заставит немедленно погружаться, гибель водолазов в этом случае неминуема. Но людей, готовых на подвиг, оказалось так много, что Линденберг, по его признанию, даже растерялся: «Если они все такие мужественные, какими же должны быть командиры! И на какой высоте должен быть я!» Впрочем, среди добровольцев были не только рядовые. Лейтенант Николай Крылов пять часов находился в ледяной воде. Матросы, работавшие с ним в паре, менялись, а Крылова, отличного специалиста и пловца, заменить было нечем. Лейтенант несколько раз всплывал, растирал онемевшее тело и снова погружался. Это был наглядный урок самоотверженности и стойкости.

«В военной истории не было примеров подобного мужества подводников в таких сложных условиях» — так оценил адмирал Трибуц подвиг подводной лодки «Лембит». Ее называли в честь героя эстонского народа, возглавившего в XIII веке национальное восстание против немецких феодалов. «Лембит» уступал другим кораблям в глубине погружения, автономности плавания. Но его командир — бывший разведчик-чоновец А. М. Матиясевич, комиссар — рабочий ленинградского завода «Электросила» П. П. Иванов, весь экипаж, в котором плечом к плечу воевали сыновья десяти советских республик, сделали «Лембит» не менее грозным для врага, чем более современные корабли.

14 сентября 1942 года «Лембит» залпом из обоих торпедных аппаратов потопил сразу два вражеских судна. Подводную лодку немедленно атаковал фашистский сторожевик и сбросил серию глубинных бомб. От разрывов лодку бросало из стороны в сторону.

Взорвался центральный пост, вспыхнул пожар. «Лембит» потерял ход, стал быстро погружаться и лег на грунт на 36-метровой глубине. Огонь, дым, ядовитые газы, рев воды, врывающейся в отсеки, а наверху — противник... Казалось, гибель неминуема. Но командир и комиссар, несмотря на контузию, спокойно и деловито руководили экипажем. Парторг инженер-механик С. А. Моисеев был ранен в лицо, обожжен, тем не менее вместе с помощниками сумел быстро включить свет. За свой корабль, преодолевая боль, сражались отравленные газом люди, 10 часов одолевая одну беду за другой. Давление поднялось настолько, что, когда лодка всплыла и командир отдраил люк, его вытолкнуло воздухом вверх, многие моряки потеряли сознание. «Лембит» шел к Котлину. Тем временем радист Федор Галиенко, обожженный, ослепший, со сломанной ногой, сумел на ощупь вместе с напарником восстановить рацию и принял важные указания штаба.

В Кронштадте Матиясевич рапортовал: «Считаю своим долгом отметить, что никто из личного состава в самые тяжелые часы и минуты, которые пришлось пережить, не проявил никакого малодушия и паники. Все действовали дружно, уверенно и четко выполняли приказания... Весь экипаж готов к новым боевым походам. Наш счет подлому врагу не закончен!»

В каждом подобном рапорте содержались такие же высокие оценки морального состояния моряков, их действий. Большой любовью подводников пользовались комиссары. Пример всем показывали парторги. Во время дальних рейдов коммунисты принимали в свои ряды самых стойких, бесстрашных, умелых товарищей. К концу 1942 года 85 процентов моряков бригады стали членами ленинской партии.

За кампанию 1942 года подводные лодки КБФ уничтожили торпедами, артиллерийским и пулеметным огнем, минными постановками 56 боевых кораблей и

транспортов противника. Транспорт водоизмещением 10 000 тонн мог перевезти 200 танков или 2 тысячи солдат с оружием и боеприпасами либо полугодовой запас продовольствия для пехотной дивизии. А балтийские подводники за одну навигацию отправили на дно суда общим водоизмещением почти 160 тысяч тонн.

Эти блестящие победы достались дорогой ценой. Из боевых походов не вернулись «М-97», «С-7» и 9 «щук». Воды Балтики стали могилой для сотен подводников. Но блокированный флот, перешедший после голодной зимы в наступление, нанес врагу такие потери, которые приобрели важное стратегическое и политическое значение, сказались на ходе войны. Недаром на совещании в гитлеровской ставке 22 декабря 1942 года отмечалось: «Каждая подводная лодка, которая прорывается через блокаду, является угрозой судоходству на всем Балтийском море и подвергает опасности немецкий транспортный флот, которого и так едва хватает».

Горькие уроки заставили фашистов весной 1943 года построить на меридиане острова Найссар сплошной противолодочный рубеж. Его основу составили два ряда стальной сети. Бон перегородил залив на всю его глубину и ширину. Высота заграждения, сплетенного из троса толщиной 40 миллиметров, достигала 70 метров, общая длина сети — 90 километров. Бон удерживался тысячами буев и якорей, был обильно начинен всевозможными минами, оснащен особым сигнальным устройством: над местом, где лодка касалась сети, вспыхивал огонь и поднимался столб дыма. Эту стальную стену непрерывно охраняли 140 кораблей различных классов и множество самолетов.

Операция «Балрус» потребовала напрячь силы и средства всего рейха. Зная о ней, балтийские подводники все же попытались преодолеть смертельные для них рубежи. В мае 1943 года из Кронштадта вышли на

разведку три лодки. Что случилось с Краснознаменной «Щ-406» Е. Я. Осипова, неизвестно. Она бесследно исчезла. «Щ-408» П. С. Кузьмина была повреждена вражеским самолетом. Ее обнаружили фашистские корабли по масляному следу на воде и стали бомбить. 22 мая Кузьмин запросил по радио помощи авиацией. С Котлина к острову Вайндло устремились три группы самолетов 71-го полка. Летчики потопили два вражеских сторожевика, остальных рассеяли, но совсем отогнать не смогли. А на «щуке» кончился запас электроэнергии, люди задыхались. Тогда «Щ-408» всплыла и два часа сражалась с 8 фашистскими катерами. Два из них загорелись, еще два получили повреждения. Но слишком не равны были силы. Под градом снарядов и крупнокалиберных пуль, изрешеченная пробоинами, лодка медленно уходила на дно. Над ней трепетал не спущенный флаг. Этот сигнал, понятный всем морякам мира, способны поднять лишь самые сильные духом: «Погибаю, но не сдаюсь!»

Только гвардейская «Щ-303» вернулась на базу. Она несколько раз пересекала минные поля, запуталась в сетях, но все же освободилась из стальной паутины, уклонилась от преследования кораблей и самолетов противника, сбросивших на нее сотни бомб. Экипаж лодки во главе с И. В. Травкиным выполнил поставленную задачу. Данные разведки убедили командование флота и фронта в необходимости временно воздержаться от применения подводных лодок.

В Германии торжествовали: операция «Балрус» удалась! Немецкие транспорты стали ходить с зажженными ходовыми и отличительными огнями, без конвоев и даже без зенитного вооружения. На море работали все маяки и световые буи, словно в мирное время. Но с 28 мая вражеские суда снова стали гореть, взрываться и тонуть. Это вышли на морские коммуникации летчики 1-го гвардейского минно-торпедного авиаполка. В

1943 году они потопили 55, повредили 6 транспортов и кораблей противника.

Советское командование готовило крупные наступательные операции. Для их осуществления перед силами, базирующимися в Кронштадте, была поставлена задача расширить операционную зону флота на запад. Новые задачи вызвали очередную организационную перестройку: был создан КМОР — Кронштадтский морской оборонительный район (командующий — контр-адмирал Г. И. Левченко), а в его составе — Островная военно-морская база (командир — контр-адмирал Г. В. Жуков). База объединила все части и подразделения на острове Лавенсари.

Вытесняя легкие силы противника из Финского залива, КМОР успешно использовал штурмовую авиацию, бригаду торпедных катеров капитана 1-го ранга Е. В. Гуськова, истребительный отряд охраны водного района Кронштадта во главе с капитаном 2-го ранга М. В. Капраловым. Катерники охраняли фарватеры, сопровождали суда и корабли, перевозили десанты, ставили мины. И, конечно, атаковали врага при первой возможности.

В течение 1943 года торпедные катера выставили около 100 мин, совершили 43 групповых выхода на поиск противника и произвели 40 торпедных атак. При этом отличились дивизионы и отряды Героев Советского Союза В. П. Гуманенко и С. А. Осипова, капитан-лейтенантов И. С. Иванова и А. Г. Свердлова.

С честью сражались и команды сторожевых катеров. 23 мая 1943 года «МО-207» и «МО-303» под командованием И. П. Чернышева отправились в дозор. Они должны были обеспечить безопасность перехода больших конвоев между Лавенсари и Котлином. В сумерках сигнальщики заметили вдали силуэты десяти вражеских быстроходных артиллерийских, противолодочных и торпедных катеров. Позже к ним добави-

лись еще три. Казалось бы, вступать в бой при таком соотношении сил бессмысленно. Но советские моряки отважно атаквали врага.

В этом неравном бою пули буквально изрешетили командира катера Н. И. Каплунова. Лежа на палубе, истекая кровью, он продолжал руководить экипажем. Командир второго «охотника» В. Г. Титяков, находившийся на его катере командир звена И. П. Чернышев, многие моряки получили ранения и контузии. Но их наступательный порыв был настолько велик, что гитлеровцам не помогло многократное превосходство в силах. Они позорно бежали под защиту своих береговых батарей. «МО-207» вернулся в Кронштадт с приспущенным флагом: на его борту находились павшие смертью храбрых Николай Каплунов, Алексей Ивченко и Николай Дворянкин. Но моряки выполнили свой долг. Они потопили два и сильно повредили один катер противника, а главное — защитили фарватер, уберегли корабли.

Каждый день вела огонь по врагу артиллерия кораблей, фортов и батарей Кронштадта. Когда фашистам пришлось перейти к обороне, главной целью балтийцев стали тяжелые орудия врага, обстреливавшие Ленинград. Звериной жестокости фашистов советские воины противопоставили контрбатарейную борьбу. Ее вела артиллерия фронта и флота, но главную роль играла морская — более мощная, дальнобойная, и, благодаря особым приборам управления, более точная.

Командующий артиллерией КБФ контр-адмирал И. И. Грен требовал научного учета вражеских батарей. На каждую из них заводилась особая карточка, ей давался номер, указывались калибр, обычное время «работы» и другие данные. Сначала наносили ответные удары. Достигли такого совершенства, что открывали огонь через минуту после первого выстрела гитлеровцев, а некоторые корабли — через 40—50 секунд. Од-

нако командование потребовало большего: перейти к наступательной тактике, упреждать огонь противника, а стреляющие батареи уничтожать или надежно подавлять. Термин «надежное подавление» означал, что после удара по вражеским орудиям они должны были молчать 30 суток.

Все эти меры дали большой эффект. В первое время фашисты непрерывно обстреливали Ленинград часами, иногда полсуток и более не выпускали жителей города из бомбоубежищ. Но вскоре гневный голос балтийских пушек заставил замолкать орудия оккупантов через 15—20 минут. Еще позднее противник стал вести обстрел города лишь в мглистую погоду короткими огневыми налетами. Только так фашистская артиллерия сохраняла шансы уцелеть.

В феврале 1942 года немецкое командование вынуждено было оттянуть осадную артиллерию в глубину обороны. В борьбе с ней роль кораблей КБФ и Кронштадтской крепости еще более возросла. Кроме того, фашисты собрали свои разрозненные батареи в несколько мощных групп с разными функциями — нападения и прикрытия. «Испытывая на своей шкуре всевозрастающий отпор, враг пытался вводить нас в заблуждение,— писал бывший комендант Ижорского сектора береговой обороны крепости Кронштадт В. Т. Румянцев. — Он менял тактику, менял позиции батарей, осуществлял ложные вспышки во многих местах, чтобы отвести удар от батарей, непосредственно ведущих огонь по городу. Однако ухищрения фашистов быстро разгадывались».

Одной из ответных мер артиллерии флота стала снайперская стрельба. Во всех дивизионах развернулось соревнование. Представляли к этому званию пороудийно, командование придирчиво оценивало каждого претендента. И все равно вскоре десятки батарей получили звание снайперских. К концу года только в

Ижорском секторе их стало 20. А в результате уменьшилась активность противника, легче стало дышать Ленинграду.

В начале 1943 года, разъяренные прорывом блокады, фашисты вновь резко усилили обстрел города. Они перебросили из-под Севастополя, из Германии, Чехословакии и Франции самые мощные артиллерийские системы, какими только располагал вермахт. Одновременно враг применил много тактических новинок, затруднявших контрбатарейную борьбу. Чтобы облегчить муки Ленинграда, артиллеристы смогли найти лишь один метод: «огонь на себя». По заранее разработанному плану и паролю батареи обстреливали жизненно важные для врага объекты: штабы, аэродромы, склады, станции... Гитлеровцы сразу же переносили огонь с города на орудия. Завязывались ожесточенные артиллерийские дуэли. Тут все зависело от надежности техники, от выучки боевых расчетов и самое главное — от мужества и стойкости людей. Кто выдержал непрерывный грохот разрывов, свист осколков, предельное физическое напряжение, кто пренебрег смертельной опасностью и не покинул своих постов, тот и победил. Начальник артиллерии крепости Кронштадт Н. И. Скородумов вспоминал, как в таких дуэлях «выходили из строя средства управления, заваливало оборонительные сооружения, вспыхивали пожары, падали сраженные осколками артиллеристы. Но расчеты не уходили в укрытия, и стрельба не прекращалась до тех пор, пока не умолкали батареи противника».

Что и говорить, у фашистов была отличная техника, они не испытывали недостатка в снарядах, действовали умело. У них не было одного: той силы духа, которая делала героями защитников нашей Родины. Не помогли врагу ни крупновская сталь, ни опыт разрушения городов Европы.

Летом 1943 года флот применил новый метод контр-

батарейной борьбы: плановые мощные удары силами стационарной, железнодорожной и корабельной артиллерии. Они дали хорошие результаты, но потребовали слишком много снарядов: на уничтожение одной батареи — до 2000. Родилась новая мысль: сочетать мощь артиллерии и авиации. В таких ударах не раз участвовали батареи Кронштадта, линкора «Марат», а группы штурмовиков и бомбардировщиков прикрывали кронштадтские истребители. В третьем квартале таким способом удалось уничтожить 7 батарей и 5 орудий врага. В октябре обстрелы Ленинграда сократились в 3 раза.

В грозный хор орудий Кронштадта в ноябре 1942 года вплелись басы поврежденной 2-й башни главного калибра «Марата». «Больше года продолжалась напряженная работа, — вспоминал бывший начальник цеха Морского завода Е. Н. Киселев, возглавивший ремонтную бригаду. — Сложнейшие детали изготовил токарь С. А. Маланьин. Удалось восстановить и приборы управления стрельбой. Никогда бы до войны не подумал, что такой сложный ремонт можно провести силами нескольких человек. Я уж не говорю, что работа на «Марате» пришлась на самое голодное время. Иногда казалось, что все, нет больше сил, но чувство долга заставляло преодолевать слабость».

Да, дела тружеников города-крепости были под стать подвигам воинов. Разве не чудо — возрождение кораблей и судов, потопленных фашистами у берегов Котлина! Рабочие вместе с эпроновцами подняли лидер «Минск», ледокол «Тазуя», буксир «Водолей». Достали их со дна морского, снова ввели в боевой строй.

В середине 1943 года на Морском заводе осталось 42,5 процента рабочей силы. Опытных корабелов — буквально наперечет. Вместо них, умерших от голода и болезней, погибших от обстрелов и бомбежек, за-

пищавших Родину с оружием в руках, по призыву райкома партии в цехи пришли учителя, воспитатели детских домов, счетоводы, продавцы. Кронштадтские женщины и девушки, не имевшие никакого представления о станках, начали изготавливать мины и снаряды, обрабатывать детали судовых механизмов. Времени на обучение не было. Но вскоре Нина Козлова, Мария Попова, Ольга Гусева, а за ними и другие стали выполнять нормы на 150—200 процентов.

Годовой план судоремонта Морской завод завершил к 1 ноября, а в декабре выполнил 145 оперативных заданий командования. Кроме ликвидации боевых повреждений эта работа в основном сводилась к переоборудованию кораблей для перевозки танков и орудий. Она была частью общей подготовки флота к боям за полное освобождение Ленинграда от блокады.

С 5 ноября 1943 года заметно оживилось движение кораблей и судов между Ленинградом, Лисьим Носом, Кронштадтом и Ораниенбаумом. Впрочем, заметно это было только советским людям. Немцы не догадывались, что наше командование перебрасывало на Приморский плацдарм огромные боевые силы. Этот клочок суши не имел тыла, насквозь простреливался врагом. И гитлеровцы никак не могли предположить, что именно с такого неожиданного направления советские войска готовятся перейти в наступление.

От скрытности перевозок войск и техники на ораниенбаумский берег во многом зависело освобождение Ленинграда от тисков блокады. И балтийцы сумели организовать дело так, что враг ничего не заподозрил. Десятки кораблей совершали рейсы по ночам, с полным соблюдением светомаскировки. Фашисты включали прожекторы, осматривали залив. Но немедленно по ним открывали огонь орудия Кронштадта и кораблей, враги «слебли». Морская артиллерия и авиация подавляли любые попытки неприятельских батарей обст-

релять обнаруженные ими суда и не дали потопить ни одного.

В маленький ораниенбаумский порт в течение каждой ночи приходило в среднем 10 больших транспортов. В полной темноте их нужно было очень быстро разгрузить, чтобы до рассвета суда могли вернуться в Ленинград, Лисий Нос или хотя бы в Кронштадт. На этой работе отличились выгрузочные команды моряков из Кронштадта. Балтийцам удалось без потерь переправить почти 54 тысячи бойцов, 2300 автомашин и транспортов, 211 танков, 677 орудий, до 30 тысяч тонн боеприпасов, продовольствия, снаряжения, горючего и медикаментов.

Утром 14 января 1944 года ленинградцы услышали канонаду небывалой силы. Стрельбу открыла вся артиллерия Ленинградского фронта и Балтийского флота. Точный огонь тяжелых морских орудий полностью вывел из строя все вражеские укрепления на Приморском участке, ошеломил фашистов, внес растерянность и панику.

За время операции артиллерия Краснознаменного Балтийского флота выпустила по врагу более 23 тысяч снарядов. Орудия Кронштадта и его фортов, установленных в районе кладбища и вокруг Морского собора батарей, бронепоездов «Балтиец» и «За Родину», линкора «Марат», эсминцев «Страшный» и «Сильный», канонерской лодки «Волга» вели огонь с предельной скорострельностью.

В дни долгожданного наступления героически действовали морские летчики. Они поднимались в воздух с полевых аэродромов в любую погоду. Каждый самолет делал по 4—5 боевых вылетов в день. За время операции по снятию блокады авиация КБФ уничтожила 25 батарей, 21 танк, 1293 автомашины, 20 самолетов, перебила и рассеяла три полка пехоты.

Воины Ленинградского фронта в письмах балтийцам с восхищением отзывались об их действиях. «Артиллерийская и авиационная подготовка наступления была настолько мощной, — говорится в одном из таких писем, — что мы без особого труда преодолели первую линию немецкой обороны... Мы увидели разгромленные командные пункты, сотни расстрелянных гитлеровцев, разбитые автомашины и повозки, развороченные дзоты и землянки. Одним словом, чистая работа — балтийская».

Разгромленный враг бежал от стен Ленинграда. Закончилась 900-дневная героическая эпопея, прославившая на века защитников города Ленина. А «балтийская работа» продолжалась. Теперь настала пора обезопасить Ленинград с севера. Верховное Главнокомандование разработало Выборгскую операцию, в которой большая роль отводилась Балтийскому флоту, артиллерии Кронштадтской крепости и морской авиации. Во время подготовки наступления тральщики очищали от мин фарватеры на подходах к Выборгскому заливу, другие соединения флота и авиации КБФ ставили минные банки на путях вражеских кораблей. С 4 по 8 июня 1944 года из Ораниенбаума в Лисий Нос, на направление главного удара, балтийцы перебросили 22 тысячи бойцов с боевой техникой. Перевозки обеспечивали корабли и суда Кронштадтского морского оборонительного района под командованием вице-адмирала Ю. Ф. Ралля.

В 8 часов утра 9 июня 1944 года заговорили орудия фортов, линкора «Марат» и 2-го дивизиона эсминцев, стоявших в гаванях Кронштадта, канонерских лодок из района Толбухина маяка, с Восточного Кронштадтского рейда, линкора «Октябрьская революция» и крейсеров «Киров» и «Максим Горький» из устья Невы. Обычно хорошо слышимые отдельные разрывы слились в сплошной гул. 8 часов подряд взламывали артиллеристы

оборону врага. На следующий день в то же время огонь возобновился с прежней силой, а через два часа фронт на Карельском перешейке был прорван. К 20 июня, дню освобождения Выборга, кронштадтские пушки разгромили три мощные оборонительные полосы, разрушили 87 узлов сопротивления, более ста раз рассеивали живую силу противника. Во время прорыва неожиданно заговорила тяжелая финская батарея из района поселка Келомякки (ныне Комарово). Немедленно по ней открыли огонь 24 орудия фортов «О» и «П». За две минуты они обрушили такой шквал металла, что батарея врага замолчала навсегда.

Это был последний артиллерийский удар крепости в Великой Отечественной войне.

Корабли, катера, вспомогательные суда, железнодорожная и зенитная артиллерия, морская пехота Краснознаменной Балтики уходили на запад. Но, утверждает бывший военный журналист, известный писатель Александр Крон, «Кронштадт оставался мозгом и сердцем Балтийского флота» до самого конца войны. Его жители по-прежнему с полным напряжением сил трудились для победы.

В июле 1944 года произошло событие, радостное для всех кронштадтцев и моряков-балтийцев: за успешное выполнение боевых заданий командования по ремонту и вводу в строй кораблей КБФ Президиум Верховного Совета СССР наградил Морской завод орденом Ленина. Правительственные награды получили 116 лучших производственников.

За всю блокаду на территории предприятия упало 115 бомб и 2727 снарядов, все здания и доки были повреждены, некоторые цехи разрушены. Но завод не прекращал работы ни на один день и постоянно занимал почетные места в соревновании родственных предприятий. Его посланцы сражались на всех фронтах. Трое стали Героями Советского Союза. Дмитрий Ходаков ро-

дился и вырос в Кронштадте, работал подручным кузнеца, а свой подвиг совершил на Черном море. Он был участником знаменитого Николаевского десанта, одним из горстки отважных, о ком сегодня слагают песни. Молодой инженер Николай Лебедев пал на земле Сталинграда, уничтожив более 20 фашистских танков. Кузнец Яков Слепенков командовал 21-м истребительным авиаполком, громил врага над родным городом. Только летом 1942 года за 10 недель в зоне кронштадтского воздушного патруля он сбил 6 вражеских самолетов. Я. З. Слепенков закончил войну в звании генерал-майора.

Многие кронштадтцы вписали свои имена в летопись воинской славы. Среди них — Нина Павловна Петрова, награжденная орденами Славы трех степеней. Женщин с такими отличиями во всей стране — единицы. Н. П. Петрова ушла добровольцем в народное ополчение, защищала Ленинград, освобождала Прибалтику и Польшу. Она добилась перевода из медсанчасти в снайперы, довела личный счет мести до ста с лишним фашистов, подготовила более 500 мастеров меткого огня. Героиня погибла под Штеттином за восемь дней до конца войны.

Каждый защитник и житель города-крепости внес свой вклад в победу советского народа над германским фашизмом — все, кто сражался с оружием в руках или трудился по-фронтовому, кто погиб на посту и кто выжил вопреки звериным планам гитлеровцев. В тяжелых испытаниях кронштадтцы вновь проявили свой горячий патриотизм, беспредельную преданность Советской власти, коммунистическим идеалам, тесную сплоченность вокруг ленинской партии.

«Половина коммунистов Кронштадта ушла на фронт добровольцами. Многие погибли от гитлеровских бомб и снарядов, умерли от голода в первую блокадную зиму. Но в самые трудные дни кронштадтцы вступали в

партию Ленина, и в 1943 году численность Кронштадтской партийной организации превысила довоенную», — вспоминал секретарь Кронштадтского райкома ВКП(б) военных лет И. Ф. Снетков. Надежными помощниками коммунистов во всех делах были комсомольцы. Среди первых жителей города, награжденных медалью «За оборону Ленинграда», 15 пионеров. По инициативе шестиклассника 425-й школы Юры Левченко все учащиеся собирали деньги на строительство танка «Кронштадтский школьник».

Каждый нашел свое место в борьбе. И еще в 1943 году кронштадтцы приступили к восстановлению своего израненного города.

За время войны более 60 кораблей, частей и соединений КБФ были преобразованы в гвардейские, награждены орденами, удостоены почетных наименований. Воинская судьба большинства из них связана с городом-крепостью на Котлине. До последнего часа войны доблестно сражались кронштадтцы. И памятником их славы, грозным напоминанием о балтийской мощи стали слова, начертанные на гитлеровском рейхстаге: «Мы из Кронштадта!»

ГОРОД СТАРЫЙ, ГОРОД НОВЫЙ

Послевоенные десятилетия сильно изменили облик и характер города на Котлине. Прежде всего, он потерял то оборонительное значение, которое было его отличительной чертой на протяжении всей истории.

Отмечая заслуги Кронштадтской военно-морской крепости, Президиум Верховного Совета СССР наградил ее 18 мая 1954 года орденом Красного Знамени в связи с 250-летием Кронштадта. А спустя сравнительно небольшой период времени крепость была упразднена. Ушли гарнизоны с некогда грозных фортов, сняты могучие орудия. На страже мира и безопасности Родины

теперь стоят береговые ракетно-артиллерийские войска ВМФ, части противовоздушной обороны страны. И пока они существуют, не будут сняты с их вооружения традиции непобедимой артиллерии Кронштадта. Пока живет и развивается Советский Военно-Морской Флот, он будет равняться на бессмертную славу кронштадтских моряков.

Город тесно связан с флотом и сегодня. Расположенные здесь части входят в состав Краснознаменной Ленинградской военно-морской базы. Сейчас каждый второй воин базы — отличник боевой и политической подготовки. Более 90 процентов моряков — классные специалисты. Уровень военной техники теперь таков, что каждый матрос должен управлять сложными и точными приборами, механизмами, аппаратами. Трудно за короткий срок действительной службы освоить их. Трудно, но вполне возможно. Кронштадтские моряки доказывают это делом. И офицеры, наставники флотской молодежи, с радостью и гордостью отмечают: она достойна кронштадтской славы!

Среди командиров, что служат на Котлине, почти не осталось участников Великой Отечественной войны. Годы берут свое. Но люди, прошедшие суровую школу боев, сумели передать свой опыт молодежи и по сей день являются для нее живым примером, образцом для подражания. Благородной цели крепить неразрывную связь поколений служат регулярные встречи с ветеранами. История — не просто память о былом. Она остается в строю и ведет уверенным курсом патриотизма, отваги, воинского мастерства.

Кронштадтцы дорожат крепкой дружбой воинов и гражданского населения города. Стало традицией проведение единого политдня, приуроченного ко Дню Советской Армии и Военно-Морского Флота, силами офицеров-политработников. В свою очередь на кораблях и в воинских подразделениях регулярно выступают ра-

ботники райкома КПСС. Укреплению дружбы служат совместные коммунистические субботники, работа в подшефном совхозе «Красная Балтика», спортивные соревнования, молодежные вечера. Военские и заводские комсомольские организации составляют единые планы мероприятий, многое делают общими силами. Особенно ошутим вклад моряков в военно-патриотическое воспитание школьников. Не случайно отряд 424-й школы стал победителем игры «Зарница» в Ленинграде и области, завоевал право выступать на всесоюзных соревнованиях. Естественна среди подростков и популярность и клуба юного моряка.

Гордость города, его крупнейшее предприятие — Кронштадтский ордена Ленина Морской завод по праву считается флагманом отечественного судоремонта. Его старинные, коренным образом модернизированные сухие доки и ремонтные набережные принимают любые современные корабли и суда всех классов и назначений. Здесь готовился к ходовым испытаниям и к полярному рейсу первый в мире атомоход «Ленин». И сейчас перед каждой новой ледовой навигацией его снаряжают в дальний путь кронштадтские рабочие. Они многие годы отвечали за ремонт флотилии «Юрий Долгорукий». И не было случая, чтобы по вине труженников завода флотилия опоздала с выходом в море. С большим уважением и признательностью отзываются о заводе рыбаки, экипажи научно-исследовательских судов и, конечно, военные моряки.

В июне 1981 года от берегов Котлина ушел в первый рейс четырехмачтовый барк «Седов» — крупнейшее в мире парусное судно. В первый, несмотря на свою 60-летнюю жизнь, полную скитаний. Он возил селитру и шерсть, был океанографическим судном, прошел многие тысячи миль, его трепали штормы и ураганы. Барк изнашивался до того, что его корпус хотели разрезать и переплавить. Люди, влюбленные в пару-

са, отстояли корабль. Его сделали учебным судном Министерства рыбного хозяйства СССР. Но прежде чем начать эту ответственную службу, «Седову» предстояло заново родиться. Пять с лишним лет трудились на нем кронштадтцы. Обновили корпус, вернули его обводам красоту и стройность, установили около 400 металлоконструкций, проложили 45 километров кабельных трасс, сшили два комплекта парусов, а их на «Седове» 32 общей площадью 4192 квадратных метра, отремонтировали весь такелаж, из отборных сосновых брусьев выложили палубный настил...

Все сделано по давно забытым на других верфях правилам прошлого века. Но «Седов» не просто парусник, а современный океанский корабль. Поэтому он оснащен дизельным двигателем, новейшими навигационными системами, электронными лагами, радиолокаторами, фототелеграфом для приема карт погоды. К услугам 70 моряков постоянного экипажа и 150 курсантов учебные классы, библиотека, читальный и актовый залы, кинозал, медицинский пункт, где при необходимости можно сделать любую операцию, своя пекарня, мягкая мебель в каютах... С любовью и уважением выполнили рабочие Морского завода интерьеры судна по проекту ленинградского художника А. Н. Кожухова.

— Вам обязан наш барк своим рождением,— сказал труженикам предприятия капитан «Седова» В. Т. Роев на митинге в день отплытия.— Именно вы построили, повторяю — построили судно заново.

Морской завод имеет мощное крановое хозяйство, хороший станочный парк, новейшее оборудование, точные приборы, современные лаборатории, испытательные стенды. И все-таки главное его богатство — люди. Коллектив предприятия славится прекрасными кадрами. Любовь к делу, профессиональная гордость передаются из поколения в поколение. На заводе насчиты-

ваются десятки династий, родоначальники которых работали здесь еще в прошлом веке. К ним относятся рабочие семьи Прокофьевых, Милявских, Филатовых, Кряжковых, Романовых, Прибыльских, Яковлевых... Сегодняшние представители этих династий даже затрудняются подсчитать, сколько десятилетий отработали на заводе их семьи.

Вслед за отцом пришел сюда в 1915 году Александр Гаврилович Гаврилов и отдал кораблям полвека неустанныго труда. Знаменитый судосборщик, награжденный орденами Ленина, Красной Звезды, «Знак Почета» и многими медалями, вошел в историю завода. Эту историю продолжили его сын Борис, проработавший на предприятии около 40 лет, младшие Гавриловы. Трудится на заводе многочисленная семья слесаря ремонтно-механического цеха, руководителя бригады имени 50-летия Советской власти Владислава Анатольевича Ексатова. Комсомолец 30-х годов фрезеровщик-стахановец Петр Петрович Милявский первым на заводе стал работать на трех станках одновременно. Более полувека отдал он любимому делу, воспитал корабелями троих сыновей, а те передали трудовую эстафету своим детям. В многочисленной династии Милявских есть станочники, электромонтажники, инженеры, технологи...

В наше время труд судоремонтников многократно усложнился. Теперь корабли насыщены новинками техники, точнейшими механизмами. Всякий раз коллективу Морского завода приходится решать новые задачи. Ремонт каждого объекта стал творчеством, требующим напряжения мысли, филигранного мастерства, инициативы, высокой профессиональной подготовки, больших знаний.

Это тем более необходимо потому, что в кронштадтские доки входят суда не только советской, но и иностранной постройки. Часто приходится отлаживать сложные узлы без технической документации, разби-

раться в незнакомых конструкциях и схемах. И все это по плечу людям славного предприятия, его многочисленной и боевой партийной организации. Примечательно, что лучшие производственники, передовики социалистического соревнования в большинстве своем являются коммунистами. Члены ленинской партии ведут за собой товарищей, показывают им пример трудовой доблести.

Токарь Н. Г. Евгеньев во время войны выполнял нормы на 500 процентов, а в мирное время он, коммунист, партгруппорг, первым на предприятии подхватил инициативу передовиков Кировского завода работать под девизом «Пятидневное задание — за четыре дня!». Почти полвека проработал слесарем-инструментальщиком С. А. Смелов, более 15 лет возглавлял партийную организацию цеха и все время шел в лидерах социалистического соревнования. Бригадир судосборщиков делегат XXV съезда КПСС В. Г. Абалымов, делегат XXVI съезда КПСС бригадир радиомонтажников судовых А. А. Лезин, признанный новатор судоремонта лауреат Государственной премии СССР В. В. Семоев, достойный ученик Н. Г. Евгеньева токарь В. С. Шаров, выполнивший в январе 1983 года личную пятилетку, — эти замечательные люди и многие их товарищи олицетворяют лучшие традиции партийной организации, трудового коллектива предприятия.

Под стать коммунистам и комсомольцы завода. Вот лишь один пример: в 1983 году ко дню рождения комсомола 25 юношей и девушек, комсомольско-молодежные бригады станочников В. А. Рябова и электромонтажников В. Е. Примакина, выполнили задания трех с половиной лет пятилетки.

Впервые в стране на Морском заводе все судовые механизмы стали проходить стендовые испытания, начал применяться агрегатный метод ремонта, а затем поточно-позиционный, самый прогрессивный в многовеко-

вом процессе восстановления кораблей. Более 70 процентов рабочих предприятия объединены в бригады. Совсем недавно это считалось невозможным в судоремонте. Всю продукцию завод сдает с хорошей оценкой и почти всю — с первого предъявления.

И в мирное время у судоремонтников бывают случаи, когда приходится работать по две смены подряд, чтобы как можно скорее исправить повреждения корпуса корабля или его механизмов. Так, однажды надо было срочно подготовить к очередному антарктическому плаванию турбоэлектроход «Лена». Работы было на два с половиной месяца, а корабль должен был выйти в море через три недели. И славный коллектив Морского завода вновь показал свое редкостное мастерство, сплоченность, способность отдать все силы для выполнения задания партии и правительства. Трудились днем и ночью. Многие выполняли по 6 норм в смену. Ремонт был закончен за 18 дней. В заводском музее хранится телеграмма, присланная с борта флагманского корабля Арктического и Антарктического научно-исследовательского института «Михаил Сомов». Судно простояло в доке 2 месяца вместо полутора лет по нормам. С тех пор «Михаил Сомов» прошел тысячи миль без единой поломки.

При всем обилии техники на Морском заводе ремонт судов остается и, наверное, всегда будет нелегким трудом. Ведь корабль в цех не затащишь. Работать приходится под открытым небом, на пронизывающем балтийском ветру, в дождь, в мороз, а иногда и в зной. Дело требует выносливости, стойкости. Но кронштадтцы воспитаны в любви к кораблям, к морю, к своему орденоносному заводу, на котором делается все для того, чтобы создать для трудящихся наилучшие условия.

Много замечательных людей и на других предприятиях, в организациях Кронштадта. Швея филиала Ле-

пинградского объединения «Маяк» Н. П. Седова выполнила задание одиннадцатой пятилетки еще в середине 1983 года. Работница этого же предприятия, депутат Ленгорсовета Г. Шульга, награжденная знаком ЦК ВЛКСМ «Молодой гвардеец пятилетки», к началу 1983 года обогнала трудовой календарь на год. Инициатор соревнования за коммунистическое отношение к труду в коллективе филиала, бригада № 4 постоянно идет в авангарде соревнующихся и ежегодно опережает график на 100 и более дней. В районную книгу Почета занесены имена В. Е. Волкова — маляра УНР-67, шофера автотранспортного предприятия Г. Н. Прокофьева, отличника советской торговли Т. Д. Шиковой и многих других передовых тружеников. Есть в Кронштадте прекрасные строители, врачи, учителя, библиотекари, пекари, парикмахеры. Есть на кого равняться коллективам колбасного, молочного заводов, узла связи, объединения «Водоканализация» и всем другим.

Своих лучших людей жители города знают в лицо. С ними почтительно здороваются и школьники, и командиры кораблей. На примере их жизни партийные, комсомольские, профсоюзные, пионерские организации воспитывают молодежь. Райком КПСС постоянно заботится о том, чтобы юные граждане учились на лучших кронштадтских традициях. В клубах города проводятся тематические вечера «Честь завода — моя честь», «Мой завод, моя профессия», «Здравствуй, юность трудовая!». Стали регулярными встречи молодежи со знаменитыми земляками. Ветераны партии, войны и труда играют неоценимую роль в идейной, нравственной закалке юного поколения.

О том, как передаются от поколения к поколению высокая идейность, гражданственность, советский патриотизм, можно судить по масштабам движения за коммунистическое отношение к труду. В середине 1959 года первыми в Кронштадте звание коммунистических

завоевали две бригады Морского завода: деревообделочники В. Моисеенкова и судокорпусники Е. Листратова. А в октябре 1983 года, когда отмечалось 25-летие этого движения, в нем участвовали более 13 тысяч кронштадтцев, из них 8,5 тысячи завоевали почетное звание. Коллективами коммунистического труда стали 252 бригады, 156 цехов, отделов, участков, 6 предприятий. Четверть века назад большинство этих тружеников были молодыми или только готовились вступить в самостоятельную жизнь. И вот пришла зрелость, отмеченная сознательным служением идеалам нашего общества.

А кронштадтская молодежь восьмидесятых годов — это каждый четвертый депутат районного Совета, более трех тысяч участников Ленинского зачета «Решения XXVI съезда КПСС — в жизнь!» и движения «Пятилетке — ударный труд, знания, инициативу и творчество молодых!». Более 70 процентов работающих юношей и девушек города включились в движение за коммунистическое отношение к труду, каждый четвертый носит звание ударника коммунистического труда.

Время продолжает свой бег. И с каждым годом благодаря заботе страны, ленинградских партийных и советских органов, благодаря усилиям Кронштадтской партийной организации и районного Совета народных депутатов становится краше, молодеет старый город, улучшается жизнь кронштадтцев.

Невиданными на Котлине темпами пошло жилищное строительство. Его пытались форсировать и раньше. Ведь фашистские бомбы и снаряды уничтожили более 130 жилых домов площадью около 50 тысяч квадратных метров. Из остальных 458 домов 116 нуждались в немедленном ремонте. Разрушенные инженерные сети, изрытые воронками улицы, завалы закопчен-

ных обломков... Таким был Кронштадт после блокады. Его раны защитники города начали залечивать сразу же, как только отогнали врага.

К концу первой послевоенной пятилетки завершился ремонт зданий и коммуникаций Кронштадта. В 1948, 1960, 1967 годах утверждались генеральные планы его развития, проекты детальной планировки центра и других частей города. Вначале они осуществлялись медленно. Положение стало улучшаться с тех пор, как в 1964 году Кронштадт в административном отношении стал районом Ленинграда. В следующем году исполком Ленсовета принял постановление о мерах по развитию городского хозяйства Кронштадта.

Последующие годы стали в истории развития Кронштадта переломными. За восьмую и девятую пятилетки город увеличил жилой фонд на 174 тысячи квадратных метров, тогда как за предыдущие 20 лет — всего на 100 тысяч. Широкий масштаб строительства привел к сносу всех ветхих деревянных домов. А старые каменные здания комплексно реконструируются. В них создаются небольшие квартиры с современным благоустройством. Районный комитет КПСС, народные депутаты, архитекторы института ЛенНИИпроект, коллективы треста № 18 Главленинградстроя и других подрядных организаций все больше заботятся не только о количестве, но и о качестве жилья. Важная сторона этой заботы — соответствие облика новых домов и микрорайонов историческому характеру застройки. За последние годы найдены архитектурные, объемно-планировочные решения, которые позволяют развивать город, сохраняя его ярко индивидуальное лицо.

В качестве удачных примеров можно привести новые крупные микрорайоны с их интересной пластикой и своеобразным силуэтом, кинотеатр «Бастион», отдельные дома в давно сложившихся кварталах, тактично дополняющие застройку XVIII—XIX веков. За девя-

тую — одиннадцатую пятилетки 70 процентов жилья возведено вновь или капитально отремонтировано.

Совершенно иным стал быт кронштадтцев. Еще в 1965 году в городе не было ни одной газифицированной квартиры. Теперь нет ни одного примуса или керогаза, тем более — дровяной плиты. Им на смену пришел сначала сжиженный, а после прокладки дюкера по дну Финского залива — природный газ. Практически все жилые дома получают тепло от межквартальной котельной, из них 80 процентов обеспечено горячим водоснабжением, 85 процентов квартир оборудовано ванными. С 3 апреля 1970 года кронштадтцы получили ленинградские телефонные номера. В 1983 году заасфальтирована последняя улица.

Особенно радует жителей города вкусная, чистая, прозрачная, как хрусталь, вода. Ведь кронштадтцам долго приходилось брать питьевую воду из невской струи, тщательно очищать ее от загрязнений. Невская вода после сложной обработки соответствовала санитарным нормам, но была невкусной. А сильный западный ветер пригонял к водозаборнику соленую балтийскую воду.

Теперь отдающее горечью питье стало неприятным воспоминанием. В декабре 1968 года вступил в действие 40-километровый трубопровод, подающий кронштадтцам родниковую воду из Ломоносовского района. Этот водовод — уникальное сооружение. Впервые в Советском Союзе здесь для напорных магистралей применены бетонные трубы отечественного производства, способные выдержать давление 40 атмосфер. На всей трассе нет ни одного мотора, подкачивающего устройства: использован принцип самотека, как в Петровском доке.

Одновременно широко ведется научная реставрация памятников архитектуры, истории, культуры, зеленого строительства.

Насущной проблемой кронштадтской жизни всегда была связь с материком. Летняя дорога давно уже стала короткой и удобной, особенно с тех пор как между пристанями Васильевского острова и Котлина стали регулярно курсировать комфортабельные и быстроходные суда на подводных крыльях. Но зимний путь оставался сложным и длительным.

Буксиры, на которых перевозили пассажиров, иногда часами боролись со льдом. Пассажиры испытывали неудобства, теряли много времени. Большие хлопоты доставляла и автомобильная дорога на Ораниенбаум, а позже — на Лисий Нос. Она являлась главной артерией, питавшей Кронштадт продовольствием и промышленными товарами, строительными материалами, сырьем для предприятий, топливом. Ледовая трасса пересекала фарватер. Через него приходилось наводить мост длиной в 70—80 метров, убирать его, пропускать корабли, и снова устанавливать. Даже в пургу и в метели по дороге проходило до 750 автомашин в день. Чтобы трасса могла обеспечить такой поток транспорта, приходилось держать на ней большое количество людей. Гидрологи постоянно следили за состоянием льда. Там, где появлялись трещины, приходилось устраивать мосты или объезды. Люди на ледовой трассе увязали по пояс в снегу, на пронизывающем ветру сбивали торосы, обкалывали заledenевшие понтоны, следили, чтобы машины не сбились с пути, буксировали их вездеходами. Это был героический труд. И все-таки нужды города удовлетворялись не полностью.

Эти трудности остались позади. 13 декабря 1968 года от причала в Ломоносове отошел паром-ледокол «Андрей Коробицын». Он шел, легко раздвигая льдины широкой могучей грудью, словно не замечая их. Встречать его вышло с флагами и транспарантами чуть ли не все население Кронштадта. Вскоре в пер-

вый рейс отправился такой же ледокольный паром — «Николай Каплунов». Суда, спроектированные горьковскими конструкторами, в короткий срок построили рабочие ленинградского завода имени А. А. Жданова. Они обеспечили круглогодичное грузо-пассажирское сообщение между пристанями Кронштадта и Ломоносова.

На ледоколах-паромах водоизмещением в 1300 тонн поставлены мощные дизель-электрические установки в 3600 лошадиных сил. Прочные корпуса судов позволяют форсировать любые льды Финского залива. Паром способен одним рейсом перевезти 300 пассажиров. Для них оборудованы 4 комфортабельных салона. На верхней палубе длиной около 50 метров могут разместиться 12 грузовых автомашин с прицепами. Путь занимает 40 минут. Сообщение стало удобным, регулярным, надежным, быстрым.

Из всех трудностей, которые в давние и не столь давние времена испытывало население Котлина, осталась, пожалуй, одна — наводнения. Примерно раз в год, а иногда и чаще мощные циклоны, возникающие в Северной Атлантике, стягивают огромные массы воды и образуют на Балтике так называемую нагонную волну. Она, двигаясь по мелководью Финского залива, пробегает его за 7—9 часов, достигая порой 5-метровой высоты. И еще раньше, чем ленинградцев встревожит угрожающий подъем воды в реках и каналах, приближение беды ощущают жители маленького низменного Котлина. Тогда кронштадтская Полуденная пушка отмечает выстрелом каждые 10 сантиметров над уровнем ординара. Стихия теперь не застает врасплох. Люди узнают о приближении «длинной волны» заблаговременно, действуют организованно. Но не в их силах остановить воду. Какие бы меры ни принимались, она все равно заливает город, приносит материальный ущерб.

В разные годы выдвигались различные проекты защиты от наводнений, но лишь в наше время приняты практические шаги. В 1977 году закончилась разработка проекта, которую возглавил коллектив Ленинградского отделения института «Гидропроект» имени С. Я. Жука. Результатом коллективного труда специалистов 52 научно-исследовательских и проектных организаций стали свыше 100 томов пояснительных записок и около 1000 листов чертежей.

Авторы проекта предложили перегородить Финский залив по линии Ломоносов — Кронштадт — поселок Горская на Карельском перешейке мощным барьером. Он будет состоять из 11 каменно-земляных дамб, 6 водопропускных сооружений с 64 отверстиями и 2 ворот для прохода кораблей и судов. Когда возникнет угроза наводнения, по команде с центрального пункта управления из специальных камер автоматически выдвинутся стальные затворы и плотно закроют все 24-метровые проемы. Закроются и ворота: 200-метровой ширины — южнее Кронштадта, 110-метровой — севернее. Акватория Невской губы площадью 400 квадратных километров окажется наглухо отрезанной от залива. Ленинград, Кронштадт, многие населенные пункты по обоим берегам залива будут избавлены от грозной морской волны.

Дамбы шириной 35 метров поднимутся над зеркалом залива на 8-метровую высоту. По их гребню проляжет первоклассная шестиполосная автомобильная магистраль. Она станет частью кольцевой дороги, опоясывающей Ленинград, пересечет западную, незастроенную часть Котлина.

Проект грандиозного морского щита начал успешно претворяться в жизнь. В августе 1979 года ЦК КПСС и Совет Министров СССР приняли постановление «О строительстве сооружений защиты г. Ленинграда от наводнений». ЦК ВЛКСМ объявил новую

стройку Всесоюзной комсомольской. Сразу же началось формирование ее основного коллектива — управления Ленгидроэнергоспецстрой. В создании комплекса участвуют также тресты Севзапморгидрострой, Севзаптрансстрой, Гидроэлектромонтаж, подразделения Главзапстроя и ГлавЛенинградстроя, автотранспортные и многие другие предприятия. Объединения и заводы Ленинграда и других городов страны создают оборудование, какого не знала практика мирового гидростроения.

Для воплощения небывалого проекта нужно переместить 54 миллиона кубометров земли, уложить более 20 миллионов кубометров грунта и скальных пород, 2 миллиона кубометров бетона и железобетона, изготовить и смонтировать механизмы и металлоконструкции общим весом около 40 тысяч тонн, забить в дно и берега 100 тысяч тонн металлического шпунта. Исполинский труд!

В Кронштадте стройка началась в день рождения комсомола 29 октября 1979 года. В тот день на Котлине приступил к работе Ленинградский комсомольско-молодежный отряд Всесоюзной ударной. Первую бригаду отряда возглавил бывший сварщик Балтийского судостроительного завода имени Серго Орджоникидзе Николай Глибин — участник сооружения атомных ледоколов «Арктика» и «Сибирь». Он не раз побеждал в областных конкурсах профессионального мастерства. Эта бригада отличилась по итогам 1980 года и соревнования в честь XXVI съезда КПСС. Ее признали лучшей на всей стройке, как и строительно-монтажное управление № 11 Ленгидроэнергоспецстроя, в которое эта бригада входит.

Котлин стал главным плацдармом стройки. Ведь возле его берегов создаются самые сложные и трудоемкие объекты — огромные судопропускные сооружения, каких еще не бывало в практике гидростроения.

Значит, здесь, в центре будущей морской плотины, должны быть мощный бетонный завод, хороший причал, база механизации, различные производственные помещения. Кронштадтский участок строительства — важнейший. А хозяин на нем — строительно-монтажное управление № 11.

Понимая значение этого коллектива для общего успеха, районная партийная организация постаралась сделать все, чтобы помочь его становлению. Управление возглавил член бюро райкома партии В. А. Калинин, коренной кронштадтец, сын кадрового моряка, погибшего при переходе кораблей Балтийского флота в 1941 году. Стали гидростроителями и другие надежные работники. На пленуме райкома определили задачи партийных организаций по обеспечению строительства. Кронштадт радушно встретил добровольцев Всесоюзной ударной. Сердечные приветствия, цветы, оркестр, заботливо отделанные ремонтниками, уютно оформленные руками школьников и девушек филиала объединения «Маяк» комнаты общежития — все говорило новоселам, что им здесь рады. Так же внимательно отнеслись жители города к формированию кронштадтского участка управления строительно-монтажных работ. И приезжие быстро освоились, восприняли дух и традиции Кронштадта. Многие из них заслужили признание самоотверженным трудом. СМУ-11 неоднократно выходило победителем в социалистическом соревновании подразделений Ленгидроэнергостроя, а участок коммуниста А. П. Дроздова признан лучшим в Минэнерго СССР.

Среди гидростроителей немало коренных кронштадтцев. Один из лучших людей стройки Г. Н. Шишин работал в родном городе электриком, столяром. Затем успешно трудился на строительстве Ленинградской атомной электростанции, освоил там несколько специальностей, приобрел опыт. Вернулся в Кронштадт,

как только узнал, что здесь начинается новое большое дело. Геннадий Шишин стал бригадиром электромонтажников в СМУ-11. В коллективе образовалась сильная партийная группа. Электромонтажники одними из первых в управлении перешли на бригадный подряд, стали применять коэффициент трудового участия. И с самого начала вышли в лидеры соцсоревнования.

Зимой 1982/83 года сложилась тяжелая обстановка: оказалось под угрозой сооружение важных объектов из-за отсутствия электроэнергии. Ее нужно было срочно подать на форт Константин. Бригада Г. Н. Шишина сутками не уходила с трассы. Электромонтажники в мороз и пургу, при свете автомобильных фар тянули линию кабеля и выполнили свою задачу в срок.

С первых дней коллектив строителей защитных сооружений сосредоточил усилия на северном плече трассы. Было решено как можно скорее открыть автомобильное движение между Котлином и Горской, чтобы бесперебойно доставлять на главный плацдарм тысячи тонн строительных материалов. Ударные колонны повели наступление навстречу друг другу, с боем отвоевая у залива каждый сантиметр технологической дороги, которая затем станет цепью защитных дамб.

Давно стал историей тот день, когда водители большегрузных автомашин бригады Алексея Молодкина сбросили в основание дамбы у форта Константин памятный гранитный блок с надписью: «Покорись, море!» Та же бригада отличилась при отсыпке дамбы № 6. Более ста бульдозеристов, экскаваторщиков, шоферов кронштадтского участка уложили в тело дамбы тысячи кубометров горных пород, песка и гравия. Успешно выполнили важный пункт социалистических обязательств 1983 года и сразу же взялись за другое задание — перемычку водопропускного сооружения № 3, около полутора километров по периметру. Замкнули ее

досрочно, предоставив почетное право засыпать последний ручеек воды лучшим бульдозеристам В. Васильеву и С. Кузьминскому.

Нелегко приходится гидростроителям, особенно зимой и осенью. В постоянном напряжении держит их Балтика: ураганные ветры, штормы, наводнения... Особенно упорно бушевала стихия в 1983 году. В январе на еще не защищенные бетоном земляные сооружения лезли глыбы льда, с сентября до конца года то и дело обрушивались нагоняемые циклоном волны, грозя размыть созданное с таким трудом. Затем опять начались так называемые зазорные наводнения — навалы льда на сушу. В бурю волны заливали кабины бульдозеров. Но люди не дрогнули, отстояли пройденные метры и пошли дальше.

Свои трудности у моряков Балттехфлота — экипажей земкаранов, которые ведут углубительные работы в Невской губе. Им приходится разбирать каменные гряды, возведенные еще в XVIII веке для защиты от вражеских кораблей. Только на строительстве котлована для водопропускного сооружения № 4 земснаряд «Беломорская» поднял со дна пять тысяч кубометров камня. Нередко в черпаки попадают «подарки» и похуже: мины, снаряды, авиабомбы. Такие находки грозят большой опасностью. Но моряки технического флота не уступают мужеством отцам и дедам.

В ходе строительства поднятым со дна залива грунтом на Котлине засыпали болота, прибрежное мелководье. Площадь острова увеличилась на 70 гектаров. На этом месте создана производственная база стройки. В западной части вырос и новый большой микрорайон. Его дома в 9—12 этажей заселили создатели защитных сооружений. Улица Гидростроителей названа в их честь. Всесоюзная ударная стала стимулом для дальнейшего развития Кронштадта. Небывало высокие темпы набрали строители жилья. Только за 1983 год

они возвели 31 тысячу квадратных метров жилой площади.

По первоначальному плану комплекс защитных сооружений предполагалось ввести в строй в 1990 году. Однако Ленинградский обком КПСС выступил с предложением ускорить это очень важное строительство. Предложение встретило поддержку в Центральном Комитете партии и Совете Министров СССР. Было решено усилить темпы работ. Планы коллективов стройки на 1983-й и последующие годы увеличились резко. У Кронштадтской партийной организации прибавилось хлопот. Но это радостные хлопоты. В грандиозном размахе дел, в бурном ритме созидания осуществляется заветная мечта поколений.

Постройка защитных сооружений, необходимая Ленинграду, скажется и на жизни населения Кронштадта. Навсегда исчезнет его обособленность. Окончательно отпадет необходимость считаться с капризным характером погоды, с ледовой или штормовой обстановкой в Финском заливе. Автострада над водой по существу уравнивает Котлин с другими островами, на которых стоит Ленинград. И поездка от Якорной площади до Дворцовой, в любой район города станет простой и легкой. Получив сухопутное сообщение с материком, кронштадтцы приобретут новые возможности развивать строительство, улучшать снабжение, участвовать наравне с ленинградцами в богатой событиями культурной жизни.

В свою очередь ленинградцам, советским и зарубежным туристам не составит труда в любое время года путешествие в овеянный легендами город. Он и сейчас принимает десятки тысяч гостей за летний сезон. Ступают на котлинскую землю не только соотечественники, но и наши зарубежные друзья, руководители братских коммунистических и рабочих партий, государственные и общественные деятели многих стран. Перво-

классная автомобильная магистраль значительно увеличит поток желающих прикоснуться к истории Кронштадта, увидеть его сегодняшний день.

Сердечно встречают гостей хозяева города. Им есть чем гордиться, что показывать. Кронштадт богат памятниками архитектуры, истории, культуры. Почти все они дышат морем. Каменные и бронзовые творения зодчих и ваятелей запечатлели этапные события и образы выдающихся людей, неразрывно связанных с Кронштадтом.

До сих пор в незыблемом строю вдоль набережной смотрят на залив губернские дома, построенные в первые годы существования города. Высятся одетые в гранит бастионы фортов. Служат сегодняшним жителям здания, знавшие Крузенштерна и Беллинсгаузена, Лазарева и Нахимова, Бутакова и Макарова.

В окружении вековых деревьев Петровского парка установлен памятник основателю Кронштадта (скульптор Теодор Наполеон Жако). Монумент открыт в годовщину Полтавской победы — 27 июня 1841 года. Композиция решена новаторски: впервые в бронзе воплощена не конная, а пешая фигура Петра I. В трактовке исторически достоверного костюма и атрибутов, в передаче внутреннего состояния героя сказались реалистические тенденции и недоужинный талант автора.

Художественно убедительный образ Ф. Ф. Беллинсгаузена создали скульптор И. Н. Шредер и архитектор И. А. Монигетти. Памятник прославленному мореплавателю открыт 11 сентября 1870 года. Бронзовая фигура адмирала стоит на Советской улице.

У Дома офицеров, бывшего Штурманского училища, с 19 октября 1886 года возвышается статуя его выпускника П. К. Пахтусова (скульптор Н. А. Лаврецкий). Мужественный полярный исследователь изображен с картой Новой Земли в руке. На сером граните пьедестала высечен его девиз: «Труд. Польза. Отвага».

На территории Кронштадтского Морского госпиталя увековечена память о его главном враче в 1897—1911 годы, видном эпидемиологе В. И. Исаеве. На черном полированном камне вырезаны запоминающиеся слова Исаева: «Жизнь мчится стремительно — спешите трудиться!»

Своеобразны монументы Летнего сада, напоминающие о коварстве океана, о жертвах зыбучей стихии. Черная стела с закругленной вершиной, установленная в 1828 году, посвящена подвигу мичмана линейного корабля «Азов» А. А. Домашенко. Молодой офицер бросился в штормовые волны, чтобы спасти тонущего матроса, сорвавшегося с мачты во время уборки парусов. С корабля спустили шлюпку, но шквал унес терпящих бедствие. Они погибли в нескольких милях от итальянского порта Палермо. Большая глыба бурого гранита, обвитая цепью, сломанный якорь, приспущенный флаг... Эта композиция создана в память о команде клипера «Опричник». Корабль, его капитан Петр Селиванов и вся команда, состоявшая из 95 человек, осенью 1861 года бесследно исчезла в Индийском океане. Памятник открыт 31 октября 1873 года.

На Якорной площади в энергичном движении застыла фигура адмирала С. О. Макарова в фуражке и развеваемой ветром шинели (скульптор Л. В. Шервуд, монумент открыт 24 июля 1913 года). С пьедестала — огромной угловатой глыбы гранита — к ногам адмирала тянется морская волна в виде аллегорического японского дракона. В складках и изломах камня расположены барельефы, отражающие различные моменты биографии прославленного моряка. По капризу царского двора скульптору запретили придать пьедесталу определенную форму. Возможно, по этой причине композиция произведения лишена пластического единства. Но образ С. О. Макарова впечатляет. Это воплощение энергии, воли, разносторонней одаренности воина и

ученого, путешественника и организатора. Воплощение собранности и силы, готовности в любой момент отразить врага. Об этой готовности говорит и высказывание адмирала, воспроизведенное на памятнике: «Помни войну».

В садике перед зданием бывшего Минного офицерского класса установлен бронзовый бюст изобретателя радио А. С. Попова. Портрет великого ученого создал самодеятельный скульптор главстаршина В. С. Чеботарев. Бюст открыт в мае 1945 года, когда израненный войной Кронштадт отмечал 50-летие изобретения радио.

Воплощена в гранит и бронзу и революционная история Кронштадта. О немеркнущих подвигах балтийских моряков в годы большевистского подполья, в момент октябрьского штурма, в период гражданской войны напоминают бюсты И. Д. Сладкова и А. Г. Железнякова, установленные на Флотской улице, во дворе казарм Учебных отрядов. В 1974 году по проекту архитектора Л. К. Ларионовой реконструирована братская могила борцов за Советскую власть, отдавших жизни в февральских и октябрьских боях 1917 года, зверски замученных на форту Красная Горка в 1919-м, погибших при подавлении кронштадтского мятежа в 1921-м. На этом священном месте на исторической Якорной площади с весны 1917 года покоится и прах семи матросов, казненных за участие в Кронштадтском восстании 1906 года.

По просьбе ветеранов революции и гражданской войны бюро районного комитета партии решило перенести с городского кладбища на Якорную площадь урну с прахом видного большевика-ленинца Ивана Петровича Флеровского. По заданию партии он приехал в Кронштадт в марте 1917 года, в бурной и сложной обстановке подготовки и свершения пролетарской ре-

волюции отдавал все силы политической работе среди моряков и с честью выполнил ответственное задание Центрального Комитета. В 1918 году он был главным комиссаром Балтийского флота. Затем партия направила его на другую работу. Но до конца жизни И. П. Флеровский сердцем оставался в Кронштадте и завещал похоронить его в любимом городе.

Торжественная церемония перезахоронения и открытия памятника на братской могиле состоялась 3 октября 1974 года. Она вылилась в волнующую демонстрацию верности кронштадтцев делу Коммунистической партии, прекрасным традициям своего города, прославленного во всем мире.

Монументами отмечены на улицах и площадях Кронштадта страницы его социалистической истории. Как уже сказано, на территории Морского завода был сооружен один из первых в стране памятников В. И. Ленину — небольшой бюст на скромном постаменте. Однако городу требовался монументальный памятник любимому вождю, доступный для всеобщего обозрения. Его рождение кронштадтцы праздновали 6 ноября 1955 года. Статуя Владимира Ильича работы скульптора И. П. Яцыно воздвигнута в центральной части главной магистрали — улицы Ленина.

Известный ваятель Н. В. Томский — автор памятника С. М. Кирову. Его открыли 1 декабря 1935 года — через год после злодейского убийства выдающегося деятеля Коммунистической партии и Советского государства.

Увековечена и память о славных сынах Кронштадта активном участнике революционной борьбы, гражданской войны, руководителе трудящихся масс города в первые годы Советской власти М. И. Мартынове и дважды Герое Социалистического Труда академике П. А. Капице.

Много на Котлине памятников и памятных знаков в честь его защитников в годы Великой Отечественной войны. Это стела в саду Metallistov, посвященная подвигам трудящихся Морского завода (автор — местный скульптор В. А. Онуфриев); памятник подводникам на площади Мартынова (архитекторы М. Н. Майсель и М. А. Афанасьев), сооруженный на средства и силами военных моряков к 20-летию Победы; гранитная роstra с фигурой моряка на штевне, установленная на плацу, где молодые матросы принимают присягу. В Летнем саду увековечена память об одном из самых славных кораблей Балтики — линкоре «Октябрьская революция». Здесь сохранены для потомков его якоря, часть брони и башня Ивана Тамбасова. 16 апреля 1943 года во время яростного поединка мощной артиллерии корабля с батареями врага контуженный командир башни заставил себя подняться, голыми руками хватал раскалившиеся от пожара на палубе снаряды и выбрасывал их за борт. Последний снаряд взорвался возле самой его груди. Старшина 1-й статьи Иван Тамбасов ценой своей жизни спас корабль и навсегда остался в списках героев.

Весь Кронштадт, как и Ленинград, можно назвать городом-памятником. Мемориальные доски в честь выдающихся моряков, ученых, деятелей литературы и искусства, пламенных борцов с самодержавием, героических защитников Советской власти и социалистической Родины. Названные их именами улицы и площади. Памятные надписи на стенах домов: «Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна». Все это — незабываемые страницы славы.

Жители города заботливо берегут память о прошлом, особое наследие легендарного острова. Продолжая вековую традицию, каждый день ровно в 12 часов с берега Петровского канала слышится гул выстрелов.

ла Полуденной пушки. Он словно перекликается с громом орудия Петропавловской крепости в Ленинграде. Когда-то на улицах Кронштадта было много врытых в землю орудийных стволов. Эти своеобразные тумбы и сегодня можно увидеть на магистралях города. В 1860-е годы двор Пароходного завода, а затем несколько улиц вымостили чугунными шашками. Необычное покрытие оказалось на редкость прочным, но к нашему времени сохранилось лишь небольшими участками. Хозяева города внимательно отнеслись и к этой достопримечательности. При реконструкции Якорной площади ее выложили диабазом с вкраплениями бетонных плит, а по краю устроили металлическую мостовую. Реконструкция закончилась к 7 ноября 1974 года. Главная площадь города, традиционное место митингов, парадов, демонстраций, народных гуляний, помолодов, осталась олицетворением давних времен. А ее название идет с XVIII века, когда здесь стали хранить якоря кораблей.

История живет и в музеях города. Уникальные экспонаты собраны в филиале Центрального военноморского музея «Кронштадтская крепость». Его открыли 3 ноября 1953 года в Матросском клубе, а в 1980 году перевели в здание бывшего Морского собора. Здесь находятся волнующие реликвии русской ратной славы, свидетельства подвигов советских воинов: зрительная труба адмирала М. П. Лазарева, спасательный круг эсминца «Гавриил», гвардейский флаг подводной лодки «Щ-303», орден Красного Знамени подводной лодки «Лембит», модели и макеты кораблей, образцы оружия, многочисленные документы, фотографии, личные вещи защитников Кронштадта, его славных сынов и дочерей.

Пользуется популярностью и Мемориальный кабинет-музей А. С. Попова. Его основа заложена еще в 1906 году, когда почитатели и ученики изобретателя

радио устроили посмертную выставку его приборов. Особую роль в создании и развитии музея сыграл помощник и друг ученого П. Н. Рыбкин. Он навсегда остался в Кронштадте, готовил кадры радиоспециалистов для Советского флота. До своей смерти в 1948 году Рыбкин бессменно заведовал кабинетом-музеем.

Большой интерес представляет музей Кронштадтского ордена Ленина Морского госпиталя. Его витрины и стенды убедительно раскрывают заслуги этого старейшего медицинского заведения русского военноморского флота в прогрессе науки и здравоохранения. Интересны и советские разделы экспозиции. После победы Великого Октября в госпитале работали выдающиеся специалисты В. К. Лубо, Ф. Ф. Андреев, А. Л. Поленов, В. Г. Гаршин, Р. А. Засосов и другие. В настоящее время успешно ведутся научные исследования, их результаты эффективно используются в лечении и профилактике различных болезней. Все это отражено в экспозиции музея.

Храня прошлое и созидая настоящее, Кронштадт устремлен в будущее. Здесь, как и во всей Советской стране, особенно заботятся о детях и молодежи. Для них строятся дошкольные учреждения, по оригинальному проекту создается игровой городок, укрепляется материальная база народного образования и здравоохранения. В Кронштадте четыре средние и две неполные средние школы. За последние годы они оснащены современным оборудованием, техническими средствами обучения. Кроме того, действуют детские музыкальная, художественная и спортивная школы. В Доме школьника насчитывается более 35 всевозможных кружков. Предмет постоянного внимания руководителей района и шефствующих предприятий — СГПТУ-48, где готовят квалифицированных рабочих для судоремонта, швейной промышленности и общественного пи-

тания. В училище 30 прекрасно оборудованных кабинетов и 7 мастерских.

В Кронштадте есть и вечерняя средняя школа с очной и заочной формами обучения. Четверть века успешно готовит кадры судоремонтное техническое училище. Многие кронштадтцы получают высшее образование по месту жительства в общетехническом филиале Северо-Западного заочного политехнического института.

Не только подрастающему поколению, но и взрослым предоставлены широкие возможности для развития эстетических вкусов, способностей к творчеству, для удовлетворения тяги к искусству и культуре. Этой цели служат различные кружки, студии, объединения по интересам, коллективы художественной самодеятельности. Они открыты в Доме офицеров и его филиале, в Матросском клубе, во Дворце культуры имени М. И. Мартынова. Кроме того, здесь частые гости — артисты из Ленинграда и других городов.

Первоклассный кинотеатр «Бастион» с двумя залами в общей сложности на 900 мест, 24 библиотеки с книжным фондом в 710 тысяч томов, не считая воинских книгохранилищ, выставочный зал, стадион, спортивные залы — все это элементы единой системы воспитания гармонически развитого человека, патриота и гражданина.

Кронштадт, дух этого города и его облик, — великолепная школа патриотизма, источник действенной и горячей любви к Родине. Здесь на каждом шагу ощущаешь гордость за наш великий народ, за его исторические свершения.

Гостям города хозяева обязательно показывают маленькую изящную башенку, построенную в духе архитектуры петровского времени. Она стоит возле Дома офицеров, по соседству с памятником Пахтусову. Это павильон мареографа. Он поставлен над колодцем глу-

биной 7 метров, который сообщается с Финским заливом. В колодце на поверхности воды лежит специальный поплавок, соединенный с самопишущим прибором. Мареограф непрерывно рисует кривую уровня Балтийского моря. Средняя величина этого уровня точно вычислена на основе многолетних наблюдений и приведена к нулю Кронштадтского футштока. Сам же футшток находится на устое моста через Обводный канал. Он представляет собой массивную чугунную линейку с фарфоровыми делениями. Рядом в гранит вмонтирована табличка: «Исходный пункт нивелирной сети СССР».

От нуля Кронштадтского футштока ведется отсчет абсолютных высот и глубин по всей территории страны, в омывающих ее морях, в воздушном и космическом пространствах. Кронштадтцы уверяют, что первый космонавт мира Юрий Алексеевич Гагарин, увидев футшток, воскликнул: «Так вот он, пуп земли!» В этой шутливой фразе заложен большой смысл. Показания водомерной рейки на Котлине стали базой для составления любых карт, схем и планов. В годы войны точное знание уровня воды было необходимо для наводки дальнобойной корабельной артиллерии. В 1942 году советский ученый Ф. Н. Красовский, используя измерения нескольких поколений кронштадтских гидрографов, вычислил истинную фигуру нашей планеты — геоид Красовского. На основе данных Кронштадтского футштока ученые нашего времени определяют сдвиги земной коры и рассчитывают орбиты космических кораблей, небесных тел.

Эти же данные позволили точно определить минимальное расстояние от Земли до малой планеты Солнечной системы № 2447. Ее открыла научный сотрудник Ленинградского института теоретической астрономии Академии наук СССР Т. М. Смирнова. Биография Тамары Михайловны не связана с городом на Кот-

лине, но она решила выразить к нему свою любовь и уважение, дав открытому ею небесному телу имя Кронштадт.

Любят Кронштадт в нашей стране. Поэтому с таким ликованием тысячи людей в разных концах Советского Союза встретили Указ «О награждении города Кронштадта орденом Красного Знамени», принятый Президиумом Верховного Совета СССР 26 января 1984 года: «За революционные, боевые и трудовые заслуги перед Родиной и в связи с 40-летием полного освобождения Ленинграда от вражеской блокады в годы Великой Отечественной войны наградить город Кронштадт орденом Красного Знамени».

На следующий день в Кронштадте состоялись массовые митинги.

Выражая Родине глубокую благодарность за высокую награду, трудящиеся заявили, что, вдохновленные вниманием и заботой Коммунистической партии и Советского правительства, они с новыми силами будут претворять в жизнь исторические решения XXVI съезда КПСС и последующих Пленумов Центрального Комитета, сделают все возможное для того, чтобы приумножить могущество социалистического Отечества.

Белика слава маленького города, старого и молодого одновременно. Пусть же, обновляясь и хорошея, он сохранит все, чем прославился в веках. Пусть приобретет новую славу, достойную громкого имени — Кронштадт.

ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ УЛИЦ И ПЛОЩАДЕЙ КРОНШТАДТА

Современное название

Прежнее название

УЛИЦЫ

Аммермана	Песочная
Велищинского	Сайдашная
Володарского	Андреевская
Восстания	Северный бульвар
Гусева	Высокая
Зосимова	Луговая
Инге	Новая
Интернациональная	Богоявленская
Коммунистическая	Княжеская
Ленина	Николаевский пр. (до 1856 г. — Господская)
Ленинградская	Петербургская
Либкнехта	Малая Екатерининская
Карла Маркса	Соборная
Октябрьская	Петровская
Советская	Большая Екатерининская
Урицкого	Михайловская (до 1860 г. — Посадская)
Флотская	Павловская

ПЛОЩАДИ

Мартынова	Нарвская
Рошаля	Комендантская

ПЕРЕИМЕНОВАНИЯ КОРАБЛЕЙ И СУДОВ

Новое название

Прежнее название

ЛИНЕЙНЫЕ КОРАБЛИ

«Заря свободы»	«Император Александр II»
«Октябрьская революция»	«Гангут»
«Марат»	«Петропавловск»
«Петропавловск»	«Лютцов»
«Парижская коммуна»	«Севастополь»

КРЕЙСЕРА

«Коминтерн»	«Память Меркурия»
«Профинтерн»	«Светлана»
«Красный Кавказ»	«Адмирал Лазарев»
«Червона Украина»	«Адмирал Нахимов»

ЭСКАДРЕННЫЕ МИНОНОСЦЫ

«Вице-адмирал Дрозд»	«Стойкий»
«Карл Маркс»	«Изяслав»
«Яков Свердлов»	«Новик»

УЧЕБНЫЕ СУДА

«Свирь»	«Память Азова»
«Красное знамя»	«Храбрый»
«Курсант»	«Сухона»
«Ленсовет»	«Верный»

Маркс К. и Энгельс Ф. Сочинения. 2-е изд. М., Госполитиздат, 1958. Т. 10, с. 4, 286, 635—641.

Энгельс Ф. Избранные военные произведения. М., Воениздат, 1956, с. 290.

Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 10, с. 251—252; т. 12, с. 112; т. 20, с. 173; т. 32, с. 218, 495—496; т. 34, с. 64, 383; т. 35, с. 114; т. 43, с. 23, 24, 34, 140, 218, 367, 371; т. 48, с. 84; т. 50, с. 3.

Ленин В. И. Военная переписка. 1917—1920. М., Воениздат, 1956, с. 125.

Ачкасов В. И., Вайнер Б. А. Краснознаменный Балтийский флот в Великой Отечественной войне. М., Воениздат, 1957.

Бестужев Н. А. Опыт истории Российского флота. Л., Географгиз, 1961.

Винокуров И. П., Завирюха П. Н., Знайда Т. М. Кронштадт. Краткий путеводитель. Лениздат, 1963.

Глебов (Ленцнер) Л. А. Кронштадт в 1905—1906 гг. М., Политиздат, 1956.

Гречанюк Н., Дмитриев В., Криницын Ф., Чернов Ю. Балтийский флот. Исторический очерк. М., Воениздат, 1960.

Дыбенко П. Е. Из недр царского флота к Великому Октябрю. Из воспоминаний о Балтфлоте. М., Политиздат, 1928.

Елагин С. К. Начало Кронштадта. Кронштадтский вестник, 1866, № 1, 3, 5.

История военно-морского искусства. М., Воениздат, 1969.

История Кронштадтского госпиталя. Л., 1967.

Козлов И. А., Шломин В. С. Краснознаменный Балтийской флот в героической обороне Ленинграда. Лениздат, 1976.

Кораблев Ю. И. Революционные восстания на Балтике в 1905—1906 гг. Лениздат, 1956.

Краснознаменный Балтийский флот в битве за Ленинград. Сб. статей. М., Наука, 1973.

Крепость Кронштадт при Петре Великом. Кронштадт, 1904.

Крупская Н. К. Воспоминания о Ленине. М., Политиздат, 1957.

Лупач В. С. Русский флот — колыбель величайших открытий и изобретений. М., Изд-во ДОСААФ, 1962.

Мельников П. Е. Красногорский бастион. Лениздат, 1982.

Мушников А. Н. Балтийцы в боях за Ленинград. М., Воениздат, 1955.

Мы из Кронштадта. Сб. воспоминаний и очерков. Лениздат, 1975.

Найда С. Ф. Революционное движение в царском флоте. М., Изд-во АН СССР, 1948.

Новаторы русского флота. М., Изд-во ДОСААФ, 1949.

Орловский К. Краткий исторический очерк кронштадтской городской полиции по случаю 100-летия ее существования. Кронштадт, 1912.

Перовский Е. П. Верный долгу революции. Лениздат, 1964.

Петраш В. В. Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М. — Л., Наука, 1966.

Рагозина Э. Б., Майоров Н. Е. К истории Кронштадтского ордена Ленина Морского завода. Л., 1958.

Розагеев Б. А., Сомина Р. А., Клещева Л. С. Кронштадт. Архитектурный очерк. Л., Стройиздат, 1977.

Рудный В. А. Действующий флот. М., Воениздат, 1965.

Рыкачев Н. Н. Кронштадтская старина. — Кронштадтский вестник, 1884, № 136; 1885, № 40.

Сборник кратких сведений по морскому ведомству. СПб., 1908.

Сивков П. З. Кронштадт. Страницы революционной истории. Лениздат, 1972.

Столянский П. Н. Историко-общественный путеводитель по Кронштадту, Пг., 1923.

Столяренко М. А. Сыны партии — балтийцы. Лениздат, 1969.

Тимофеевский Ф. А. Краткий исторический очерк двухсотлетия города Кронштадта, Кронштадт, 1913.

Трибуц В. Ф. Балтийцы вступают в бой. Калининградское книжн. изд-во, 1972.

Трибуц В. Ф. Подводники Балтики атакуют. Лениздат, 1963.

Флеровский И. П. Большевистский Кронштадт в 1917 году. Ленинград, 1957.

Хесин С. С. Моряки в борьбе за Советскую власть. М., Наука, 1977.

Шелов А. В. Исторический очерк крепости Кронштадт. Кронштадт, 1904.

* * *

ЛПА (Ленинградский партийный архив). Ф. 15, оп. 1, св. 15, д. 89, 90, 91, 92; св. 19, д. 119; св. 50, д. 280; св. 58, д. 324; св. 67, д. 374. Ф. 4000, оп. 5, св. 462, д. 123; св. 468, д. 243; св. 469, д. 267; св. 473, д. 341, 342, 947; св. 476, д. 406; св. 480, д. 535, 536, 539, 588; св. 481, д. 540; св. 489, д. 837; св. 493, д. 946, 948; св. 948, д. 1047; св. 502, д. 1134.

Рукописный фонд ГПБ им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Ф. 542, оп. 1, д. 707; ф. 856, д. 1—7.

РУССКАЯ КРЕПОСТЬ НА БАЛТИКЕ

Чудо-дело	10
Зигзаги	26
Слава на задворках	43
Плоды великих усилий	62
Звезды среди мрака	82
«Вредный климат»	91

ШТОРМОВЫЕ ВОЛНЫ РЕВОЛЮЦИЙ

Школа пролетарской борьбы	108
Пулями пронзенные	117
«...А в Балтийском флоте кипит!..»	143
Оплот ленинской партии	158
«Кончилось ваше время!»	179

ЧАСОВОЙ СОВЕТСКОЙ РОДИНЫ

Тяжкие испытания	196
Трагический март	218
Второе рождение	232
Огневой щит Ленинграда	248
Каждый день был подвигом	271
Город старый, город новый	299

<i>Приложения</i>	328
<i>Литература и источники</i>	330

Геннадий Федорович Петров

КРОНШТАДТ

Заведующая редакцией *А. М. Березина*. Редактор *И. А. Сенина*.
Художник *Ю. Б. Осенчаков*. Художественный редактор *В. А. Бака-
нов*. Фотографии *В. И. Витова*; на обложке — *Ю. Ф. Березовского и
В. И. Витова*. Технический редактор *М. А. Хомич*. Корректор
М. В. Иванова.

ИБ № 2555

Сдано в набор 05.04.85. Подписано к печати 16.10.85. М-35963. Формат
70×108¹/₃₂. Бумага тип. № 1. Гарн. Балтика. Печать высокая. Усл. печ. л.
14,70+вкл. 1,40. Усл. кр.-отт. 22,41. Уч.-изд. л. 15,88. Тираж 50 000 экз.
Заказ № 756. Цена 70 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени Лениздат, 191023, Ленинград, Фон-
танка, 59. Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володар-
ского Лениздата, 191023, Ленинград, Фонтанка, 57.

Петров Г. Ф.

ПЗ0 Кронштадт. Очерк истории города. — 2-е изд., перераб. и доп. — Л.: Лениздат, 1985. — 333 с., ил.

Историко-краеведческий очерк посвящен Кронштадту — городу русской и советской морской славы. Революционная, боевая и трудовая биография Кронштадта, его прошлое, настоящее и будущее неотделимы от жизни Ленинграда.

П 0505040000—092
М171(03)—85 161—85

63.3(277)

В Лениздате готовятся к изданию:

- **Б. В. Белоусов, С. П. Гладкий,
И. С. Толстой**

Подпорожье.

- **М. Д. Свидерская,
В. М. Храбрый**

Сохраним для потомков:

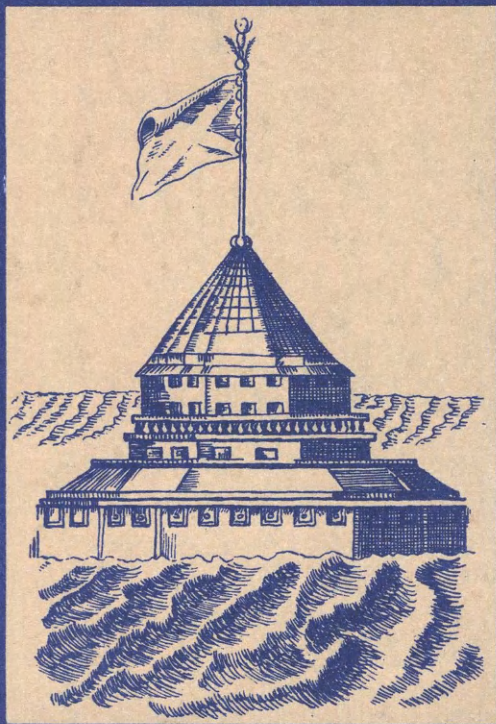
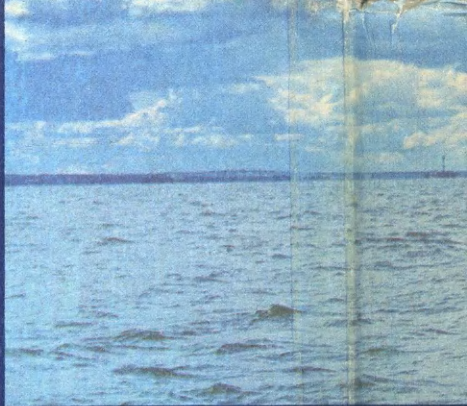
**Особо охраняемые территории Ленин-
градской области.**

- **Ленинградская область: Исторический
очерк.**

Составитель В. А. Ежов.

70 коп.

Здесь все морскою доблестью
живет,
Сынов на подвиг кличет
неустанно.
Отсюда пролагал наш русский
флот
Дороги на моря и океаны.

Вс. Азаров

КРОНШЛОТ